

K67
1864

www.libtool.com.cn

БЫЛЪ ЛН
ДЖЕДИМИТРІЙ ІЯ
ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ

www.libtool.com.cn

КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ?

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Н. КОСТОМАРОВА.

Вообще въ грамотахъ того времени не заботи-
лись о согласномъ свидѣтельствѣ, а выставляли
событія смотря по обстоятельствамъ.

Соловьевъ. Ист. Рос. IX, 23.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОВАРОВА И К^о.

1864

ANL 9130

www.lbttool.com.cn

ИЗДАНИЕ

С. ПЕТЕРБУРГЪ. 1864

С. ПЕТЕРБУРГЪ. 1864

Доволено ценсурой. С.-Петербургъ. 17 сентября 1864 года.

КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ?

У насъ общепринятое мнѣніе о самозванцѣ, царствовавшемъ въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія Ивановича, есть то, что онъ былъ чернецъ Чудова монастыря Гришка Отрепьевъ. Это мнѣніе считалось и считается у насъ какъ бы доказаннымъ окончательно. Историкъ смутнаго времени Вутурлинъ выразился такъ: «первымъ Лжедимитріемъ въ Россіи былъ Отрепьевъ, и противорѣчить еще сему свойственно было бы только тѣмъ, кои, увлекаясь суетнымъ мудрованіемъ, тщатся опровергать всѣ историческія истины единственно чтобы мыслить иначе, чѣмъ мыслили ихъ предшественники». (Ист. См. Вр. 1, 278). Между тѣмъ, до сихъ поръ остались не разобранными, неизслѣдованными и неповѣренными мѣста изъ источниковъ, на которыхъ основывается это мнѣніе.

Наши лѣтописныя сказанія и большая часть иностранныхъ источниковъ о смутной эпохѣ составлены уже впоследствии, а потому оцѣнка взгляда ихъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ оцѣнки первоначальныхъ свѣдѣній, болѣе близкихъ какъ ко времени, такъ и къ самому вопросу. Они считали загадочное лицо, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ или другимъ, на основаніи такого или иного образовавшагося мнѣнія, и потому важнѣе всего добраться, какъ эти мнѣнія сложились и откуда получили начало.

Самозванецъ, какъ мы докажемъ впоследствии, появился въ Польскихъ владѣніяхъ въ 1600—1601 годахъ, а первыя заявленія о томъ, что онъ—Гришка Отрепьевъ, явились въ 1604 году, и

положительно—только къ концу этого года. Первымъ протестомъ изъ Московскаго государства противъ него были двѣ грамоты отъ пограничныхъ Черниговскихъ воеводъ; одна отъ князя Михаила Кашина-Оболенскаго, другая отъ князя Татова. Въ обѣихъ извѣщается, что называющій себя Дмитриемъ былъ бѣглый чернецъ; но онъ не называется Гришкою (*Suppl. ad Hist. Russ. monum.* 410).

Изъ сношенія нашихъ бояръ съ Польскими посланн уже черезъ полтора года послѣ воцаренія Шуйскаго видно, что тогда бояре указывали, будто въ 1604 году они посылали для обвиненія самозванца дядю Гришки Отрепьева — Смирного Отрепьева къ панамъ, требуя оной ставки съ племянникомъ; но посланы не допустили его до этого. Въ отвѣтъ на это польскіе послы упрекали ихъ и объяснили, что Смирной-Отрепьевъ призываетъ совсѣтъ по другимъ дѣламъ съ двумя грамотами: одна была въ воеводѣ Виленскому съ жалобой, что не посланы судьи со стороны короля для разбора дѣлъ о грабежахъ и пограничныхъ недоразумѣніяхъ, и другая — въ Литовскому канцлеру по тому, что, вопреки прежнимъ обычаямъ, берутъ съ московскихъ купцовъ новые доборы. Отличности же Дмитрія не было ни словари, даже самъ Смирной не сказался чѣмъ онъ былъ посланъ — посланникомъ или гонцомъ, какъ всегда дѣлалось; а въ одной изъ грамотъ не упомянуто было и его имя. Какъ же можно, — говорилъ поляки, — чтобы Смирной, съ такими грамотами ириславный по другимъ совершенно дѣлахъ, могъ домогаться оной ставки съ Дмитриемъ, котораго вы называете сыномъ его брата? Если бы онъ и домогался, то нельзя было ему повѣрить, когда въ грамотѣ объ немъ не написано. Сверхъ того, вы сами говорите, что послали Смирного тогда уже, когда воръ пошелъ въ Сѣверскую землю; то какъ же вамъ было искать его въ оужомъ государствѣ? Если бы вы хотѣли добра вашему царю Борису, то слѣдовало бы, какъ только вѣсть разнеслась о ворѣ, тотчасъ же нести съ королемъ и съ сенаторами писать объ этомъ съ точностію и представить очевидное свидѣтельство та кю

вы прислали Смирного съ порученіемъ о другомъ совѣмъ предметѣ—о дѣлахъ пограничныхъ, стоящихъ какихъ-нибудь нѣсколько рублей, о такомъ же важномъ дѣлѣ не поручали ему ни слова. Имя Смирного не упоминается въ источникахъ. Эта протестація поляковъ заслуживаетъ вѣроятія, потому что панамъ не было необходимости въ этомъ случаѣ говорить неправду. Еслибъ Смирной пріѣхалъ съ порученіемъ о самозванцѣ, они бы все равно не могли удовлетворить его, и следовательно—нечего было бы заираться, что не знали такого порученія. Притомъ же они не заирались, что Постникъ Огаревъ, вѣдѣвъ за Смирновымъ, я можетъ быть—и въ одно время пріѣзжавшій въ Польшу, имѣлъ порученіе отъ Дмитрія. И почему же по такому важному государственному дѣлу Смирного-Отрепѣва посылали московскіе бояре къ польскимъ панамъ, а не московскій государь къ польскому королю? Постникъ Огаревъ, дворянинъ, посланъ былъ Борисомъ октября 14. Паны въ тѣхъ же самыхъ и послѣдующихъ сношеніяхъ объясняли боярамъ, что этотъ посланникъ пріѣзжалъ съ грамотой отъ Бориса собственно о пограничныхъ недоразумѣніяхъ, но между прочимъ грамота касалась и того, что во владѣніяхъ короля находится бѣглый монахъ Гришка Отрепѣевъ, называющійся Дмитріемъ Углицкимъ, и посылаетъ грамоты въ украинные города Московскаго государства. Приглашали короля поймать его и наказать. Король отвѣчалъ, что такъ-какъ этотъ человѣкъ находится уже въ предѣлахъ Московскаго государства, то тамъ его удобнѣе поймать (*Дела Арх. Ин. Д. М. М. 264, 274. Suppl. ad Hist. Russ. mon. 418*).

Въ то же время въ Разрядныхъ книгахъ записано, что царю «учинилась вѣсть (следовательно—въ первый разъ царь узналъ), что нашелся въ Литвѣ воръ, который называется Дмитріемъ Углицкимъ. И тутъ же слѣдуетъ заключеніе, что этотъ воръ долженъ быть Гришка Отрепѣевъ, сбѣжавшій въ 1603 году (111) въ Сѣверскую землю съ чернецомъ Мисаиломъ Повадинымъ. Онъ пришелъ въ Печерскій монастырь и тамъ разболѣлся, призвалъ игумена исповѣдываться и сознался ему, что

онъ царевичъ Димитрій и ходитъ непостриженъ въ искусь, избѣгая царя Бориса. Игумень сталъ его чтить, объявилъ о немъ и сказалъ королю.

Бояре, въ сношеніяхъ своихъ съ польскими послами, уже послѣ убіенія Лжедимитрія, ссылались еще на то, что патриархъ посылалъ къ воеводѣ кievскому, князю Острожскому, сына боярскаго Аѳанасія Пальчикова извѣстить, что называвшій себя Димитріемъ и проживавшій въ его воеводствѣ—бѣглый монахъ-чернокнижникъ, и просилъ выдать его. Острожскій, признавая бѣглеца истиннымъ царевичемъ, не только не выдалъ, но задержалъ Пальчикова, а сынъ Острожскаго Янушъ томилъ его въ оковахъ долгое время, также признавая бродягу царевичемъ. На это извѣстіе поляки отвѣчали, что не знаютъ ничего о такомъ посольствѣ. Замѣтить слѣдуетъ, что и Константинъ Острожскій и сынъ его Янушъ не мирволили самозванцу. Въ дневникѣ Борша (*Рукоп. Библ. Генер. Штаба*), бывшаго въ первомъ полчищѣ, съ которымъ претендентъ двинулся изъ Украины въ московскія владѣнія, говорится, что они боялись даже, чтобъ Острожскій не ударилъ на нихъ вооруженною силою, а на переправѣ черезъ Днѣпръ Острожскій велѣлъ угнать прочь все суда и паромы. Отъ князя Януша сохранилось того времени письмо (*въ Дл. Литовск. Метр.*), гдѣ онъ вовсе не одобряетъ намѣреній помогать Димитрію и не считаетъ его истиннымъ царевичемъ. Поэтому нельзя повѣрить, чтобы Острожскіе задержали гонца патриархова, признавая самозванца настоящимъ царевичемъ.

Существуетъ въ спискѣ напечатанный на 164 страницѣ II-го тома Румянцовскихъ грамотъ приговоръ о высылкѣ патриаршихъ, митрополичьихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ на службу, подписанный числомъ 12 іюня 1604 года. Тамъ Гришка Отрепьевъ упомянутъ по имени, но число и мѣсяцъ, означенные на приговорѣ, какъ и время его составленія, невѣрны, ибо тамъ говорится о вступленіи самозванца въ Московское государство тогда, когда онъ еще не вступалъ

Этотъ приговоръ могъ состояться уже послѣ половины августа 1604 года.

Если исключить сомнительныя посольства Смирного и Пальчикова, то до 1605 года только въ посольствѣ Постника Огарева и въ приговорѣ о высылкѣ на службу (*) видны шаги къ тому, чтобъ назвать самозванца опредѣленнымъ именемъ Гришки Отрепьева. Народу не говорили ничего о таинственномъ лицѣ, старались даже не говорить съ нимъ объ этомъ, и ему не позволяли о немъ говорить. Между тѣмъ народъ все болѣе и болѣе увлекался новизною.

Въ то время когда успѣхи самозванца въ Сѣверской землѣ дѣлали его очень опаснымъ для Бориса, когда народныя симпатіи склонялись повсюду на сторону Димитрія, необходимымъ сочли совершить повсемѣстный обрядъ проклятія надъ этимъ врагомъ Бориса. Но для этого нужно было объявить народу положительно, кто таковъ именно человекъ, взявшій на себя роль Димитрія. И вотъ патриархъ въ январѣ 1605 года разсылаетъ грамоту (А. Э. П., 78), гдѣ не ограничивается однимъ глухимъ намекомъ на то, что называвшій себя Димитріемъ есть Гришка, но разсказываетъ подробно его происхожденія. «Этотъ человекъ звался въ мірѣ Юшва Богдановъ сынъ Отрепьевъ, проживалъ у Романовыхъ во дворѣ, сдѣлалъ какое-то преступленіе, достойное смертной казни и, избѣгая наказанія, постригся въ чернцы, ходилъ по многимъ монастырямъ, былъ въ Чудовомъ монастырѣ дьякономъ, бывалъ у патриарха Іова во дворѣ для книжнаго письма, потомъ убѣжалъ изъ монастыря съ двумя товарищами, монахами Варлаамомъ Яцкимъ и Михаиломъ Повадинымъ».

До сихъ поръ патриархъ говоритъ то, что ему могло быть извѣстно лично. Далѣе идутъ свѣдѣнія, которыя онъ могъ имѣть только получивши отъ другихъ, а именно:

*) Приговоръ напечатанъ въ Собр. Госуд. Гр. II, 164, іюня 12, вѣроятно въ ошибочномъ спискѣ. Тамъ опредѣляется клясть Отрепьева, тогда какъ грамота о проклятій была выдана уже въ январѣ 1605 года.

1) Чернеца Иимена, постриженника Смоленскаго монастыря.
 2) Чернеца Венедикта, Троицкаго монастыря.
 3) Стефана иконника, Ярославца, и торговавшего въ Киевѣ иконами.
 Иименъ говоритъ, что онъ встрѣтился съ нимъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ; Григорій былъ съ Варлаамомъ и Мисаломъ Повадинимъ; а Иименъ проводилъ ихъ за рубежь въ Литовскую землю; а самъ воротился назадъ въ Московское государство.
 Венедиктъ былъ въ Киевѣ въ Печерскомъ монастырѣ; тамъ видѣлъ Гришку въ Печерскомъ и Никольскомъ у князя Острожскаго, воеводы кievскаго; Гришка служилъ въ дяконскомъ чинѣ. Потомъ Гришка уклонился къ люторамъ, впалъ въ ересь и черновикіе, сталъ ѣсть мясо, связался съ запорожцами и ушелъ изъ монастыря на Запорожье. Венедиктъ жаловался на него печерскому игумену; и тотъ послалъ къ запорожцамъ взять его; тогда Гришка ушелъ къ князю Адаму Вишневецкому.
 Стефанъ иконникъ видѣлъ Гришку въ Киевѣ; онъ приходилъ къ нему въ лавку съ запорожцами; тогда онъ дяконилъ въ Печерскомъ и въ Никольскомъ монастыряхъ у князя Острожскаго.
 Венедиктъ и Стефанъ иконникъ свидѣтельствовали, что Гришка, убѣжавши къ Адаму Вишневецкому, тамъ, по умышленію князей Вишневецкихъ, и по королевскому повелѣнію, началъ называться княземъ Дмитріемъ Урлицкимъ.
 Изъ этихъ извѣстій невозможно вывести несомнѣнно, чтобъ самозванецъ, вошедшій тогда въ Сѣверскую землю, былъ именно Гришка. Патриарху извѣстно было только то, что былъ въ Чудовомъ монастырѣ монахъ Гришка Отрешевъ; онъ бѣжалъ въ Литву, обыкновенный пріютъ множества бѣглецовъ того времени. Самъ патриархъ болѣе ничего сказать не въ силахъ. Затѣмъ три его свидѣтеля что говорятъ? Первый вовсе не обвиняетъ Гришки въ самозванствѣ. Остаются другіе два. Но если дать имъ довѣріе какъ очевидцамъ, то они намъ сообщаютъ

единственно то, что Гришка жилъ въ Киевѣ въ Печерскомъ монастырѣ; а Венедиктъ прибавляетъ, что и вѣтъ себя дурию. Это они говорятъ какъ очевидцы. Что же до того, что Гришка ушелъ къ Вишневецкому и тамъ назвался Димитріемъ, то ни Венедиктъ, ни Стефанъ Иконникъ не называютъ себя очевидцами и свидѣтелями этого происшествія. Они не могутъ доказать, что именно Гришка, а не другой кто либо назвалъ себя Димитріемъ у князя Адама Вишневецкаго, какъ равно не показываютъ—откуда они знаютъ, что Гришка ушелъ именно къ Вишневецкому. Венедиктъ и Стефанъ не послѣдовали за Гришкой, оставались въ Киевѣ; Гришка также не сказалъ имъ, что поидеть къ Вишневецкому. По собственному признанію Венедикта, за нимъ изъ монастыря послали, а онъ спрятался и ушелъ. Если онъ прятался, то безъ сомнѣнія не открывать ему, куда онъ уѣзжитъ. Слѣдовательно, при самой полной добросовѣстности этихъ показаній, источникъ сообщеннаго здѣсь можетъ быть только слухъ и собственное соображеніе. Венедиктъ и Стефанъ Иконникъ могли услышать, что проявился называющій себя Димитріемъ Углицкимъ, и, вспомнивъ бѣжавшаго бродягу Гришку, сообразили: ужь не Гришка ли этотъ новоявленный Димитрій? Такъ могло быть только при полной добросовѣстности. Но сама грамота патриархова не признаетъ за ними этого качества, напротивъ, называетъ ихъ ворами: *которые товарищи его воры въ Литву за рубежь его проводили и которые про него подлинно вѣдаютъ, и въ Литвѣ съ нимъ знамѣя.* Если они воры, то есть преступники, то, следовательно, могли ждать за *воровство* свое наказанія. А въ такомъ случаѣ имъ было естественно дѣлать то, что можетъ избавить ихъ отъ наказанія или облегчить его тяжесть. Такимъ дѣломъ и было—сообщить правительству вѣсти, которыя были для него необходимы; а въ то время имѣть болѣе или менѣе вѣроятныя свѣдѣнія, подтверждающія, что самозванецъ—Гришка Отрѣпьевъ, было дѣломъ первой важности. Но о добросовѣстности трехъ бродягъ мало можно толковать, когда тогдашнія извѣстія по этому дѣлу, исходящія прямо отъ патриарха и

другихъ важныхъ лицъ разнорѣчать между собою и передаваемое ими не согласуется съ строгой истиной. Напримѣръ, патріархъ писалъ окружную грамоту о проклятіи Гришки, гдѣ выставилъ народу то, что ему было извѣстно объ этомъ лицѣ, и скоро послѣ того писалъ грамоту въ Вильно къ католическому духовенству и въ ней допустилъ противорѣчіе тому, что писалъ своему народу. Такъ, въ окружной всенародной грамотѣ, какъ выше сказано, было объявлено, что Гришка *прежде* своего постриженія *заворовался*, сдѣлалъ что-то достойное смертной казни и, избѣгая ее, постригся въ монахи. А въ грамотѣ къ католическому духовенству, напротивъ, онъ пишетъ, что Гришка, уже постригшись, надѣлалъ преступленій, и избѣгая смертной казни, ушелъ въ Литву. Это измѣненіе противъ прежняго извѣстія, конечно, сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы болѣе уронить самозванца и оправдывать требованіе выдачи его. Въ Соборной грамотѣ ко князю Острожскому (*Доп.* I, 255) говорится, что Гришка, живучи въ Чудовѣ монастырѣ, былъ уличенъ въ чернокнижествѣ, призваньи нечистыхъ духовъ и отреченіи отъ Бога, и за то осужденъ не на смерть, а на тюремное заточеніе въ Каменномъ монастырѣ. Сверхъ того въ грамотѣ, отправленной въ Польшу, сказано, что самъ Іовъ патріархъ посвящать его въ діаконы; а въ окружной грамотѣ этого не говорится, напротивъ — смыслъ выходитъ такой, что Гришка прежде поступленія во дворъ къ патріарху былъ дьякономъ и былъ взятъ во дворъ уже носивши дьяконскій чинъ: *и былъ по многимъ монастыремъ и въ Чудовѣ во дьяконьхъ, да у меня Іова патріарха во дворъ для книжнаго письма побылъ во дьяконьхъ же.* На это могутъ возразить: патріархъ могъ ставить Гришку прежде, чѣмъ взялъ во дворъ. Посвященный въ діаконы Гришка ходилъ по разнымъ монастырямъ а потомъ уже взятъ во дворъ къ патріарху. Но во первыхъ, если бы патріархъ его ставилъ, то конечно въ Чудовомъ монастырѣ, и тогда въ грамотѣ было бы поставлено имя Чудова монастыря прежде, а не послѣ безыменныхъ многихъ монастырей, здѣсь же изображается,

что Гришка былъ въ званіи дьяконскомъ во многихъ монастыряхъ, а потомъ пришелъ въ Чудовъ. Если же предположить, что Гришка былъ во многихъ монастыряхъ не дьякономъ, а пришедши въ Чудовъ получилъ дьяконство, то этому противорѣчить складъ рѣчи: тогда патриархъ или употребилъ бы два раза слово *былъ* (*и въ Чудовѣ былъ въ дьяконахъ*), или, по крайней мѣрѣ, сказалъ бы: *а въ Чудовѣ*. тогда какъ одинъ глаголь для *многихъ* монастырей и для Чудова, равнымъ образомъ союзъ *и* показываютъ, что пребываніе Гришки принимается одинаковымъ, какъ въ многихъ монастыряхъ, такъ и въ Чудовомъ. Во вторыхъ, для чего было патриарху не сказать народу о томъ, что онъ самъ поставилъ Гришку, когда онъ сообщаетъ объ этомъ польскимъ духовнымъ? И почему не оповѣститъ народу вначалѣ о тѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ писано было впоследствии Острожскому? Не скорѣе ли видно тутъ, что писавшимъ грамоты въ Польшу и къ Острожскому приходили въ голову новыя удачныя выдумки, которыя случайно не приходили тогда, когда писалось окружное посланіе.

Извѣстно, что кто вымышляетъ, тому рѣдко удается повторить свой вымыселъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ изложилъ его первый разъ.

Когда послѣ низложенія самозванца, въ царствованіе Шуйскаго, патриарха Іова привезли въ Москву изъ Старицы для разрѣшенія народа отъ наложенной имъ на него клятвы, то патриархъ объявилъ, будто Гришка разстригся прежде чѣмъ бѣжалъ въ Литовское государство (А. Э. 11, 153): *Научи его (дьяволъ) прежде отступити отъ Творца нашего Бога и по прати иноческій святолюбный образъ и дьяконскій чинъ, потомъ же вложи въ него злочитрый адъ и бьсовскій плевелъ всьявъ и злобу лукавства своею вложи въ сердце его: и по наученію дьявольскому, той презжереченный врагъ Божій розстриша Гришка Отрепьевъ, избѣжавъ отъ Російскою государства въ Литовскую землю, и проч.* Потомъ въ другомъ мѣстѣ той же грамоты: *про розстришу извѣщали подлинно, какъ онъ*

повергъ иноческій и дьяконскій чинъ и какъ избѣжася изъ Русскаго государства въ Литовскую землю. Здѣсь патріархъ какъ-будто противорѣчить прежней своей грамотѣ, на которую тутъ же ссылается. Положимъ, что выраженіе *попрати иноческій образъ* можно принимать за риторическій способъ, что здѣсь смыслъ: Гришка сталъ жить недостойно иноческаго сана; но слово *повергъ* прямо выражаетъ тотъ смыслъ, что Гришка снялъ съ себя иноческій санъ, прежде бѣгства въ польскія владѣнія, ибо выраженіе повергнуть, свергнуть санъ употреблялось у насъ не въ общемъ смыслѣ поступковъ, достойныхъ лишенія сана, а именно въ смыслѣ дѣйствительнаго снятія съ себя сана. Между тѣмъ, по извѣстіямъ, сообщеннымъ прежде отъ имени того же патріарха Това, не видно было, чтобъ Гришка снялъ съ себя монашескій санъ до побѣга въ Кіевъ; напротивъ въ Кіевѣ еще ходять въ монашескомъ платьѣ и служилъ въ дьяконскомъ санѣ. Собственно это разнорѣчіе само по себѣ не важно, но оно въ числѣ другихъ указываетъ, что въ официальныхъ актахъ относящихся къ этому времени, не держались строгой одинаковости изложенія событій, а избражали ихъ такъ, какъ въ данную минуту казалось приличнѣе и выгоднѣе изображать.

Гораздо важнѣе слѣдующее разнорѣчіе. Написанная отъ имени патріарха въ 1605 году грамота, гдѣ излагались въ первый разъ народу свидетельства о томъ, что явившійся подъ именемъ Дмитрія есть Гришка Отрепьевъ, была разслана по епархіямъ; архіереи должны были сообщать народу тѣ вѣсти, какія сообщалъ имъ Товъ, и безъ всякаго сомнѣнія русскіе архіереи не имѣли тогда иного источника, кромѣ грамоты патріаршей, ибо переписывали ее слово въ слово. Но при этомъ они говорили не совсѣмъ то, что говорилъ патріархъ. Напримѣръ, въ грамотѣ Исидора, митрополита Новгородскаго (А. О. П. 81), говорится о Стефанѣ Иконникѣ, что онъ видѣлъ Гришку у Адама Винневецкаго и слышалъ, какъ онъ назывался царевичемъ Дмитріемъ; а въ окружной грамотѣ патріарха не говорится, чтобъ Стефанъ его видѣлъ у Адама Винневецкаго, а все знакомство его съ

Гришкою ограничивалось тѣмъ, что послѣдній съ запорожскими черкасами приходилъ къ его лавкѣ. Откуда же это разнорѣчіе? Конечно, въ грамотѣ Новгородскаго митрополита прибавка, сдѣланная для того, чтобъ показаніе Стефана Иконника имѣло какую-нибудь цѣльность, ибо въ патриаршей грамотѣ оно можетъ возбуждать смѣхъ своею несостоятельностью. Сверхъ того въ окружной грамотѣ патриарха, въ показаніи Вenedикта, говорится, что Гришка пристае къ Лютарамъ, а у Исидора это обстоятельство опускается, за то говорится, будто Вenedиктъ видѣлъ Гришку въ Никольскомъ монастырѣ разстриженнымъ, чего нѣтъ въ патриаршей грамотѣ. Гришка отъ удивленія и Извѣстія эти, слагались и обнародовались въ то время, когда для спасенія Борисова правленія необходимо было, чтобъ тотъ, кто называлъ себя Дмитріемъ, представляемъ былъ народу не безыменнымъ воромъ, но съ какимъ-нибудь положительнымъ именемъ, ибо это лицо оставлять неизвѣстнымъ было опасно. Если онъ не Дмитрій, то все таки—кто же онъ? спрашивалъ бы народъ. А коль скоро онъ—неизвѣстно кто, то почему же онъ не Дмитрій? И почему правительство можетъ знать, что онъ не Дмитрій, когда сознается, что не знаетъ, кто онъ? Для вліянія на народъ, рѣшились предать проклятію вора. Но кого проклинать? Нужно было имя. Что оно было крайне нужно, показали послѣдствія. Когда постъ смерти Бориса написали крестоцѣловальную запись, гдѣ не упомянули ни имени Гришки, ни другаго определеннаго имени, а выразились о самозванцѣ какъ о неизвѣстномъ вора, то перешедшіе къ самозванцу считали эту неопредѣлительность въ присяжномъ постѣ для себя достаточнымъ извиненіемъ. Видно только, что когда нужно было доискаться, кто бы могъ быть названіиъ Дмитріемъ, то патриархъ вспомнилъ, что въ Чудовомъ монастырѣ былъ монахъ Гришка Отрепьевъ, бывавшій у него во дворѣ для княжнаго письма и обѣжавшій изъ Москвы. Этимъ собственно и ограничивались положительныя свѣдѣнія о Гришкѣ въ Москвѣ. Что касается до его преступленій, то относительно этого патриархъ занутился въ своихъ грамотахъ, и въ одной изъ

нихъ обвиняеть Гришку въ преступленіи, сдѣланномъ до постриженія въ монахи, не говоря о его преступленіяхъ въ монашествѣ, а въ другой, не говоря, чтобъ причиною поступленія въ монашество было желаніе избѣжать кары за преступленіе, говорить, что Гришка, уже постригшись въ монахи, сдѣлалъ что-то достойное смертной казни. Затѣмъ подтвержденіемъ догадкамъ, явившимся въ Москвѣ, послужили неясныя показанія трехъ бродягъ, которымъ было естественно сочинить что-нибудь о Гришкѣ и доставить правительству услугу сообщеніемъ нужныхъ ему объясненій. Но если они говорили и правду, то ничего не сказали важнаго, ибо не объяснили, почему они считаютъ, что назвавшій себя Дмитріемъ былъ Гришка, а не иной кто-нибудь.

Какъ сторонникъ Бориса, патріархъ могъ и долженъ былъ изъ видовъ политики прибѣгать ко всевозможнѣйшимъ выдумкамъ, чтобъ спасти престолъ своего покровителя. Патріархъ уже прежде доказывалъ, что готовъ былъ жертвовать истинною политическимъ видамъ Бориса. Проволя на царство Бориса, патріархъ употреблялъ всевозможныя уловки, очень недобросовѣстныя. Теперь для того, чтобы удержать Бориса на царствѣ въ критическое время, патріарху Іову было извинительно назвать неизвѣстное лицо извѣстнымъ именемъ бѣжавшаго бродяги; тѣмъ-болѣе что онъ самъ, если не былъ увѣренъ, что самозванецъ есть Гришка Отрепьевъ, то, по своимъ соображеніямъ и догадкамъ, считалъ это возможнымъ.

Замѣчательно, что въ то время проглядываютъ черты, которыя давали право думать, что правительство не увѣрено было въ томъ, что утверждало всенародно, —будто самозванецъ былъ Гришка. Напримѣръ, въ посольской грамотѣ, посланной къ королю Сигизмунду съ Постникомъ Огаревымъ, было сказано, что еслибъ это лицо и былъ настоящій Дмитрій, то и тогда бы онъ не имѣлъ права на престолъ Московскаго государства, какъ незаконнорожденный сынъ. Поляки объясняли это желаніемъ обезпечить за собою право, еслибъ оказалось, что претендентъ былъ не только не Гришка, но даже настоящій

Димитрій. Имѣлъ ли право на престолъ Димитрій, или не имѣлъ, для Бориса должно было быть все равно, если только онъ былъ увѣренъ, что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ. По крайней мѣрѣ, Поляки, внослѣдствіи, придирались къ этой оговоркѣ и доказывали русскимъ, что Борисъ самъ незнаетъ навѣрное, что назвавшій себя царевичемъ былъ дѣйствительно бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ. Подобное невѣдѣніе, кто именно былъ самозванецъ, проглядываетъ въ упомянутой нами выше крестоцѣловальной записи на вѣрность Теодору Борисовичу, гдѣ сказано: *и тою вора, что называется Димитріемъ Улицкимъ, на Московскомъ юсударствѣ видѣти нехотѣти* (Собр. Гос. гр. II, 192). Объ этомъ ворѣ нѣсколько разъ упоминается въ этой грамотѣ, и все безыменно. Не доказываетъ ли это того, что, признавая называвшаго себя Димитріемъ воромъ-обманщикомъ, неуѣрены были, точно ли это Гришка Отрепьевъ? По крайней мѣрѣ современники, не хотѣвшіе присягать по этой крестоцѣловальной записи, такъ понимали смыслъ этого неопредѣлительнаго выраженія. Самое то обстоятельство, что войско, до сихъ поръ воевавшее за Годуновыхъ противу претендента, не хотѣло болѣе воевать за нихъ съ той минуты, когда того, съ кѣмъ они боролись, правительство не назвало именемъ Гришки, показываетъ, какъ слабы казались русскому уму доказательства, что тогдашній Димитрій и Гришка Отрепьевъ одно и тоже лицо.

Пущенная Борисовымъ правительствомъ мысль, что бродяга, называвшій себя Димитріемъ, есть Гришка Отрепьевъ, служила однако предлогомъ для враговъ Димитрія во время его царствованія. Чуть только кто былъ недоволенъ царемъ, то имѣлъ способъ выразить свое неудовольствіе, назвавши его Гришкою-разстригою. Это было естественно послѣ того, какъ уже по всей Московщинѣ его проклинали подъ именемъ Гришки Отрепьева. Авраамій Палицынъ характеризуетъ такъ царствованіе Димитрія: *«отъ злыхъ же враговъ, козаковъ и холопей вси умніи токмо плачуще, слова же рещи не смѣюще: аще бо на кого несутъ, яко рострига нарицаеть кто, и той человекъ безвѣстно*

погибаетъ (стр. 27). Такие случаи (если только здѣсь не преуд-
величеніе, какъ вообще все, что рассказывали о дурныхъ сторо-
нахъ Димитрія) не разъясняютъ ничего въ вопросѣ о Гришкѣ,
ибо обвиненіе было уже изготовлено и распространено самымъ
удобнымъ способомъ, посредствомъ патріаршей грамоты. Не
принятое всенародною громадою въ Московскомъ государствѣ,
оно осталось въ народной памяти, и тотчасъ представилось
готовымъ браннымъ эпитетомъ для того, кто разсердится на
царя. Важнѣе было бы свидѣтельство того же Авраамія, будто
самозванца обличали Отрепьевымъ мать Отрепьева, Варвара,
его дядя и его братъ. Но объ этомъ только и говорить ходитъ
Аврамій Палицынъ, тогда какъ всѣ самые враждебные само-
званцу лѣтописцы и официальные извѣстія не упоминаютъ объ
этомъ ничего; тогда какъ это было бы самымъ важнѣйшимъ
указомъ ему въ самозванствѣ. Нельзя предположить, чтобы
тѣ, которые сколько возможно болѣе могли очернить само-
званца, упустили такое важное обстоятельство. Несообразность
этого извѣстія усиливается еще болѣе отъ того, что Авраамій
говоритъ, будто это обличеніе произошло до суда надъ Шуй-
скимъ. Судъ произошелъ ярезъ нѣсколько дней послѣ Димитріева
воцаренія. Следовательно, обличеніе Отрепьева его семейю про-
исходило бы тотчасъ по вступленіи самозванца въ Москву;
это было до того моразительно, что не могло оставаться никѣмъ
незамѣченнымъ, кромѣ одного человѣка, и то писавшаго
исторію много лѣтъ спустя послѣ того, какъ происходило то,
что онъ описываетъ. Сверхъ того, если бы такъ было, возможно
поди чтобъ Шуйскій, по вступленіи своемъ на престолъ, опустилъ
это обстоятельство, когда оно болѣе чѣмъ что-нибудь
другое могло обличать бывшаго царя въ самозванствѣ? Не
смѣшались ли здѣсь Авраамій Палицынъ того обличенія, которое
происходило по убіеніи самозванца, и то, о которомъ говоритъ
Голландецъ, бывший тогда во Москвѣ?
Кромѣ обличеній въ самозванствѣ, приписываемыхъ матери
дядѣ и брату Гришкѣ, рассказываютъ еще и о другихъ, а
именно: о дядѣ и братѣ Гришкѣ, которые говорили, что онъ

Дворянинъ Петръ Тургеневъ обличалъ царя Дмитрія, что онъ не истинный сынъ Ивана Грознаго, но говорилъ ли при этомъ, что онъ Гришка Отрепьевъ, неизвѣстно. Ему отрубили голову. Объ этомъ событіи говоритъ Авраамій Палицынъ; упоминаетъ о томъ же и Никоновская летопись. Двойное свидѣтельство заслуживаетъ вѣроятія. Авраамій говоритъ, что это происшествіе случилось прежде дѣла Шуйскаго. Спасеніе Шуйскаго приписывали ходатайству поляка реформата Бучинскаго, но самъ Бучинскій говоритъ (*Собр. вос. пр.* II, 261), что онъ, напротивъ, совѣтовалъ не милловать Шуйскихъ, а Дмитрій сказалъ, что онъ далъ обѣтъ отнюдь не проливать крови, и по своему обѣту милуетъ Шуйскаго. Самозванецъ долженъ былъ бы избрать другой мотивъ для своего милосердія, еслибы дни за два или за три происходила уже подобная казнь. Отъ этого вѣроятно, что казнь Тургенева произошла еще до приѣзда самозванца въ Москву, но когда уже народъ московскій присягнулъ ему, и хотя быть можетъ онъ самъ находился въ Тулѣ или Серпуховѣ, созволилъ на то, но такъ-какъ это было еще до его приѣзда, то послѣ того онъ могъ показывать видъ, что это случилось еще до него, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ, далъ обѣтъ, что казней не будетъ.

Вмѣстѣ съ Тургеневымъ, по извѣстію Авраамія, былъ казненъ Федоръ калачникъ, который называлъ Дмитрія посланнымъ *отъ сатаны*; но называлъ ли онъ его при этомъ Гринкою разстригою — неизвѣстно (*Авраам.* 14). Впрочемъ, еслибы называлъ, то подобное обличеніе, какъ и обличеніе Тургенева, могло быть послѣдствіемъ заявленныхъ отъ Бориса и Патріарха Іова обвиненій, безъ новыхъ доказательствъ.

Важнѣе всего было бы для насъ дѣло Василія Ивановича Шуйскаго, еслибы мы знали о немъ подробнѣе. Всѣ почти историческіе источники, относящіеся къ эпохѣ перваго Лжедмитрія, согласны въ томъ, что Шуйскихъ судили, приговорили Василія къ смерти, вывели на мѣсто казни, но царь замѣнилъ ему смертную казнь ссылкой, наравнѣ съ его братьемъ

ями, а чрезъ нѣсколько времени принялъ его и всю родню его снова въ милость. Въ повѣствованіи, вошедшемъ въ Никоновскій сборникъ, говорится, что Шуйскіе, видя на православную вѣру гоненіе, начали помышлять, чтобъ православная вѣра до конца не разорилась; а Димитрій для суда надъ Шуйскими созвалъ соборъ не только изъ бояръ, но изъ простыхъ; и никто на этомъ соборѣ не пособствовалъ сторонѣ Шуйскихъ. Въ вариантѣ того же повѣствованія, изданномъ Оболенскимъ, подъ именемъ «Новаго Лѣтописца», прибавляется, что всѣ на соборѣ были увѣрены, что царь—Гришка Отрепьевъ, да сказать не смѣли. Въ повѣствованіи, помѣщенномъ въ разныхъ хронографахъ (изд. въ *Временникъ Моск. Оби. Ист. и Древн.* № 16), приводится сущность приговора, читаннаго Басмановымъ надъ Шуйскимъ. Изъ него видно, что Василій Шуйскій осужденъ за то, что называлъ царя Григоріемъ Отрепьевымъ. Въ хроникѣ Бусова рассказывается, безъ точнаго указанія времени, что былъ составленъ противъ царя заговоръ и открылось, что Шуйскій глава его. Его вывели на площадь казнить, а потомъ объявили, что царь, по своему милосердію, и этого преступника прощаетъ (Bussov. 40). Маржеретъ говоритъ глухо, что его судили за оскорбленіе величества. Паэрле говоритъ, что Шуйскій разглашалъ въ народѣ, что царь не сынъ царя Ивана, а разстрига (*стр.* 35), Время суда и казни Шуйскаго хронографы наши опредѣляютъ чрезъ нѣсколько дней послѣ прибытія самозванца въ Москву. День смерти по однимъ вариантамъ назначается 25-го (*Времен. Моск. Оби. Ист. и Древн.* № 16 и 30), по другимъ 30-го іюня. Левицкій, іезуитъ, бывшій тогда въ Москвѣ, сообщаетъ, что Шуйскій оговаривалъ царя въ оскорбленіи церкви, и указываетъ день казни 10-го іюля (то есть 30-го іюня стараго стilia (*Ciampi Notizie* 182). Вообще видно, что это событіе произошло тотчасъ послѣ прибытія Димитрія въ Москву. По извѣстію «Сказанія еже содѣяся» (напечатаннаго въ *Чтеніяхъ Моск. Оби. Ист. и древн.* № 9, 1847 г.), Шуйскій разглашалъ въ народѣ чрезъ своихъ агентовъ, торговаго человѣка Федора Конева съ товарищи, что усѣвшійся на престолѣ не настоящій Димитрій, а

www.libtopl.com
воръ, разстрига Гришка, присланный отъ короля польскаго разорить христіанскую вѣру (стр. 17). Это послѣднее Сказаніе, согласно хронографамъ, Лавицкому и Паэрле, полагаетъ событіе совершившимся въ первыхъ дняхъ по воцареніи самозванца. Мы не знаемъ доводовъ, какіе тогда представлялись съ обѣихъ сторонъ; не знаемъ: доказывалъ ли на соборѣ Шуйскій, что царь самозванецъ, и не доказалъ этого, или же онъ оправдывался и заперся въ томъ, что говорилъ, будто царь Гришка Отрепьевъ, и былъ уличенъ; но еслибъ онъ стоялъ твердо на томъ, что царь—Гришка, то не могъ бы ужь никакъ возвратиться въ милость царя. Впослѣдствіи, мы знаемъ, что онъ притворялся и признавалъ царя сыномъ Ивана Грознаго.

Надобно обратить вниманіе, что судъ надъ Шуйскими былъ совершонъ боярами и выборными изъ всѣхъ сословій, слѣдовательно Лжедмитрій сильно рисковалъ тогда, предавая собственное дѣло на обсужденіе націи. Значитъ, онъ былъ твердо увѣренъ, что невозможно доказать, что онъ Гришка Отрепьевъ. По свидѣтельству нашихъ и иностранныхъ историковъ, тогда никто не оправдалъ Шуйскаго, никто не изъявилъ подозрѣнія, что царь не Дмитрій, а Гришка. Еслибъ были явныя улики, — явились бы свидѣтельства, и царь не усидѣлъ бы на престолѣ. Этотъ судъ собора, созваннаго изъ всѣхъ сословій, фактически былъ для Дмитрія законнымъ признаніемъ всей страны. Дѣло его было обсуждено и порѣшено въ его пользу. Онъ былъ въ рукахъ враговъ своихъ какъ нельзя болѣе; они имѣли всякую возможность обличить его, еслибъ могли; а когда не обличили, то значитъ не было у нихъ надлежащихъ доказательствъ. Кого и чего могли бояться члены собора? Польскаго отряда, поддерживавшаго царя? Всего въ городѣ было нѣсколько польскихъ ротъ, провозжавшихъ его; не могли же они защищать его отъ цѣлой націи. Положимъ: прежде, изъ ненависти къ Борису и его фамиліи, могли иные насильно закрывать себѣ глаза и принуждать самихъ себя признавать вѣдомаго бродягу царскимъ сыномъ; теперь Годуновыхъ уже не было. Что же могло привлекать къ Гришкѣ? Сообразивъ эти обстоятельства, нельзя не признать, что

въ то время не было доказательствъ, что царь былъ Гришка Отрепьевъ, разстрига, бѣглецъ Чудовскаго монастыря.

Есть свидѣтельство Авраамія, что Чудовскій игумень Пафнутій зналъ прежде Гришку и узналъ его въ царѣ; но не объявилъ этого въ его время. Свидѣтельство очень важное, но оно произнеслось уже тогда, когда самозванца не было на свѣтѣ, когда въ угодность врагамъ его было выгодно чернить всѣми возможными способами этого человѣка. Если Пафнутій не имѣлъ на столько гражданскаго мужества, чтобы обличить разстригу, когда послѣдній былъ въ силѣ и власти, то, конечно, могъ имѣть на столько малодушія, чтобы говорить про него наобумъ тогда, когда прахъ его развѣяли по вѣтру, а память предали проклятію.

Вотъ все, что во время царствованія Димитрія проглядывало какъ бы обличеніе, что онъ Гришка Отрепьевъ. Въ минуты его убійства, заговорщики, взявши его съ фундамента Борисова дома, внесли во дворецъ и стали допрашивать: «говори, кто ты таковъ? кто твой отецъ?» Не показываетъ ли этотъ вопросъ, что заговорщики не знали совершенно, что онъ Гришка Отрепьевъ; иначе, зачѣмъ спрашивать его? Тогда они бы прямо обличали бы его, что онъ Гришка. Валуевъ, передъ тѣмъ какъ застрѣлилъ его, сказалъ: «вотъ я поблагословлю этого польскаго свистуна». Это выраженіе какъ будто показываетъ, что Валуевъ считалъ его полякомъ, а не Гришкою Отрепьевымъ. Такія черты свидѣлствуютъ, что враги, считая его самозванцемъ, не имѣли несомнѣнной увѣренности, что онъ Гришка Отрепьевъ.

По смерти его, Шуйскій разослалъ по всему Московскому царству грамоту о низложеніи прежняго царя и о собственномъ восшествіи на престолъ. Если гдѣ, то въ этой грамотѣ должны были быть собраны всѣ очевидныя доказательства, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ Гришка Отрепьевъ. И однако мы, къ удивленію нашему, не встрѣчаемъ тамъ этого; все успіе направлено лишь на то, чтобы уличить бывшаго царя въ измѣнѣ православной вѣрѣ и русскимъ обычаямъ; наброшено на него множество обвиненій, очевидно не-

льшихъ, какъ напимѣрь, попытка объяснить затѣваемый за городомъ турниръ — умысломъ побить всѣхъ бояръ и передать управленіе въ московскомъ государствѣ польскимъ панамъ; но объ его самозванствѣ сказано коротко какъ уже о фактѣ извѣстномъ и доказанномъ... *богоотступникъ, еретикъ, розстрига, воргъ Гришка Бѣдановъ сынъ Отрепьевъ своимъ воровствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Улицкимъ, омраченъ бѣсовскимъ прельщеніемъ многихъ людей* (А. Э. П., стр. 100). А чѣмъ же это было доказано? Самый способъ его низложенія и смерти какъ нельзя яснѣе показываетъ, что нельзя было уличить его не только въ томъ, что онъ Гришка, но даже и вообще въ самозванствѣ. Зачѣмъ было убивать его? Почему не поступили съ нимъ именно какъ онъ просилъ: почему не вынесли его на площадь, не призвали ту, которую называлъ онъ матерью? Почему не изложили передъ народомъ своихъ противъ него обвиненій? Почему наконецъ, не призвали матери, братьевъ и дядю Отрепьева, не дали имъ съ царемъ очной ставки и не уличили его? Почему не призвали архимандрита Пафнутія, не собрали чудовскихъ чернецовъ и вообще всѣхъ знавшихъ Гришку, и не уличили его? Вотъ сколько средствъ, чрезвычайно сильныхъ, было въ рукахъ его убійцъ, и они не воспользовались ни однимъ изъ нихъ! Нѣтъ, они отвлекли народъ, науськали его на поляковъ, сами убили царя скопомъ, а потомъ объявляли, что онъ Гришка Отрепьевъ, и все темное, непонятное въ этомъ вопросѣ объясняли чернокнижествомъ и дьявольскимъ прельщеніемъ. Но Шуйскій ошибся въ расчетъ, какъ часто ошибаются плуты, искусные настолько, чтобы, какъ говорится, подвести механику, но близорукіе для того, чтобы видѣть послѣдствія.

Народъ любилъ Дмитрія и не хотѣлъ знать въ немъ Гришки; народъ со всѣхъ сторонъ протягивалъ руки къ тѣни Дмитрія даже и тогда, когда она еще не обозначилась явственно. Шаховской провозгласилъ, что Дмитрій спасся, и Московское государство потряслось до основанія. Не помогло Шуйскому даже торжественное открытіе и перенесеніе изъ Углича въ Москву

мощей Димитрія царевича. Среди стѣсненныхъ обстоятельствъ, когда Болотниковъ стоялъ подъ Москвою, держалъ ее въ осадѣ, а въ Москвѣ ждали только обѣщаннаго царя Димитрія, чтобъ выдать ему Шуйскаго, явилась челобитная Варлаама, того самаго, о которомъ въ окружной грамотѣ патриарха Іова было сказано, что съ нимъ убѣжалъ изъ Москвы Гришка Отрепьевъ. Мы не станемъ ее приводить здѣсь цѣликомъ; всякій можетъ прочесть ее въ *актахъ Археографической Экспедиціи, томъ II, стр. 141* и въ *хроногр.*, помѣщенномъ во *Временникѣ*. Когда прочитаешь ее, то съ перваго раза она какъ будто носитъ печать истины; но всмотрѣвшись пристальнѣе, увидишь много несообразностей, обличающихъ умышленную составленность:

1) Въ ней говорится, что Гришка спознался съ нимъ и убѣжалъ изъ Москвы въ 1602 году, въ великій постъ. Тогда какъ поляки сообщали, что монахъ, который объявился подъ именемъ Димитрія, уже въ 7109-мъ году (то есть съ сентября 1600 по сентябрь 1601-го года) былъ въ Кіевѣ. Сообразно тому и Маржеретъ говоритъ, что уже въ 1600 году пронесся слухъ о лившемся Димитрѣ. Многія письма Польскихъ пановъ между собою (о чемъ скажемъ ниже) показываютъ, что лицо, назвавшее себя Димитріемъ, должно было явиться въ Польшу раньше того, какъ приводитъ Варлаамъ своего Гришку въ Польшу.

2) Варлаамъ рассказываетъ, что, проживши въ Печерскомъ монастырѣ три недѣли, Гришка задумалъ идти ко князю Острожскому. Тогда Варлаамъ извѣщалъ на него архимандриту, чтобъ тотъ удержалъ его; ибо если онъ пойдетъ, то скинетъ съ себя иноческое платье. Но архимандритъ сказалъ ему: «здѣсь земля вольная,—въ какой вѣрѣ кто хочетъ, въ той и пребываетъ.» Послѣ этого самъ Варлаамъ отправился съ Гришкою въ Острогъ. Странно, что Гришка отправился вмѣстѣ съ челоуѣкомъ, который на него уже доносилъ и наблюдалъ надъ нимъ. Трудно предположить такую неосторожность въ плутъ, затѣвающимъ важное плутовство.

3) Варлаамъ рассказываетъ далѣе, что Острожскій отослалъ его, Варлаама, и товарища Мисаила Повадина въ Дермянскій монастырь, а Гришка ушелъ въ Гощею (Гощу), гдѣ сталъ учиться полатинѣ. Варлаамъ извѣщаль на него Острожскому и просилъ взять его изъ Гощи и принудить оставаться въ монашескомъ діакономъ чинѣ, но Острожскій отвѣчалъ точно такъ, какъ и Печерскій архимандритъ: «здѣсь земля вольная, — кто какъ хочетъ, въ той вѣрѣ и пребываетъ.» Потомъ весной 1603 года, послѣ пасхи — Гришка пропалъ безвѣсти изъ Гощи. Какъ Гришка жилъ въ Гощѣ и какъ бѣжалъ, — Варлаамъ зналъ объ этомъ только по слухамъ, а уже не какъ очевидецъ. Потомъ, по словамъ Варлаама, Гришка очутился въ Брагинѣ, во дворѣ князя Адама Вишневецкаго, и назвался тамъ царевичемъ Дмитріемъ. Изъ Брагина князь Адамъ возилъ его по роднымъ, и повезъ въ Вишневецъ; тамъ Гришка пробылъ лѣто и зиму, а весной 1604 года, послѣ пасхи, Адамъ Вишневецкій повезъ его къ королю. Изъ словъ самого Варлаама видно, что онъ не видалъ Гришки съ лѣта 1602-го года; самъ онъ пребываетъ въ Дермянскомъ монастырѣ, а Гришка въ Гощѣ и у Вишневецкаго; все это онъ могъ писать только по слухамъ и по соображеніямъ. И дѣйствительно, что ни шагъ, то ошибка, показывающая, что челобитную писалъ человекъ не бывшій близко къ дѣлу. Мнишекъ, знавшій хорошо все дѣло, на допросѣ, учиненномъ ему въ Москвѣ по убіеніи Дмитрія, сказалъ, что Адамъ Вишневецкій, у котораго открылся претендентъ, передалъ его князю Константину Вишневецкому, своему родному брату, и претендентъ жилъ не у Адама, а у Константина, не въ Вишневецѣ, а въ Жалозицахъ, потомъ приѣхалъ съ нимъ въ Самборъ, а потомъ уже Мнишекъ съ Константиномъ Вишневецкимъ повезли его къ королю въ Краковъ.

4) Варлаамова челобитная рассказываетъ пребываніе Гришки у короля и приводитъ длинную рѣчь, которую будто бы говорилъ Гришка королю. Изъ Кракова претендентъ уѣхалъ въ Самборъ къ Мнишку. Какимъ образомъ могъ слышать эту рѣчь Варлаамъ? Уже это одно приведеніе рѣчи въ такомъ

подробномъ видѣ побуждасть подозрѣвать справедливость всей челобитной. Дѣло въ томъ, что еслибъ тотъ, кто писалъ челобитную, зналъ близко дѣло, то не сдѣлалъ бы такой капитальной ошибки, указавши свиданіе самозванца съ королемъ послѣ пасхи 1604 года, когда оно происходило непременно ранѣе, еще въ 1603 году. Такъ агентъ Борисовъ на границѣ съ Польскою Украиной Кіевскій мѣщанинъ Валковскій-Овсянникъ, проживавшій съ октября 1603 года въ Черниговѣ, въ донесеніи своемъ Борису Θεодоровичу говоритъ, что *вора, который прозвался Димитріемъ, былъ уже у короля, и король тотчасъ его отъ себя отослалъ и далъ ему въ Польшу помѣстшико на прожитокъ.* Уже въ концѣ 1603 года Димитрій, услышавъ побывать у короля, дѣйательно сносился съ Запорожцами, а король Сигизмундъ поступалъ очень двулично: поласкавъ немного Димитрія, въ подлинность котораго ни оубъ, ни паны не вѣрили, онъ, однако, отъ 12 декабря 1603 года издалъ строгій универсалъ къ украинскимъ старостамъ, чтобъ они не пускали Украинцевъ въ козацкія шайки, которыя собирались для того, чтобъ вести самозванца въ Московщину, и не продавали бы имъ боевыхъ запасовъ. Кіевскій подписокъ Гаврило Круповичъ въ февралѣ 1604 года писалъ такое извѣстіе къ Борису агенту: «козаки съ Запорожья послали до того нецвоты-господарчика, дабы имъ нагороду далъ, а они его на Москву нести подымались; который имъ то обѣщаль, же, повѣда, «гды мене до Путивля перенесете, варазы нагороду каждому дамъ»; и съ тымъ ихъ отправилъ.» Что король видѣлся съ самозванцемъ ранѣе того времени, какъ указываетъ Варлаамъ, и что самозванецъ былъ уже довольно значителенъ въ то время, когда по сказанію Варлаама онъ только что открылся царевичемъ, показываютъ современныя письма короля и пановъ. Напримѣръ, изъ письма отъ короля къ Замоискому отъ 28 марта (Hist. Jana Karol. Chodk. 215) ясно видно, что уже ранѣе прежде этого времени король видѣлъ Димитрія. Еще ранѣе, въ началѣ 1604 года, Марниковскій писалъ къ королю

о томъ, что въ Украинѣ козакъ и всякаго рода украинское гультяйство стремились помогать ему и ворваться въ Московское государство, никакъ не одобрялъ королевскаго намѣренія оказывать ему помощь, доказывалъ необходимость передать дѣло обсужденію сейма. а самого называющаго себя Димитріемъ арестовать для того, чтобъ онъ могъ послужить пугаломъ Борису, загономъ заключенія съ Московскимъ государствомъ мира на выгоднѣйшихъ условіяхъ (*Письмо изъ книгъ Литовской метрики, № 53*). Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что въ концѣ 1603 года и началѣ 1604-го самозванецъ находился въ такомъ состояніи, что уже воротился отъ короля и къ нему собирались козакъ и разные охотники, вести его на московскій престолъ. Это могло случиться только тогда, когда вѣсть объ немъ могла распространиться повсюду, а для этого нужно было достаточно времени. Но сообразно челобитной Варлаама, самозванецъ въ то время сидѣлъ въ Вишневецѣ и еще не представлялся королю; и слѣдовательно не могъ быть слишкомъ извѣстенъ. Противорѣча въ показаніи времени свидѣтельствамъ, указывающимъ на пребываніе самозванца въ Польшѣ, Варлаамъ противорѣчить и тому, что записано въ Розрядныхъ книгахъ о Гришкѣ, будто онъ убѣжалъ въ 1603-мъ году. Странно, какъ въ Москвѣ могли ошибиться о времени бѣгства монаха изъ Москвы, если только считали это бѣгство достойнымъ замѣчанія!

Далѣе Варлаамъ говоритъ, что онъ извѣщалъ королю о томъ, что называющій себя Димитріемъ есть Гришка Огренъевъ. Король, не повѣривъ ему, отправилъ его къ Гришкѣ въ Самборъ. Тамъ товарища его Якова Пыхачева казнили, а его бросили въ тюрьму. Сендомирскій воевода съ Гришкою отправились въ походъ, а онъ остался въ тюрьмѣ, потомъ уже жена Мнишка и дочь Марипа освободили его. Здѣсь странно то, что Варлаамъ, разставшись съ Гришкою еще въ 1602 году и оставшись въ Дерманскомъ монастырѣ, не говоритъ, какимъ образомъ онъ услѣдилъ, что называвшій себя Димитріемъ былъ Гришка, и какъ очутился въ Краковѣ у короля. Странно и то, почему одного казнили, другого только въ тюрьму заключили,

когда слѣдовало бы казнить Варлаама, ибо Варлаамъ, а не Яковъ, извѣщалъ королю, слѣдовательно Варлаамъ былъ опасиѣе Якова.

Замѣчательно противорѣчіе между челобитною Варлаама и грамотою патріарха Іова. Въ грамотѣ патріаршей Варлаамъ названъ монахомъ Чудовскимъ, а въ челобитной онъ себя самъ называетъ постриженникомъ Пафнютьевскаго Боровскаго монастыря. Варлаамъ говоритъ, что Гришка прожилъ въ Кіевѣ всего три недѣли, ушелъ прочь изъ Кіева къ Острожскимъ, и когда онъ уходилъ къ Острожскому, то это считалось удаленіемъ изъ монастыря. А въ грамотѣ Іова, въ показаніи Венедикта, — что Гришка, живя въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ, служилъ въ тоже время и у Острожскаго въ Кіевѣ, какъ у Кіевскаго воеводы и чрезъ это не разрывалъ своей связи съ Печерскимъ монастыремъ. Варлаамъ говоритъ, что когда онъ сдѣлалъ извѣтъ, что Гришка хочетъ уйти къ Острожскому, архимандритъ сказалъ, что здѣсь земля вольная, кто какъ хочетъ, въ такой вѣрѣ тотъ и пребываетъ. А въ показаніи Венедикта говорится, что тотъ же самый архимандритъ посылалъ достать Гришку; тогда онъ ушелъ не къ Острожскому, какъ показываетъ Варлаамъ, а къ Запорожцамъ. Венедиктъ показываетъ, что Гришка убѣжалъ ко князю Адаму Вишневецкому отъ Запорожцевъ. Варлаамъ показываетъ, что онъ туда убѣжалъ изъ Гощи. По грамотѣ патріарха Іова, какой-то чернецъ Пименъ водилъ Гришку съ товарищами черезъ границу; Варлаамъ не знаетъ Пимена, а знаетъ въ этомъ случаѣ иное лицо, какого-то Ивашку-вожа.

Всѣ историки и лѣтописцы, признающіе Димитрія Гришкой, повторяютъ, съ разными видоотличіями, слухи, которые образовались первоначально вслѣдствіе внушеній отъ власти, что обманщикъ былъ Гришка. Уже послѣ смутнаго времени появился рядъ повѣствованій и разсказовъ о приключеніяхъ Гришки Отрешьева. Они одинъ другому противорѣчатъ. Очевидно, Гришка сдѣлался мифомъ, о немъ ходили сказки и легенды въ различныхъ отмѣнахъ. Достаточно взглянуть на глав-

нѣйшіе изъ этихъ разсказовъ, чтобъ видѣть, какъ они нескладны и между собою и съ челобитною Варлаама, и съ патриаршею грамотою.

Вотъ для примѣра разсказъ изъ Никоновской лѣтописи и изъ Лѣтописи о мятежахъ.

Тамъ говорится, что Гришка, до монашества Юрій, былъ родомъ изъ Галича. Отецъ его назывался Богданъ. Онъ отдалъ его учиться грамотѣ. Гришка постригся въ монашество въ Спасо-Ефимьевскомъ монастырѣ.

Въ сказаніи, занесенномъ въ хронографы, говорится напротивъ, что отца его звали Яковомъ; Юшка остался послѣ отца *младъ згло*, и отданъ матерью учиться грамотѣ, и началъ жить въ Москвѣ; тамъ игуменъ Трифонъ, Вятской области, города Хлынова, уговорилъ его постричься въ монашество (*Ист. сказан. о самозв.* 10).

Бояре въ сношеніяхъ съ польскими панами разсказывали (*Дѣла посольск. № 26*), что отца Григорьева Богдана зарѣзалъ Литвинъ въ Нѣмецкой слободѣ; а онъ, Юшка, сынъ его, пошелъ въ холопы и жилъ у Романовыхъ и у князя Черкаскаго, а потомъ заворовался и постригся въ монахи въ Суздальскомъ Спасскомъ монастырѣ. Далѣе разсказывается, что онъ перешелъ въ Галичскій монастырь Іоанна Предтечи, ходилъ по другимъ монастырямъ, наконецъ былъ челомъ, чтобъ архимандритъ Чудовскій Пафнутій принялъ его въ Чудовъ монастырь, гдѣ жилъ въ монашескомъ званіи дѣдъ Отрепьева Замятня. Пробывъ годъ во дьяконахъ, онъ поступилъ во дворъ къ патриарху для книжнаго письма; но скоро впалъ въ еретичество, и за нѣкія богомерзкія дѣла его хотѣли сослать на смерть въ заточеніе, а онъ ушелъ съ Варлаамомъ и Мисаиломъ, проживалъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ и Никольскомъ монастырѣ, и тамъ, по совѣту Сендомирскаго воеводы и Вишневецкихъ и другихъ пановъ, принялъ на себя имя Дмитрія.

Этому официальному извѣстію служила основаніемъ грамота патриарха Іова и его посланіе къ католическому духовенству; но противорѣчія въ этихъ грамотахъ тутъ сглажены и сгла-

жены; затѣмъ прибавляется нѣсколько свѣдѣній о постриженіи Гришки.

Въ Никоновской лѣтописи ведутъ Гришку изъ Суздальскаго монастыря не въ Галичъ, а на Куксу, потомъ въ Чудовъ монастырь; будучи въ послѣднемъ монастырѣ, онъ сталъ вхожъ къ патриарху, между тѣмъ разспрашивалъ объ убіеніи царевича Дмитрія и говорилъ какъ будто на смѣхъ: я царемъ буду въ Москвѣ; старцы смѣялись надъ нимъ и плевали на него; но митрополитъ Иона Ростовскій не поставилъ этого въ шутку, а донесъ патриарху. Патриархъ не придалъ этому значенія; Иона сказалъ царю. Борисъ приказалъ дьяку Смирному-Васильеву послать Гришку въ Соловки подъ крѣпкое начало. Смирной передалъ порученіе дьяку Семейкѣ, а дьякъ Семейка былъ Гришкѣ свой человекъ и сталъ укрывать его, и молилъ Смирного, чтобъ не исполнялъ вскорѣ царскаго указа; а тѣмъ временемъ Гришка убѣжалъ.

Такимъ образомъ Никоновская лѣтопись противорѣчитъ важнѣйшей части оффиціального заявленія бояръ. Въ послѣднемъ, какъ и въ грамотѣ патриарха Юва, умыселъ принять на себя имя Дмитрія приписывается кознямъ поляковъ; а въ Никоновской, напротивъ, говорится, что Гришка возымѣлъ его еще тогда, когда проживалъ въ Чудовомъ монастырѣ. По оффиціальному заявленію бояръ, Гришка убѣжалъ изъ Москвы прямо въ Литву; по Никоновской лѣтописи, онъ бѣжалъ изъ Москвы въ Галичъ на Желѣзной Борокъ, потомъ въ Муромъ въ Борисоглѣбскій монастырь, а въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ строитель далъ ему лошадь, и Гришка поѣхалъ на ней въ Брянскъ въ Свинскій монастырь; тутъ онъ сошелся съ Мисиломъ Повадинымъ и товарищемъ его (Варлаамомъ?) и съ ними отправился въ Новгородъ-Сѣверскій, а изъ Новгородсѣверскаго монастыря, подъ предлогомъ будто ѣдетъ въ Путивль, повернулъ въ Кіевъ. На память игумену Новгородсѣверскому онъ оставилъ записку, гдѣ сообщалъ ему, что онъ царевичъ Дмитрій. Здѣсь Никоновская лѣтопись противорѣчитъ и оффиціальному сказанію бояръ, и челобитной Варлаама, по кото-

рымъ Гришка сошелся съ Варлаамомъ и Мисаиломъ въ Москвѣ, и вовсе не былъ въ Брянскѣ, но прямо ѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскій и оттуда прямо въ Кіевъ.

Въ «Иномъ сказаніи» (изъ хронографа) рассказывается еще иначе: поживши въ Чудовѣ, Гришка перешелъ къ Николѣ на Угрюшу и тамъ впалъ въ еретичество; оттуда ушелъ въ Кострому, изъ Костромы снова пришелъ въ Москву, и оттуда уже убѣжалъ въ Лявву, подговоривши съ собой Варлаама и Мисаила.

Въ другихъ хронографическихъ сказаніяхъ рассказывается, что Гришка постригся не въ Суздальскомъ монастырѣ, какъ говорятъ нѣкоторые, а въ монастырѣ Борки, Галичской земли, и оттуда перешелъ въ Чудовъ монастырь, вовсе не бывавши въ Суздальскомъ монастырѣ; въ Чудовѣ монастырѣ вошелъ въ него сатана и общалъ ему царствующій градъ покорити; онъ бѣжалъ въ Кіевъ (*Четыре сказ. о Лжедм. 1863*).

Въ «Сказаніи еже содѣяся» рассказывается еще иначе, и съ болѣшими подробностями, чѣмъ гдѣ нибудь. По этому сказанію, Гришка, еще до постриженія, обвиненъ былъ въ преступленіи по тому поводу, что былъ вхожъ въ домъ Черкасскихъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Повадинымъ, родомъ изъ Серпейска. Это заставило его, избѣгая опалы, постричься въ Стодольскомъ монастырѣ; потомъ онъ прибылъ въ Чудовъ монастырь, посвященъ во диаконы, вошелъ къ патриарху, а потомъ подобралъ себѣ товарищей Мисаила и Варлаама, дали они взаимную клятву пребывать неразлучно, и ушли въ Свинскій монастырь. Двое товарищей его любили пить, а Гришка ничего не пилъ, и тѣ на него сердились за это. Потомъ всѣ трое ходили по Сѣверской землѣ и собирали милостыню на монастырь. Такимъ образомъ они пришли на Литовскій рубежъ и вошли въ домъ къ одной женщинѣ, и тутъ узнали, что по повелѣнію царя поставлена застава стеречь кого-то, кто убѣжалъ изъ Москвы. Гришка помертвѣлъ отъ страха, спросилъ у женщины дорогу на Черниговъ, и отправился съ товарищами въ Черниговъ. На дорогѣ онъ сознался имъ, что

застава поставлена на него, припомнилъ товарищамъ данную въ Москвѣ клятву, и убѣдилъ ихъ идти съ нимъ въ Кіевъ. Далѣе разсказывается подробно, какъ они пробывали въ домахъ пановъ Воловичей и пана Прокулицкаго, какъ, наконецъ, добрались до Кіева. Сказаніе не говоритъ, долго ли пробывали они въ этомъ городѣ; но изъ Кіева оно ведетъ ихъ въ Острогъ, называемый Остроженоль, ко князю Константину Острожскому; тутъ описывается, какъ встрѣтилъ пришельцевъ этотъ князь, малый ростомъ, съ такою большою бородою, что когда онъ сидѣлъ, то постилалъ платокъ, на которомъ укладывалась его громадная борода. Острожскій, принявъ ихъ у себя, черезъ два мѣсяца отпустилъ въ Печерскій монастырь. Такимъ образомъ, противно челобитной Варлаама, гдѣ они изъ Печерскаго переходятъ въ Острогъ, здѣсь наоборотъ—они изъ Острога ѣдутъ въ Печерскій монастырь. Соскучившись въ Печерскомъ монастырѣ, Гришка убѣжалъ къ Запорожцамъ, вступилъ въ роту Герасима Евангелика, и съ козаками безчинствовалъ около Кіева ради прибытка. Дошла вѣсть до Острожскаго. Князь приказалъ поймать Гришку. Между тѣмъ, погулявши у Запорожцевъ, Гришка опять пришелъ въ монастырь; тутъ его хотѣли задержать; на счастье его, архимандрита не было въ монастырѣ. Гришка смекнулъ, что ему плохо будетъ, и ушелъ въ Самборъ, который неправильно называется имѣніемъ князей Свирскихъ и пановъ Ратомскихъ. Здѣсь у Свирскихъ въ католическомъ монастырѣ Стодольскомъ открывается Гришка въ первый разъ монаху греку Арсенію, что онъ Дмитрій царевичъ. Вѣсть о появленіи челоуѣка, называющаго себя Дмитріемъ, дошла до Бориса. Царь послалъ къ Острожскому съ просьбой выдать вора. Сказаніе совѣтъ иначе представляетъ въ этотъ случаѣ поступокъ Острожскаго, чѣмъ представляли его бояре польскимъ посламъ. Кіевскій воевода отправилъ двоихъ монаховъ, его товарищей, Варлаама и Мисаила для обличенія; но они поклонились Гришкѣ и признали его царевичемъ. Паны Свирскіе извѣстили о явившемся царевичѣ королю. Сигизмундъ отправилъ въ Самборъ провѣдать о Дмитріѣ двухъ московскихъ людей, братьевъ Хри-

пуновъхъ, давно уже отѣхавшихъ въ Литву. Тѣ, увидѣвши Гришку, тотчасъ признали его царевичемъ и увѣряли, будто знали Дмитрія въ младенчествѣ. Тогда король пригласилъ его въ Краковъ, и посовѣтовавшись съ панами, обѣщаль ему помогать, если онъ приметъ католическую вѣру. Гришка отъказался. Король призналъ его царскимъ сыномъ, пригласилъ къ себѣ и угощаль. Разсказъ о свиданіи съ королемъ противорѣчитъ разсказу Чилли, бывшаго свидѣтелемъ этого свиданія. Пана услышаль о явленіи русскаго царевича въ Польшѣ, сталъ побуждать короля обратить его въ католическую вѣру. Гришка, пробывъ долгое время въ Краковѣ, познакомился съ католическою вѣрою, и наконецъ согласился. Тогда король созвалъ сеймъ (небывалый) въ Лашевѣ и тамъ предалъ дѣло Дмитрія разсмотрѣнію. Измѣнники московскіе люди въ польскихъ владѣніяхъ увѣряли всѣхъ, что это истинный царевичъ. Съ этого сейма взялъ Гришку къ себѣ въ Сендомиръ (а не въ Самборъ) Мнишекъ, и у него въ Сендомирѣ Гришка влюбился въ дочь его Марину.

Это сказаніе отъ начала до конца оказывается невѣроятнымъ, и еще Карамзинъ назвалъ его *баснословнымъ*. Дѣйствительно, подробности о мелочныхъ событіяхъ, которыя могъ знать только очевидецъ, приведеніе разговоровъ, которые знать могъ только участвовавшій въ нихъ или слышавшій ихъ, и самые грубые анахронизмы, показываютъ, что все это составлялось человѣкомъ, жившимъ въ далека отъ описываемаго театра событій. Если по способу изложенія и по множеству невѣжественныхъ анахронизмовъ «Сказаніе еже содѣяся» перещеголяло другія наши лѣтописи въ повѣствованіи о Гришкѣ, тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія вѣрить другимъ разсказамъ больше, чѣмъ этому. Что ни лѣтопись, то новый разсказъ! Согласить ихъ и сшивать на-обумъ — было бы дѣломъ произвола, слишкомъ противнаго исторической критикѣ. Соглашать разнорѣчія, дополнять одно сказаніе другимъ, можно только тогда, когда есть доказательства, что авторы были поставлены въ такія условія, когда одинъ могъ видѣть то, чего не могъ

видѣть другой, или одинъ долженъ былъ смотрѣть съ иной точки зрѣнія, чѣмъ другой. Въ разсказахъ о самозванцѣ нельзя опереться на такой точкѣ зрѣнія: всѣ они смотрятъ на самозванца одинаково враждебно; всѣ писаны были въ Россіи, очевидно, въ смутнаго времени. Во всемъ этомъ историческаго можно усмотрѣть только вотъ что: когда появилось въ польскихъ владѣніяхъ лицо, называвшееся Димитріемъ, въ Москвѣ пустились въ догадки — кто бы это былъ, и такъ какъ лицо это явилось прежде въ монашескомъ видѣ, то и стали отыскивать и предполагать — не Гришка ли Отрепьевъ онъ, дѣйствительно бѣжавшій изъ Чудова монастыря; и такъ какъ монастырь этотъ находился на виду у патріарха, то происшедшее тамъ прежде могло быть ему извѣстно, чѣмъ происшедшее въ другихъ монастыряхъ. Когда же оказалось нужнымъ во что бы то ни стало дать въ глазахъ народа какое-нибудь имя страшному, неизвѣстному челоѣку, называвшему себя грознымъ именемъ, тогда употребили имя Гришки Отрепьева, тогда подъ этимъ именемъ патріархъ произнесъ проклетіе на самозванца. Какъ слабо на народное чувство подѣйствовала эта выдумка, доказываютъ слова лѣтописца, который сознается, что никто не вѣрилъ ей (*Ист. сказ. о самозв.* 21); проклетіе не дѣйствовало на народъ: всякій шагъ патріарха приписывали Борису умышленію; народъ пошелъ за Димитріемъ. Въ его царствованіе не было никакой возможности обличить, что онъ Гришка, и когда пришлось низложить и убить его, враги все таки не могли найти никакихъ доказательствъ; оставалось, однако, невольное сомнѣніе, зароненное патріархомъ, и послѣ смерти царствовавшего подъ именемъ Димитрія, Шуйскій употреблялъ всѣ усилія, чтобъ очернить его память и утвердить въ народѣ мысль о томъ, что онъ Гришка Отрепьевъ. Долго эти мѣры дѣйствовали слабо. Большинство народа пошло за вторымъ Лжедимитріемъ. Безчинства поляковъ, его союзниковъ, отрезвили Московщину; народъ, не терпя Шуйскаго, собрался около него не ради защиты его, презираемаго Россією, а за вѣру и независимость земли своей. Называвшій себя Димитріемъ

быть не первый и не послѣдній. Не онъ одинъ явно обличенъ въ самозванствѣ; являлась куча ложныхъ царевичей: Федоры, Клементія, Петры, Савелія, Семены, Василія, Ерофея, Гаврилы, Мартыны. Всѣ они исчезли безслѣдно. Убитъ второй Дмитрій, явился третій, и также убитъ. Понятно, что при такомъ множествѣ ложныхъ царевичей, явно оказавшихся самозванцами, представленіе о спасенномъ чудесно лицѣ царственной крови потеряло въ народѣ окончательно и вѣру и сочувствіе. Тогда не осталось ни у кого сомнѣнія, что и первый Дмитрій былъ не настоящій; а такъ-какъ враги давно уже постоянно объявляли его Гришкою, то и утвердилось мнѣніе, что онъ Гришка Отрепьевъ. Воображеніе создавало разныя подробности о немъ. Когда минула эпоха смуты и Московское государство успокоилось, взялись писать о событіяхъ прошлаго времени, и по письменнымъ памятникамъ и по памяти и по слухамъ; въ писанія вошли разные рассказы о явленіи перваго самозванца, ходившіе изъ устъ въ уста, а въ нихъ имя Гришки, брошенное изначала патриархомъ и Борисомъ, приняло право исторической достовѣрности, перешло во всѣ исторіи, и до сихъ поръ соединяется съ личностію перваго самозванца. Стоитъ только сличить всѣ эти сказанія, чтобъ видѣть въ нихъ господство вымысла и отказать имъ во всякомъ правѣ на авторитетъ.

Между тѣмъ существуютъ прямыя свидѣтельства современниковъ, опровергающія что самозванецъ былъ Гришка. Укажемъ на Маржерета. Онъ говоритъ, что вскорѣ по воцареніи Бориса убѣжалъ изъ Москвы секретарь патриаршій Гришка Отрепьевъ въ Польшу. «Я знаю навѣрное, — говоритъ Маржеретъ, — что тогда убѣжало въ монашескомъ видѣ двое, одинъ Гришка Отрепьевъ, другой безыменный. Борисъ разослалъ гонцовъ ловить ихъ и стеречь всѣ дороги. На границѣ учредили заставы, и три или четыре мѣсяца трудно было ѣздить изъ города въ городъ. Когда называвшій себя Дмитріемъ прибылъ въ Московское государство, то привелъ съ собою Гришку Отрепьева. Ему было отъ роду за 35 лѣтъ, тогда-какъ само-

званцу было не болѣе 23 или 24-хъ. Вскорѣ самозванецъ со-
славъ Гришку Отрепьева въ Ярославль за пьянство и безпут-
ное поведеніе. Одинъ изъ жившихъ въ Ярославлѣ въ домѣ
Англійской компаніи рассказывалъ Маржерету, что когда само-
званца убили, то Гришка Отрепьевъ сталъ увѣрять всѣхъ, что
убитый вовсе не Гришка, и указывалъ въ доказательство на
свою личность. Василий Шуйскій приказалъ его отыскать и
неизвѣстно что съ нимъ сдѣлалъ. Маржеретъ—писатель умный,
безпристрастный и добросовѣстный. Если у него и есть невѣр-
ности, то развѣ отъ незнанія, а не отъ умышленной лжи.
Онъ хотя и остается въ томъ убѣжденіи, что самозванецъ былъ
настоящій Дмитрій, но убѣжденъ не наобумъ, а приводитъ
доказательства, которыя настолько сильны, что должны были
убѣдить его въ то время, при естественномъ отдаленіи ино-
странца отъ условій нашей русской жизни. Пристрастія къ
самозванцу въ немъ нѣтъ; онъ не скрываетъ его дурныхъ сто-
ронъ. Весь тонъ его сочиненія побуждаетъ довѣрять ему тамъ,
гдѣ онъ выступаетъ какъ очевидецъ или какъ близко знаю-
щій то, о чемъ рассказываетъ. Впрочемъ, если нужно свидѣ-
теля, который бы непременно не признавалъ самозванца Ди-
митріемъ, и за этимъ дѣло не станетъ. Въ хроникѣ Буссова,
далеко не такъ умнаго и безпристрастнаго, какимъ былъ Мар-
жеретъ, но тѣмъ не менѣе очевидца событій, притомъ вовсе
не расположеннаго считать самозванца настоящимъ царви-
чемъ, личность его также различается отъ личности Гришки
Отрепьева. Буссовъ говоритъ, что Гришка Отрепьевъ бѣжалъ
изъ монастыря съ тѣмъ, чтобы отыскать кого-нибудь, кто бы
рѣшился назваться Дмитріемъ. Въ Поднѣпровскихъ краяхъ онъ
нашелъ такого молодца, а самъ отправился къ козакамъ и под-
стрекалъ ихъ подняться за явившагося Дмитрія (*стр.* 19). Такъ
и Кобѣржицкій (*стр.* 57), считая самозванца отнюдь не Дми-
тріемъ, а обманщикомъ и пришельцемъ изъ Московіи, не на-
зываетъ его Гришкою Отрепьевымъ. Другой польскій историкъ
Лубенскій (*стр.* 28), считая его также обманщикомъ, изъясняетъ

сомнѣніе къ тому, чтобъ онъ былъ Гришка Отрепѣевъ, какъ москвитяне считаютъ его.

Карамзинъ, Соловьевъ и вообще наши историки, соблазняясь свидѣтельствомъ современниковъ (не имѣвшихъ никакой причины лгать) о различіи Гришки отъ самозванца, думали объяснить это различіе извѣстіемъ, вошедшимъ въ Морозовскую лѣтопись и рукописную «Повѣсть о Борисѣ и Растригѣ», что Гришка, самъ назвавшись Димитріемъ, нарекъ своимъ именемъ другаго. Но Морозовская лѣтопись говоритъ, что эту роль Гришки на себя взялъ чернецъ Пимень: — умышленная и неудачная ложь, ибо мы знаемъ изъ патріаршей грамоты, что чернецъ Пимень былъ въ концѣ 1604 года въ Россіи (если вѣрить ей въ этомъ); проводивши Гришку Отрепѣева до границы Литовской, онъ воротился назадъ. «Повѣсть о Борисѣ и Растригѣ» говоритъ, что это былъ Леонидъ, инокъ Крыпецкаго монастыря, который сопутствовалъ самозванцу вмѣстѣ съ Мисаиломъ Повадинимъ и Варлаамомъ. Но странно, что объ этомъ Леонидѣ упоминается въ одномъ только сочиненіи, и то единственно для того, чтобъ указать, что онъ замѣнилъ собой настоящаго Гришку. Почему же ни въ патріаршей грамотѣ, ни въ челобитной Варлаама, ни въ одномъ изъ рассказовъ, вошедшихъ въ хронографы и лѣтописи, нѣтъ имени этого Леонида? Не показываетъ ли это, что имени Леонида не осталось даже по преданіямъ въ числѣ спутниковъ самозванца, и выдумано къ-то уже впоследствии? Да и какъ можно вѣрить вообще, что кто-то, въ угодность самозванцу, принялъ на себя имя Гришки Отрепѣева, не бывши имъ въ самомъ дѣлѣ, когда объ этомъ говорятъ только два позднѣйшіе источника, да и тѣ разногласятъ между собою?

Есть, однако, разнорѣчіе между Маржеретомъ и Буссовымъ. По Маржерету, самозванецъ, не будучи Гришкою Отрепѣевымъ, по видимому бѣжалъ все-таки въ Польшу изъ Москвы; а по Буссову, онъ и произошелъ въ Польшѣ. Но это разнорѣчіе показываетъ только то, что Буссовъ, какъ это видно во многихъ мѣстахъ его хроника, ошибался въ тѣхъ случаяхъ, когда

шла рѣчь о событіяхъ, происходившихъ далеко отъ его сферы и о которыхъ онъ писалъ по слухамъ. Маржереть говорить сообразнѣе съ истинною и съ большею осторожностью. Онъ выдаетъ за вѣрное, что Гришка Отрепьевъ другое лицо, а не тотъ, который царствовалъ подъ именемъ Дмитрія, и указываетъ только, что кромѣ Гришки бѣжалъ еще изъ Москвы кто-то безымянный. Важно то, что Маржереть прибавляетъ, что въ его время такъ думали вообще русскіе, то есть отличали царствовавшаго подъ именемъ Дмитрія отъ Гришки Разстриги.

Дѣйствительно, самозванецъ бѣжалъ изъ Московской земли; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Всѣ польскіе источники согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ явился изъ Московщины. Миншекъ въ своемъ допросѣ объявилъ, что онъ явился въ Кіевѣ въ монашескомъ платьѣ, потомъ перешелъ къ Винницецкимъ и тамъ объявилъ себя царевичемъ. Миѣніе о томъ, что онъ былъ полякъ, настроенный іезуитами, разбивается въ прахъ отъ слѣдующихъ очевидныхъ доказательствъ:

1) Онъ не твердо зналъ латинскій языкъ (вопреки Вассенбергу, ошибочно говорящему, будто онъ его зналъ хорошо); а это было бы невозможно, еслибъ онъ былъ воспитанникъ іезуитовъ.

2) Онъ говорил по русски какъ природный великороссіянинъ.

3) Еслибъ онъ былъ воспитанникъ іезуитовъ и даже просто полякъ того времени, то оказывалъ бы гораздо больше рвенія къ католичеству, чѣмъ сколько было въ немъ его видно; ибо хотя онъ и писалъ къ папамъ двусмысленныя увѣренія въ преданности и готовности слѣдовать ихъ наставленіямъ и быть полезнымъ апостольскому престолу (— выраженія, которыя католическое духовенство, по обычаю изъ малаго заключать великое, растолковало совершеннымъ принятіемъ римскокатолической религіи и готовностію вводить ее въ Московскомъ государствѣ); но царствуя на престолѣ подъ именемъ Дмитрія, въ теченіи года только и сдѣлалъ для католичества, что до-

пускалъ свободное обращеніе католиковъ наравнѣ съ прочими иновѣрцами, да толковать о союзѣ съ западнымъ христианствомъ противъ турокъ; важнаго же ничего къ осуществленію заветныхъ намѣреній папы не дѣлалъ вовсе, даже свою жену обязывалъ поститься по уставамъ православной церкви и причащаться отъ патріарха; а подѣ конецъ уже разочаровалъ и папу Павла V и всю католическую пропаганду въ ихъ блестящихъ надеждахъ.

Наковецъ 4), еслибъ онъ былъ полякъ, то московскіе бояре, постоянно говорившіе, что его научили поляки, не преминули бы указывать на это; но видно, что съ перваго взгляда черезчуръ видно было его великорусское происхожденіе, когда его поспѣшили признать скорѣе своимъ бѣглымъ бродягою, чѣмъ иноземцемъ. Оттого, вѣроятно, и назвали его Гришкою, что онъ явился бѣглецомъ изъ Москвы въ монашескомъ платьѣ, въ какомъ ходилъ дѣйствительный Гришка.

Дѣйствительно ли тотъ безымянный, о которомъ говорить Маржереть, былъ нашъ самозванецъ? Отвѣтъ на это скажется самъ собою, но прежде нужно изслѣдовать другой вопросъ: Какимъ образомъ спасшимся отъ насильственной смерти выдавалъ себя самозванецъ?

Есть много иностранныхъ рассказовъ о томъ, какъ спасся Дмитрій царевичъ отъ подосланныхъ убійць. Всѣ они если не есть, то кажутся сокращеніемъ подробной повѣсти объ этомъ, находящейся въ рукоп. Публ. Библ. № 33 и напечатанной Когновичкимъ во второмъ томѣ его Сапѣтъ (Życie Sarpiełow) и приписываемой какому-то Томіанскому. Тамъ рассказывается, что спасъ его докторъ Симеонъ, подмѣнивши другимъ мальчикомъ, котораго убійцы, почитая за царевича, зарѣзали ночью соннаго, а настоящий передалъ на сохраненіе князю Метиславскому. Въослѣдствіи, послѣ разныхъ приключеній, царевичъ поступилъ въ монастырь, желая укрыться отъ преслѣдованій Бориса. Эта повѣсть съ перваго взгляда показываетъ такое же легендарное происхожденіе, какъ и наши затѣйливые рассказы о походахъ Гришки Отрепьева. Писана она

со слуховъ, ходившихъ изъ устъ въ уста въ Польшѣ и заходившихъ въ Западную Европу. Въ сокращенныхъ видахъ это сказаніе повторяется Пясецкимъ (стр. 221), Гревенбрухомъ (стр. 14), Петрицкимъ (13), Бареццо-ди-Барецци (стр. IV). Но то, что у нихъ рассказывается, точно ли было рассказано Димитріемъ и въ такомъ ли видѣ рассказано? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Рассказы эти черезчуръ противорѣчатъ истинѣ, и самозванецъ былъ бы черезчуръ неловкій обманщикъ, еслибъ прибѣгнулъ къ такого рода вымысламъ. Такъ, напримѣръ, подлогъ на канунѣ убійства и ночное убійство мальчика, подложеннаго вмѣсто царевича, не сходятся съ обстоятельствами, сопровождавшими убійство настоящаго царевича Димитрія въ Угличѣ. Убійство это произошло не ночью, а днемъ. Цѣлый городъ въ продолженіи трехъ дней смотрѣлъ на мертвое тѣло царевича и всѣ могли узнавать въ немъ того самаго, который былъ живъ наканунѣ убійства. Справедливо смѣялся надъ этою сказкою великій гетманъ и канцлеръ польскій Янъ Замойскій. «Замысливъ убить наслѣдника престола и ошибаясь въ убитомъ, — (говорилъ онъ) — да это можно только барана или козла зарѣзать, и не посмотрѣть кого зарѣзали». Притомъ же въ извѣстіи Товіанскаго говорится и то, что докторъ Симеонъ, спасши царевича, сохранилъ его у князя Ивана Мстиславскаго въ украинныхъ земляхъ Московскаго государства, когда никакого Мстиславскаго тамъ не бывало. Князь Иванъ умеръ въ 1586 году, и никогда не былъ сосланъ въ украинные города. Неужели нареکشій себя Димитріемъ могъ не знать этихъ обстоятельствъ и выдумать такія небылицы, которыя легко могли опровергнуть съ перваго раза, когда были другіе способы гораздо хитрѣе и ловчѣе скрыть обманъ! Всякому читающему эти сказки можетъ придти въ голову: почему бы этому плуту, вмѣсто того чтобъ говорить, что его подмѣнили наканунѣ убійства, не сказать, что его подмѣнили гораздо раньше? *).

*) Также точно мы считаемъ чистымъ вымысломъ письмо, приписываемое

Дѣйствительно такой способъ объясненія и былъ въ ходу въ то время. Англичанинъ Смитъ, посѣтившій Россію во время гибели Борисова дома и воцаренія самозванца, объясняетъ тайное спасеніе царевича, безъ сомнѣнія такъ, какъ онъ слышалъ отъ русскихъ. Богданъ Бѣльскій былъ удаленъ отъ двора. Его друзья ему сообщали обо всемъ, что дѣлается при дворѣ *); и по этимъ извѣстіямъ Бѣльскій сообразилъ, что Борисъ замышляетъ истребить Дмитрія. Онъ вошелъ въ сношеніе съ его матерью; мальчика подмѣнили, на его мѣсто подставили сына какого-то священника, который былъ однихъ лѣтъ съ Дмитріемъ и похожъ на него. Этотъ поповъ сынъ воспитывался подъ именемъ царевича Дмитрія, и однажды, когда онъ игралъ съ дѣтьми, ему перерѣзали горло, будто случайно, желая разрѣзать шейное ожерелье. Тѣло его лежало впродолженіи трехъ дней всенародно; всѣ думали, что это Дмитрій, а между тѣмъ настоящій Дмитрій проживалъ въ неизвѣстности **).

Лжедмитрію, къ Борису, находящ. рукописи въ Публ. библ. № 33 и приведенное въ отрывкахъ Соловьевымъ. Это письмо наичужде до такой степени анахронизмами, до такой степени не похоже на слогъ писемъ этого чловека, что намъ не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія въ его подложности. Очень вѣроятно, что Лжедмитрій, вступая въ Московское государство, писалъ къ Борису, исчисляя всѣ злодѣянія, предлагалъ отречься отъ престола и за то обѣщалъ свое помилованіе; но та польская редакція которая находится въ означенной рукописи, не можетъ считаться подлинною. Во многихъ мѣстахъ совершенная безмыслица, и это вынуждало г. Соловьева приводить ее только въ отрывкахъ.

*) Andrea Shultan (Щелкаловъ) and Andrea Clyskenine being his the-
re instruments that wrought for him.

**) Sir Thomas Smithes Voyage and entertainment in Russia. London. 1605. стр. 45—46: «Bogdan (knowing the ambitious thirst of Borris to extirpate the race of Evan Vassilewich) took deliberation with the old Emprise (mother to Demetre) for the preservation of the child. And seeing a farre off arrowes aimed at his life, which could very hardly be kept off, it was devised to exchange Demetre for the child of a churchman (in yeares and proportion somewhat resembling him) might live safe though obscure. This counterfet churchmans sonne being then taken for the laful

Не смотря на нѣкоторые анахронизмы, неизбежные у иностранца, не знающаго ни русскаго языка, ни русской жизни и сообщающаго извѣстія по слухамъ, рассказъ Смита заключаетъ и много вѣрнаго и показываетъ, что рассказчикъ писалъ то, что ему говорили московскіе люди. Это подтверждается еще болѣе, когда мы сопоставимъ извѣстіе англичанина съ другими источниками того времени. Изъ рассказа Смита видно, что Богдана Бѣльскаго считали избавителемъ царевича Дмитрія въ младенствѣ, а Буссовъ и Петрей повѣствуютъ, какъ этотъ самый Богданъ Бѣльскій увѣрялъ народъ, что воцарившійся подъ именемъ Дмитрія есть дѣйствительно Дмитрій.

Въ тотъ день, когда самозванецъ вѣхалъ въ Кремль, Богданъ Бѣльскій явился на площадь и съ лобнаго мѣста говорилъ народу: «Какъ бы васъ лихіе люди ни смущали, ничему не вѣрьте. Это истинный сынъ царя Ивана Васильевича. Святый Николай чудотворецъ помогаль ему до сихъ поръ во всѣхъ бѣдахъ его и къ намъ его привель. Берегите же его, любите его, почитайте его, служите ему и прямите безъ хитрости, ни на что не прельщаясь.» Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ цѣловаль крестъ, на которомъ было изображеніе Николая чудотворца (Bussov chronic 36. Petrei 176).

prince, was attended on and associated according to his state: with whom one day, another child (that was appointed to bee his play-fellow) disporting themselves, finding faulte that the collar which the supposed Demetre wore about his necke (as the fashion of the countrey his) stood awry, preparing to mende it, with a sharpe knif (provided as seems of purpose) cut his throat.

The report of this arrived presently at court the usurper makes shew of much lamentation yet to salisfy the people and seat himself faster in his throne the dead body was openly showne three daies to the eyes of all men. Many arguments were drawne to make the world beleewe that Boris sonne sought the death of this his brother in lawes childe, and to weaze the peoples loves and hopes they had from him, as first to have it spread abroad, that Demetre was like to prove like his father thats to say a Tyrant bec use, even in his childhood, he tooke delighte to see hennes and chickens kilde; and to bath his hands in the blood, adde

Сообразно съ видумкою о ранней подмѣнѣ Дмитрія сыномъ священника, и «Василій Ивановичъ Шуйскій передъ низложеніемъ Борисова сына Федора спрошенный народомъ, объяснилъ, что Дмитрій избѣжалъ Годуновскаго преслѣдованія, а вмѣсто его убитъ и царски погребенъ священническій сынъ; а настоящій Дмитрій идетъ въ Москву и находится въ Тулѣ. Объ этомъ сообщаетъ только Петрей (Chronic. Moscov. 174), но свидѣтельство его имѣеть, по нашему мнѣнію, всѣ признаки достовѣрности. Многие говорятъ, что съ прочими боярами Василій Шуйскій ѣздилъ кланяться самозванцу въ Тулу. Польскіе паны, въ спорахъ своихъ съ боярами, припоминали, что всѣ бояре, въ томъ числѣ избранный ими царемъ Василій Ивановичъ, кланялись ему въ Тулѣ. Этого не опровергали и не могли опровергнуть бояре. А коль-скоро Шуйскій ѣздилъ кланяться самозванцу, то нѣтъ ничего невозможнаго, если онъ и народу торжественно заявилъ, что этотъ самозванецъ настоящій царь. Не только умѣстно было народу спросить Шуйскаго, но даже неизбежно, ибо Шуйскій производилъ слѣдствіе объ убійствѣ царевича и лучше чѣмъ кто другой могъ знать: убитъ ли настоящій царевичъ, или нѣтъ? Хитрому Шуйскому въ то время былъ прямой расчетъ объявить такимъ

unto this, the poisoning of his nurse, besides it was forbidden to have him praied for, as the rest of the Emperors children were because hee should be utterly forgotten. To conclude an old over-worne law buried long in forgetfulness was now againe freshly revived, and that was, that the child of a sixt wife was not to inherit (yet the murder beeing acted). Boris the usurper, to blind the eyes of the world, and to weare a cunning maske over his owne. Sent a nobleman with divers other, to take strict examination of each particular circumstause, and to imprison all those that had the gurdiaunce of him, yea to put some of them to tortures and to death, which was done accordingly. But heaven protected the lawfull, to be an instrument for the usurpers confusion. Obscurely lived this wronged prince, the changing of him being made private to none but his own mother, who now living, and to Bodan Belskey; but upon wheele his various fortunes have bin turned (which of necessitie much needs be strange) came not within the rech of our knowledge being there.

образомъ народу, чтобъ погубить Годуновыхъ, въ увѣренности, что самозванецъ недолго продержится на престолѣ, а послѣ него Московскій престолъ останется не занятымъ и взойдетъ на него онъ, какъ старшій изъ князей Рюрикова дома. Не только въ Россіи, но даже въ Польшѣ признавали за нимъ это право. Въ рѣчи Яна Замойскаго, послѣдней въ его жизни, говореной имъ на сеймѣ, канцлеръ, отвергая подлинность назвавшего себя Димитріемъ, замѣтилъ, что если нужно Годунова свергнуть какъ похитителя, то Московскій престолъ по праву наслѣдства долженъ достаться князю Шуйскому.

Сообразно этому мнѣнію и Маржереть, видѣвшій, какъ мы замѣтили, близко эти обстоятельства, говорить : весьма вѣроятно, что мать и знатнѣйшіе бояре, какъ Нагіе, Романовы, угадывая, чего желаетъ Борисъ, употребили всѣ способы для избавленія младенца отъ погибели. Спасти же царевича они иначе не могли, по моему мнѣнію, какъ подмѣнивъ его и воспитавъ тайно, доколѣ настанетъ лучшее время, пока разрушатся планы Бориса Ѳеодоровича. Сей цѣли они достигли какъ нельзя лучше : кромѣ вѣрныхъ соучастниковъ, никто не вѣдалъ о подлогѣ ; царевичъ воспитывался тайно ; по смерти же брата своего Ѳеодора, когда избрали царемъ Бориса, вѣроятно удался въ Польшу вмѣстѣ съ разстригою, одѣвшись монахомъ, чтобъ перейти русскую границу.

На это мнѣніе чловѣка, стоявшаго такъ близко къ событіямъ, слѣдуетъ само собою смотрѣть какъ на отголосокъ тѣхъ мнѣній, которыя вращались въ средѣ, гдѣ жилъ онъ. Не посвященный въ тайны боярскія, Маржереть слышалъ, что Димитрія спасли бояре, и по догадкамъ могъ называть Нагихъ и Романовыхъ, какъ людей, облагодѣтельствованныхъ Димитріемъ. Но имена эти только приведены для примѣра и какъ поясняющія понятіе о знатнѣйшихъ боярахъ, а не навѣрное, что именно эти бояре, а не другіе, и только эти, а не другіе съ ними, считались виновниками спасенія Димитрія. Для насъ важно то, что и Маржереть, подобно Смигу, говорить, что царевича подмѣнили задолго до уланскаго убійства.

Въ двухъ грамотахъ самозванца, писанныхъ еще до прибитія въ Москву, глухо и неясно говорится о его спасеніи. Первая такъ выражается (*Акт. Эксп. II, 89*): «измѣнники наши послали насъ великого государя на Угличъ, и толикое утѣшеніе нашему царскому величеству дѣлали, что и подданнымъ дѣлать было негодно: присылали многихъ воровъ и велѣли насъ портить и убить; и милосердый Богъ насъ великого государя отъ ихъ злодѣйскихъ умысловъ укрылъ, оттолкъ даже до лѣтъ возраста нашего въ судьбахъ своихъ сохранилъ.» Въ другой, отъ іюня 12, говорится: «Возимъ произволеніемъ и его крѣпкою десницею сокровеннаго насъ отъ нашего измѣнника, отъ Бориса Годунова, хотящаго насъ злой смерти предати, и Богъ милосердый, не хотя ему злокозненнаго помысла исполнити, и меня, государя вашего прироченнаго, Богъ невидимою силою укрылъ и много лѣтъ въ судьбахъ своихъ сохранилъ» (*ibid. 97*).

Эти неясныя фразы, если не подтверждаютъ извѣстія о томъ, что спасеніе царевича приписывали друзьямъ его задолго до убійства, то и не противурѣчаютъ ему.

Въ Ростовской лѣтописи рассказывается, что когда самозванецъ открылся Вишневецкому, то показалъ свитокъ, гдѣ было объяснено его спасеніе такъ: «когда повелѣлъ его Борисъ убить, и его Богъ укрылъ, мѣсто его убиша Угличаго попова сына, а его будто скрыша бояре и дьяки Щелкаловы, по приказу отца его царя Ивана Васильевича, (*руком. Археогр. ком. № 5, F 13*). Здѣсь также нѣтъ противорѣчія извѣстіямъ Смита и Маржерета.

Въ допросѣ, сдѣланномъ Мнишку по смерти самозванца, Мнишекъ объявилъ, что, пришедши къ Адаму Вишневецкому, самозванецъ показалъ, что Господь Богъ его отъ смерти спасъ помощію доктора, положившаго на мѣсто его иное дитя, которое вмѣсто его въ Угличѣ зарѣзали; а потомъ докторъ отдалъ его на воспитаніе къ одному сыну боярскому, который присовѣтовалъ ему спрятаться между чернецами (*Собр. Госуд. гр. и д. II, 294*).

По видимому, здѣсь-то и корень всѣхъ нелѣпыхъ разсказовъ о подмѣнѣ Симеономъ Дмитрія. Но собственно это мѣсто двусмысленно. Можно дѣйствительно понимать и такъ, что докторъ подложилъ вмѣсто царевича другого предъ убійствомъ; но можно понимать и такъ, что онъ сдѣлалъ этотъ подмѣнъ и раньше. Во всякомъ случаѣ, однако, видно, что въ разсказѣ о спасеніи своемъ самозванецъ говорилъ въ Польшѣ о какомъ-то докторѣ; но замѣчательно, что по этому извѣстію докторъ отдалъ его не Ивану Мстиславскому, какъ говорится въ сказаніи Топіанскаго, а какому-то сыну боярскому.

Такимъ образомъ ничто здѣсь собственно не противорѣчитъ извѣстію Смита, показывающему, что спасеніе Дмитрія приписывали Богдану Бѣльскому и его друзьямъ ранѣе убійства совершеннаго въ Угличѣ, подрѣпляемому свидѣтельствами Буссова и Петрея, сообщающими, что Бѣльскій увѣрялъ народъ крестнымъ цѣлованіемъ, что пришедшій въ Москву есть истинный Дмитрій, и, наконецъ, сообразному съ мнѣніемъ Маржерета, на которое слѣдуетъ смотрѣть, какъ на выраженіе мнѣній извѣстнаго круга людей въ то время.

Если вопросъ ставить такимъ образомъ, что спасеніе Дмитрія приписывалось партіи друзей его, то открывается, что личность эта должна быть орудіе партіи ненавидѣвшей Бориса, и тотъ самый Богданъ Бѣльскій, который такъ энергично увѣрялъ народъ въ истинности прибывшаго въ Москву Дмитрія, былъ со своими друзьями и виновникомъ его самозванства. По извѣстію Маржерета, слухъ о Дмитріѣ возникъ въ 1600 году, именно около того времени, когда Поляки указываютъ время прибытія его въ Кіевъ, въ 7109 году (съ сентября 1600 по сентябрь 1601 года). Съ этихъ поръ, говоритъ Маржеретъ, Борисъ занимался только истязаніями и пытками (tourmenter et geheimer). Рабъ, обвиняющій своего господина, хотя бы и ложно, въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ царя награжденіе, а господина или его главнаго служителя подвергали пыткѣ, дабы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда не слыхали и не вида-

ли. Дмитріеву мать вывели изъ монастыря и удалили отъ Москвы верстъ за 600. Въ столицѣ очень немногіе изъ знатныхъ родовъ спаслись отъ подозрѣній тирана, котораго прежде считали милосерднымъ государемъ, ибо во все время своего царствованія до появленія Дмитрія онъ не казнилъ и десяти человѣкъ всенародно, исключая воровъ». (*Estat de l'empire de Moscovie* Paris, MDCLXIX, стр. 110).

Извѣстіе современника — чрезвычайно важное. Указываемое имъ время совпадаетъ дѣйствительно съ эпохою гоненій и преслѣдованій знатныхъ семействъ. Борисъ сдѣлался подозрителенъ, хотѣлъ все знать, говорить нашъ лѣтописецъ (*Лѣтоп. о мѣсѣсахъ, стр. 54, Никоновская, 14*), и началъ награждать холопей боярскихъ за доносы. Началось съ Воинка, холопа князя Ѳедора Шестунова, который донесъ на своего боярина. Царь публично на площади приказалъ объявить ему похвалу и наградить помѣстьемъ. Съ его легкой руки и начались доносы холопей на бояръ; за доносами пытки, ссылки, заточенія, казни. «Жены на мужей своихъ доводиша, а дѣти на отцовъ, якоже отъ такія ужаси мужіе отъ жевъ своихъ талхуся; и въ тѣхъ окаянныхъ доводѣхъ многія крови пролилися неповинныя и многіе отъ пытокъ помрона: пныхъ казняху, иныхъ по темницахъ разслаху и дома ихъ разориху; ни при которомъ государѣ такихъ бѣдъ никто не видѣ!».

Эта ужасная картина, сходная съ изображеніемъ Маргерета, поясняется послѣднимъ. Царь хотѣлъ все знать, — говорятъ наши лѣтописцы. Маржереть поясняетъ, что онъ хотѣлъ знать: его встревожилъ слухъ о Дмитріѣ; онъ догадался, вѣроятно, что ему готовятъ Дмитрія, и хотѣлъ во что бы то ни было отыскать и самаго Дмитрія и тѣхъ, кто ему готовить его. Тогда постигла печальная участь роды Романовыхъ, Черкасскихъ, Репниныхъ, Сицкихъ, Карповыхъ и множество менѣе знатныхъ, и потому неизвѣстныхъ по именамъ. Тогда же постигла кара и Богдана Вѣльскаго. Этотъ бояринъ въ концѣ царствованія Грознаго былъ его другомъ и самымъ могущественнымъ человѣкомъ. Царь назначилъ его послѣ себя

однимъ изъ пяти правителей государства, по случаю слабоумія Феодора, и сверхъ того воспитателемъ другого сына—Димитрія. Въ ночь, послѣ того когда Грозный умеръ, Димитрія съ матерью сослали въ Угличъ, и удалили его родственниковъ съ матерней стороны, Нагихъ. Говорили, что это было слѣдствіе какихъ-то замысловъ въ пользу Димитрія, руководимыхъ Бѣльскимъ. Враждебные ему бояре взбунтовали московскую чернь и дворянъ, находившихся въ Москвѣ на службѣ. Подъ предводительствомъ рязанцевъ Лянуновыхъ и Кикиныхъ, они требовали выдачи Бѣльскаго и обвиняли его, будто онъ извелъ царя Ивана Васильевича и хочетъ извести Феодора, чтобъ самому править государствомъ. Бѣльскаго сослали въ Нижній Новгородъ. Мятакъ этотъ до того представленъ сбивчиво, что нѣтъ возможности изслѣдовать его поводовъ и побужденій. Въ 1591 году Бѣльскій снова былъ уже въ столицѣ. Ясно, что личность Бѣльскаго была связана съ личностью Димитрія. Понятно, что когда разнесся слухъ, что Димитрій живъ, Годуновъ не могъ не подозревать Бѣльскаго. Поводомъ къ его оналѣ наши лѣтописцы поставляютъ то, что Бѣльскій получилъ порученіе поставить въ Полѣ городъ Борисовъ, и будучи очень богатъ, въ короткое время на собственныя средства поставилъ его такъ, что онъ имѣлъ подобіе города, Бѣльскій укрѣпилъ его башнями и стѣнами, Бѣльскій поилъ, кормилъ ратныхъ людей, давалъ имъ деньги, платье и запасы, словомъ—привязывалъ къ себѣ, готовился къ какому-то замыслу. Борисъ приказалъ его привезти, раззорить, взявъ у него всѣ вотчины, позорилъ его, поругался надъ нимъ и сослалъ куда-то въ низовые города въ тюрьму. Таже участь постигла и его друзей дворянъ, между которыми лѣтописецъ называетъ Аванасія Зиновьева. Иностранцы рассказываютъ при этомъ, что Борисъ приказалъ одному своему доктору нѣмцу выщипать у Бѣльскаго бороду, якобы за то, что, будучи въ Борисовѣ, онъ на шире расхвастался и промолвилъ: «царь Борисъ—въ Москвѣ царь, а я въ Борисовѣ царь». Этотъ рассказъ о бородѣ правдоподобенъ, ибо сходится съ слухимъ извѣстіемъ нашихъ лѣтописцевъ о

томъ, что Борисъ позорилъ Вѣльскаго и поругался надъ нимъ. Если въ комъ, то въ Вѣльскомъ Борисъ дѣйствительно поразилъ своего врага; но Дмитрія онъ все таки не доискался. Маржереть говоритъ, что вѣсть о Дмитріи сдѣлала перемѣну въ образъ дѣйствія Бориса. И въ русскихъ лѣтописяхъ тиранства Бориса изображаются въ видѣ перемѣны въ его характерѣ. Прежде, когда онъ вступалъ на престоль, то казался «естествомъ свѣтлодушень, правомъ милостивъ, паче же рещи— нищелюбивъ; отъ него же многіе доброкапленные потоки приѣмше, и отъ любодаровитыя его длани въ сытость напитавшея: всѣмъ бо неоскудно даяніе простираше, не точію ближнимъ, но и страннымъ» (*Степ. кн.*); а потомъ: «да никтоже не похвалится чистъ быти отъ сѣти неприятелиственнаго злокозньствія врага, отъ клеветущихъ пѣкїа извѣты нечестиваго совѣта приѣмаше и сего ради въ ярость суетно приходяше». Подобнаго проявленія мрачной подозрительности и варварства въ характерѣ нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что Борисъ, вообще опасавшійся за свою корону и жизнь, въ это время былъ встревоженъ чѣмъ-то важнымъ, искалъ какой-то тайно грозившей ему опасности, и потому прибѣгалъ къ такимъ суровымъ средствамъ. На это, конечно, могутъ возразить, что наши лѣтописцы, описывая тиранства Бориса, не говорятъ, однако, чтобъ поводомъ къ его свирѣпствамъ было опасеніе Дмитрія, и Борисъ, отыскивая тайные замыслы враговъ, не говорилъ, что они хотятъ выдумать противъ него страшнаго въ образѣ углицкаго царевича. Но обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что если до Маржерета въ 1600 году доходилъ слухъ о Дмитріѣ, то уже безъ сомнѣнія онъ доходилъ до Бориса. А что Борисовы преслѣдованія и гоненія не совершались гласно ради Дмитрія, то это въ порядкѣ вещей: Борису имя Дмитрія было до такой степени страшно, что онъ не рѣшался и не долженъ былъ рѣшиться проносить его громко на всю Русь. Это былъ для него только слухъ. Объяснить гласно, что онъ боится Дмитрія, значило бы рисковать вызвать на свѣтъ этотъ призракъ; тѣмъ болѣе, что самъ Бо-

рисъ не могъ быть вполнѣ увѣренъ, что Дмитрій убитъ: онъ самъ не былъ въ Угличѣ; тѣхъ кто убилъ его, не могъ спросить, ибо ихъ на свѣтѣ не было; а на преданность Шуйскаго, производившаго слѣдствіе, онъ никакъ положиться не могъ. Да еслибъ онъ и былъ вполнѣ увѣренъ, что въ Угличѣ дѣйствительно совершилось убійство дитяти, которое считалось царевичемъ, то кто могъ поручиться ему, что проникая его козни, заранѣе не подмѣнили Дмитрія, что не случилось именно то, чѣмъ морочили народъ во время самозванца. Какъ тиранъ подозрительный, но вмѣстѣ осторожный, Борисъ старательно укрывалъ—какого рода измѣны и замыслы онъ ищетъ; онъ только преслѣдовалъ тѣхъ, кого, по своимъ соображеніямъ, считалъ себѣ врагами, чтобъ случайно нанастъ на слѣдъ искомаго. Для этого-то онъ и употреблялъ холоповъ, надѣясь такимъ путемъ знать всю подноготную того, что происходитъ въ подозрительныхъ для него домахъ. Ему не удалось. Многихъ онъ перемучилъ, перессмалъ, переморилъ; а тотъ, кого ему подготовили враги, успѣлъ уйти и надѣлать кутерьмы. Замѣчательно извѣстіе Маржерета, что когда ушло двое, Гришка Отрепьевъ, а другой безымянный, то Борисъ приказалъ поставить заставы по границѣ и не пропускать никого даже съ проѣзжими памятьми. Не ясное ли дѣло, что Борисъ уже зналъ о Дмитріи. Не ради же Гришки Отрепьева были поставлены эти заставы! Ни патріархъ въ своемъ окружномъ посланіи и въ своихъ письмахъ, ни Борисъ въ своей грамотѣ къ польскому королю о выдачѣ вора, не говорили, чтобъ Гришка Отрепьевъ еще прежде заявлялъ намѣреніе назваться царевичемъ; бояре въ своихъ отвѣтахъ польскимъ посламъ тоже этого не говорили. Московское правительство постоянно твердило, что вора научили въ Польшѣ назваться Дмитріемъ. Невозможно, чтобъ ради Гришки Отрепьева или какихъ бы то ни было подобнаго рода бѣглецовъ были поставлены такія крѣпкія заставы; изъ Московскаго государства бѣгало очень много дворянъ и дѣтей боярскихъ въ Литву, и однако не ставили ради ихъ такихъ заставъ, чтобъ не пропускать никого даже съ проѣзжими па-

мятьми; это умѣстно только тогда, когда ожидаютъ побѣга какого-нибудь лица, которое, убѣжавши въ чужую землю, можетъ принести вредъ государству, изъ котораго вышло, и притомъ такого лица, которое убѣжало подъ чужимъ именемъ. Такому важному и опасному для державы Бориса лицомъ и былъ въ то время Дмитрій, о которомъ слухи уже носились, по свидѣтельству современника и очевидца событій. Безъ сомнѣнія, Борисъ слышалъ о Дмитріѣ, — быть можетъ, зналъ навѣрное, что есть уже такое подготовленное лицо и готовится убѣжать въ Польшу; но гдѣ оно, какое имя носить, это было ему неизвѣстно, и потому онъ приказывалъ останавливать встрѣчнаго и поперечнаго. Когда, наконецъ, разнеслась вѣсть о томъ, что Дмитрій открылся, Борисъ, патриархъ и всѣ ихъ клеветы — стали соображать и догадываться, кто бы это былъ изъ бѣжавшихъ; напали на имя Гришки Отрешева, монаха, дѣйствительно бѣжавшаго изъ Чудова монастыря, стали подозревать въ немъ Дмитрія, а когда пришла необходимость увѣрить народъ, что явившійся подъ именемъ Дмитрія вовсе не Дмитрій, и назвать вора другимъ именемъ, то и употребили Гришкино имя. Когда же именно бѣжалъ этотъ Гришка, объ этомъ представляется, какъ мы видѣли, разнорѣчіе. Въ выпискѣ изъ Розрида говорится, что онъ убѣжалъ въ 111 году, а въ челобитной Варлаама по одному списку въ 110-мъ, по другому — въ 111 году; въ патриаршей грамотѣ не говорится, когда именно случилось бѣгство. По смыслу Маржеретова сказанія выходитъ, какъ будто Гришка бѣжалъ изъ Москвы разомъ съ тѣмъ, кто назывался Дмитріемъ, слѣдовательно — въ 1600 году. Для насъ собственно это не важно, а челобитная Варлаама явно невѣрная вещь, уже и потому что Варлаамъ рассказываетъ, что онъ познакомился съ Гришкой на улицѣ передъ своимъ уходомъ изъ Москвы, тогда какъ въ патриаршей грамотѣ этотъ Варлаамъ называется монахомъ Чудова монастыря, слѣдовательно долженъ былъ знать Гришку, какъ жившаго съ нимъ въ одномъ монастырѣ. Если вѣрить Розридной выпискѣ, то Гришка ушелъ въ концѣ 1602 или

въ первой половинѣ 1603 года, и значить не разомъ съ Димитріемъ. Можетъ быть въ спискѣ невѣрность, а можетъ быть и Маржереть здѣсь невольно впалъ въ ошибку: съ одной стороны онъ зналъ, что слухъ о Димитріѣ былъ въ 1600 году и тогда уже ставили заставы по границѣ, а съ другой, что судьбу Гришки соединяли съ судьбою самозванца, и притомъ Гришка пришелъ вмѣстѣ съ самозванцемъ въ Москву; поэтому Маржереть ошибочно могъ отнести ихъ бѣгство изъ Москвы къ одному времени.

На основаніи всѣхъ упомянутыхъ здѣсь обстоятельствъ, мы признаемъ самозванца твореніемъ боярской партіи, враждебной Борису. Борисъ былъ въ этомъ убѣжденъ, и когда ожидаемый давно и не дававшій ему покоя призракъ царевича Димитрія отозвался въ Польшѣ и началъ существовать подъ этимъ именемъ, Борисъ не задумался сказать боярамъ: «вотъ наконецъ что вышло! я вижу, откуда онъ идетъ; вотъ она измена и крамола князей и бояръ; знаю, — это ваше, ваше дѣло: вы хотите погубить меня!» (Bussow, 27). Какія же лица, кромѣ Бѣльскаго, благопріятствовали дѣлу явленія Димитрія? Сказать положительно невозможно; только однихъ Щелкаловыхъ именуешь самъ претендентъ. Дьякъ Василій Щелкаловъ былъ дѣйствительно въ эпоху казней въ опалѣ и удаленъ отъ дѣлъ; при самозванцѣ былъ въ чести, и, какъ его приверженецъ, подвергся опалѣ при Шуйскомъ. По кое какимъ признакамъ можно было бы еще бросить подозрѣніе на родъ Романовыхъ и ихъ свойственниковъ, на которыхъ и указываетъ Маржереть. 1) Романовы пострадали въ то время, когда Борисъ узналъ о Димитріѣ, и безъ сомнѣнія, Борисъ ихъ болѣе всего подозрѣвалъ, ибо на нихъ особенно разъярился; 2) Романовы были въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бѣльскимъ, ибо Филаретъ Никитичъ, сосланный въ Сійскій монастырь, отзывался о немъ, какъ о самомъ способнѣйшемъ и достойнѣйшемъ между боярами; 3) Когда самозванецъ шелъ на Бориса, Филаретъ (какъ доносилъ приставъ, который за нимъ присматривалъ) измѣнилъ свой старый образъ поведенія и оказывалъ радость и надежды.

4) Самозванецъ, вступивши на престоль, облагодѣтельствовалъ въ особенности фамилію Романовыхъ и такъ уважалъ ее, что даже кости умершихъ въ ссылкѣ приказалъ съ честью перевести въ Москву. Но такіе признаки недостаточны. О Филаретѣ Никитичѣ, напримѣръ, мы знаемъ внослѣдствіи болѣе: онъ жилъ въ лагерѣ Тушинскомъ, именовался московскимъ патриархомъ, именемъ его писались патриаршія грамоты, наконецъ польскіе источники выставляютъ его какъ одного изъ главныхъ предателей Московскаго государства въ руки Сигизмунда послѣ бѣгства Тушинскаго вора. Всѣ обстоятельства слишкомъ очевидны противъ этого человѣка, и однако тотъ, кто наиболѣе долженъ былъ бы обвинять его, какъ восхитившаго патриаршіи санъ, патриархъ Гермогенъ не только защищаетъ и оправдываетъ Филарета, но самое пребываніе его въ Тушинскомъ лагерѣ и почести, которыя ему тамъ оказывали, считаетъ за мученичество.

Если Лжедмитрій былъ твореніемъ враждебной Борису партіи, хотѣвшей подорвать его державу и наслѣдіе рода, то былъ ли онъ сознательнымъ, или бессознательнымъ ея орудіемъ? Сознавалъ ли онъ, что онъ плутъ, обманщикъ, или же онъ былъ самъ обольщенъ, обманутъ и вѣрилъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ царевичъ Дмитрій?

Нашъ историкъ Соловьевъ полагаетъ послѣднее. «Чтобъ сознательно принять на себя роль самозванца, сдѣлать изъ своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищемъ разврата, что и доказываютъ намъ характеры самозванцевъ, начиная со втораго.» (Т. VIII. стр. 2). На это можно бы возразить достоуважаемому историкъ, что быть можетъ достаточно быть пустымъ вѣтраннымъ лугономъ, шалуномъ въ родѣ Гоголевскаго Хлестакова. Но такое возраженіе имѣетъ только отчасти смыслъ. Дѣйствительно, чтобъ назваться чужимъ именемъ и поиграть роль знатнаго лица, для этого еще не нужно быть чудовищемъ: такихъ найдется черезчуръ много; но такіе Хлестаковы, по своей природѣ, слишкомъ призрачны и не способны проводить никакого дѣла, а тѣмъ болѣе бороться съ

препятствіями. Они всегда мелкіе, лѣнныя тусы, пошлыя натуры. Не таковъ былъ Лжедмитрій первый. Это былъ человекъ вовсе не дюжинный, напротивъ чрезвычайно способный, пылкій, храбрый и неустрашимый. Непритворный до неосторожности, онъ по своей природѣ менѣе всего былъ способенъ играть долго роль и обманывать. Нѣкоторые поступки и черты его характера удостовѣряютъ въ томъ, что онъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе :

1) Когда послѣ его прихода въ Москву Шуйскій сталъ разсѣвать про него слухи, что онъ самозванецъ, Дмитрій сдѣлалъ поступокъ, невиданный на Руси: онъ отдалъ это дѣло, въ которомъ замѣшался вопросъ о его собственной личности, на судъ всѣхъ сословій Русской земли. Къ сожалѣнію, не знаемъ производства этого дѣла; но во всякомъ случаѣ хитрый обманщикъ, который бы чувствовалъ за собою, что его могутъ обличить, не сдѣлалъ бы этого, когда того не требовали обычаи страны. Дмитрій, какъ мы уже объясняли, давалъ тогда возможность обличать себя. Всѣ шансы были на сторонѣ враговъ его. Еслибъ Шуйскій и его одномысленники имѣли на своей сторонѣ какія-нибудь доказательства, они бы могли одержать верхъ. Стало быть, царь вполнѣ былъ увѣренъ, что у враговъ нѣтъ доказательствъ, а это возможно единственно тогда, когда царь самъ былъ увѣденъ, что онъ именно тотъ, за кого себя выдавалъ. При малѣйшемъ сомнѣніи, онъ бы никакъ не могъ на это рѣшиться.

2) Еще болѣе говорить въ его пользу то, что онъ простилъ Шуйскаго и тѣмъ приготовилъ себѣ гибель. Будучи обманщикомъ, онъ зналъ бы, конечно, что Шуйскій, производившій слѣдствіе надъ тѣломъ убитаго царевича, Шуйскій, издавна близкій къ тайнамъ правительства, наконецъ Шуйскій, по своему родовому происхожденію считавшій себя и считаемый многими за ближайшаго наслѣдника московскаго престола, въ случаѣ прекращенія царствующаго дома, — Шуйскій ему опаснѣе всѣхъ въ Московскомъ государствѣ. Этотъ врагъ, осужденный не имъ, но голосомъ земли, идетъ на смертную казнь! Еслибъ

Димитрій былъ обманщикъ, онъ бы не могъ простить его: это не въ человѣческой натурѣ. Этому мало, — избавивши отъ казни, Димитрій приблизилъ къ себѣ такого опаснаго человѣка, который разъ уже обличалъ его въ самозванствѣ, приблизилъ не по принужденію обстоятельствъ, а по движенію собственнаго великодушія. Можетъ ли обманщикъ довѣряться тому, кто уже разъ обличалъ его обманъ и всегда имѣеть возможность обличить его болѣе чѣмъ кто нибудь? По природѣ человѣческой, ничье присутствіе намъ такъ не противно, какъ того, кто видитъ нашу тайну, которую мы упорно желаемъ скрыть. Самый злѣйшій врагъ всякаго лжеца есть тотъ, кто не вѣритъ его лжи. Каково же должно было самозванцу терпѣть постоянное присутствіе Шуйскаго, показавшаго уже разъ, что его не обманули какъ другихъ! Зачѣмъ же этотъ плутъ на престолѣ добровольно устроилъ себѣ такую нравственную пытку, когда сама судьба избавляла его отъ нея?

3) Самозванецъ - обманщикъ всѣми силами долженъ былъ бы поддерживать свой обманъ, не падать никакихъ средствъ для этого, не останавливаться ни предъ какими жестокостями. Это свойство обмана. Всякая ложь, желающая удержать господство, прибѣгаетъ къ злу. Сознательный обманщикъ на престолѣ принужденъ былъ бы, хотя бы противъ воли, казнить и мучить людей за истину, за невѣріе его обману и за обличеніе этого обмана. Онъ неизбежно вошелъ бы во вкусъ къ жестокостямъ и скоро укоренилась бы въ немъ ненависть во всему правдивому, честному, и сталъ бы онъ отъявленнымъ чудовищемъ. Димитрій продержался почти годъ. Какія жестокости учинилъ онъ? Авраамій Палицынъ и Никоновская дѣлоишь говорятъ о казни дворянина Тургенева. Авраамій прибавляетъ еще къ этому Федора Колачника. Но мы уже замѣтили, что эти казни, бывшія, по свидѣтельству Авраамія, еще до суда на Шуйскимъ, должны были происходить еще до прибытія Димитрія въ Москву, и притомъ самъ Авраамій говоритъ, что москвичи ругались надъ казнимыми и кричали, что осужденіе постигло ихъ по дѣломъ. Не показываетъ

ли это, что казни эти возбуждали сочувствіе народа и были такъ или иначе народнымъ дѣломъ. Стрѣльцовъ, обличившихъ его не въ самозванствѣ, а въ нарушеніи вѣры, онъ не казнилъ, а отдалъ на судъ ихъ же братья, и свои товарищи изрубилъ ихъ (*Собр. юс. пр. II, 297. Нов. Лѣт. Лѣтоп. о млт. 100*). Говорятъ еще о дьякѣ Тимоѳеѣ Осиповѣ, который исповѣдавшись, причастившись, пошелъ обличить разстригу и принялъ мученическую смерть (*Авраам. 29*). Но это событіе произошло въ день смерти Лжедмитрія, какъ указываетъ хронографное описаніе (*Четыре сказанія, 17*). По сопоставленіи съ хроникою Буссова, дьякъ Осиповъ, который по сказанію хронографа «абіе ту изсѣченъ бысть саблими», есть тотъ самый смѣлый «бояринъ», который, по извѣстію Буссова, прежде чѣмъ нахлынула на дворецъ толпа заговорщиковъ, прибѣжалъ къ Лжедмитрію съ требованіемъ выходить давать отвѣтъ народу, и былъ изрубленъ имъ самимъ (*Chron. Buss. 47*). Конечно, никто не станетъ укорять за то Лжедмитрія въ томъ положеніи, въ какомъ онъ тогда находился. Его обвиняютъ въ варварскомъ убійствѣ жены Борисовой и сына его Феодора. Тутъ (надобно замѣтить) дѣло темное. Наши лѣтописцы стараются всѣми силами очернить разстригу и приписываютъ смерть ихъ его повелѣнію. Но, кажется, едва ли не справедливѣе будетъ сказаніе (если пристрастной къ нѣмцамъ, то безпристрастной къ Дмитрію) хроники Буссова (стр. 33), которая повѣствуетъ, что Дмитрій выразился тогда совсѣмъ не въ опредѣленномъ смыслѣ повелѣнія убить Годуновыхъ: «я не могу приѣхать въ столицу, прежде чѣмъ всѣ мои враги до единого не будутъ оттуда удалены; если уже бѣльшую часть ихъ выпроводили, нужно чтобъ и Феодора съ матерью его тоже не оставалось; тогда я приѣду, буду вашимъ милосерднымъ государемъ». Такъ-какъ въ то время Годуновыхъ и ихъ свойственниковъ вывезли изъ Москвы, то Лжедмитрій хотѣлъ только, чтобъ и семью Годунова тоже выслали. Новые его приверженцы подслужились ему, и удавили сына и мать. Важно здѣсь то, что настоящая причина ихъ смерти была скрыта

отъ народа: объявили, будто царица и сынъ ея отравили себя ядомъ; даже морочили людей, будто Феодоръ Борисовичъ предъ смертю писалъ письмо къ Димитрію. Въ такомъ видѣ это событіе перешло въ разныя сказанія иностранцевъ. Но еслибъ Лжедимитрій велѣлъ ихъ умертвить, то для чего было ему приказывать умерщвлять ихъ тайно и распространить слухъ, что они отравили себя ядомъ, — слухъ, которому, конечно, рѣдкій изъ русекихъ могъ повѣрить въ то время? Если Лжедимитрій желалъ ихъ лишити жизни, онъ могъ сдѣлать это явно. Положимъ, еще убить царицу казалось бы для всѣхъ жестоко; но за Феодора никто бы не осудилъ его. Онъ могъ прикрыть убійство личиною правосудія. Вѣдь онъ предлагалъ Феодору мирно уступить престолъ. Феодоръ, напротивъ, принялъ на себя званіе царя, принадлежавшее по праву наслѣдства отыскавшемуся Димитрію, воевалъ противъ него; войско, по его повелѣнію, разоряло Сѣверскую область; приверженцы Димитрія были казнимы. Феодоръ въ глазахъ Димитрія былъ похититель и мятежникъ. Этихъ обстоятельствъ было достаточно въ глазахъ самыхъ некровожадныхъ, чтобъ не считать жестокостью, если Феодору отрубятъ голову на площади. Для чего жъ было дѣлать бесполезное тайное убійство враговъ, когда можно явно раздѣлаться съ этими врагами? Развѣ Шуйскій менѣе былъ ему врагъ, чѣмъ Феодоръ и царица Марія? Развѣ не великодушно поступилъ онъ съ родственниками Годуновыхъ и ихъ приверженцами, облегчивъ ихъ ссылку, а нѣкоторыхъ допустилъ даже къ должностямъ? По всему вѣроятно, если убійцы Феодора и Маріи сочли нужнымъ скрывать убійство и распространять вѣсть, будто Марія и сынъ ея отравили себя ядомъ, то скорѣе всего они желали обмануть этимъ самого царя. И кто былъ исполнителемъ этого дѣла? Василій Васильевичъ Голицынъ, одинъ изъ погубившихъ впоследствии Лжедимитрія въ соумышленіи съ Шуйскимъ, одинъ изъ низложившихъ впоследствии Шуйскаго и отдавшихъ его въ руки иностранныхъ враговъ!

4) Чрезвычайно много говорить въ пользу Лжедимитрія въ

этомъ случаѣ, отношеніе его къ матери настоящаго Дмитрія. Но приѣздъ своемъ въ Москву, кого послать онъ за нею? Михаила Скопина-Шуйскаго, родственника Василя и его братьевъ! Какъ же это, обманщикъ, чувствующій, что онъ не Дмитрій, посылаетъ за матерью настоящаго Дмитрія, которая должна окончательно рѣшить, сынъ ли онъ ея, или нѣтъ, — посылаетъ чловѣка близкаго по крови и по связямъ къ тѣмъ, которыхъ недавно только что осудили за обличенія его въ самозванствѣ! Какъ не вошло къ нему опасеніе, чтобъ такой посоль не настроилъ въ противномъ для него духѣ женщину, предъ которою онъ долженъ играть сына? Какъ рѣшился обманщикъ, безъ предварительныхъ совѣщаній, вызывать эту женщину? Когда она прибыла въ Москву, онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу при многочисленномъ стеченіи народа, бросился ей на шею, какъ къ матери, плакалъ и обнималъ ее, шелъ возлѣ ея кареты; всѣ это видѣли, и никто не сомнѣвался, что онъ сынъ ея. Впослѣдствіи отъ имени Марѣи была обнародована грамота, гдѣ рассказывалось, будто Лжедмитрій говорилъ съ нею наединѣ въ шатрѣ и грозилъ ей смертнымъ убійствомъ. Это выдумано Шуйскими. Современники, описывающіе это событіе, не видѣли никакого шатра. (*Пазрле*, 34. *Bussov*, 37. *Ciampi Notizie* 120. *Inno Petricii* 83. *Никоновск.* 74.) Смертнымъ убійствомъ грозить могла скорѣе она ему, чѣмъ онъ ей. Одного ея слова было достаточно, чтобъ уничтожить его. Стоило Марѣѣ, обратясь къ народу, произнести: это не мой сынъ, это обманщикъ! — ничто бы не спасло его... Послать за Марѣей чловѣка изъ враждебной партіи, встрѣчать ее всенародно, изъявлять знаки сыновней любви, не спрививши напередъ: дозволить ли она играть такую комедію, — могъ только чловѣкъ, вполне убѣжденный въ томъ, что онъ самъ ея сынъ.

б) Самозванецъ-обманщикъ, безъ сомнѣнія, осторожно показывалъ бы себя людямъ и остерегался, чтобъ его не увидѣли и не узнали прежніе знакомые. Дмитрій, напротивъ, велъ себя такъ открыто, какъ ни одинъ изъ царей московскихъ.

Онъ выходилъ пѣшкомъ, въ противность обычаямъ, и принималъ просьбы два раза въ недѣлю самъ лично.

6) Его предпочтеніе иноземныхъ пріемовъ жизни, естественное въ молодомъ москвитянинѣ, который ознакомился съ болѣе цивилизованнымъ бытомъ, его религіозный либерализмъ, допустившій равенство вѣроисповѣданій, его неуваженіе къ старымъ предразсудкамъ, позволявшее ему не ходить въ баню и ѣсть телятину, и все что навлекло на него укору отъ приверженцевъ старины, также показываютъ въ немъ чловека, глубоко сознававшего свое царское происхожденіе, свое право. Если въ чемъ, то именно въ этомъ во всемъ ловкій обманщикъ подчинялся бы окружающей его средѣ.

7) Когда Шуйскій составилъ заговоръ, Поляки провѣдали о существованіи коварныхъ замысловъ; были доносы и отъ Русскихъ, и отъ Нѣмцевъ. Лжедмитрій не хотѣлъ разыскивать, преслѣдовать, и даже приказывалъ наказывать доносчиковъ. Это и помогло заговору созрѣть: тогда-какъ еслибъ онъ, по сдѣланнымъ ему доносамъ, принялъ мѣры, то, по всей вѣроятности, остался бы цѣль. Еслибъ царь зналъ за собой обманъ, никакъ бы не пренебрегалъ этимъ. Объяснить такую невнимательность къ доносамъ можно только увѣренностію въ правотѣ своей.

8) Наконецъ, въ послѣднія минуты, когда его разшибеннаго, окровавленнаго принесли во дворецъ и стали допрашивать и вмѣстѣ съ тѣмъ бить, ругаться, онъ говорилъ: «спросите у матери (Hist. Russ. monum. II, 119. Bussow); выведите меня на Лобное мѣсто и дайте мнѣ говорить». Въ этихъ словахъ видна прежняя увѣренность и надежда, что дѣло его и теперь оправдается, если стануть разбирать его спокойно.

Какъ же въ самомъ дѣлѣ понимать отношеніе къ нему инокини Марѣи? Притворялась ли она?

Сомнѣваемся, и скорѣе готовы принимать вещи, какъ онѣ представляются сами собою. Марѣа признала Лжедмитрія за сына торжественно, въ виду московскаго народа, признавала его въ теченіе десяти мѣсяцевъ. Когда тѣло убитаго царя во-

докли мимо ея монастыря, ее спрашивали: твой ли это сынъ? Она не отвѣчала: не мой, это обманщикъ! Она отвѣчала загадочно: «спрашивать было меня объ этомъ пока онъ былъ живъ; теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой». (Hist. Russ. mon. II, 119). Это изреченіе, вообще двусмысленное, можно объяснять и такъ, что царица хотѣла этимъ выразить прежнее свое признаніе, но не смѣла слишкомъ явно, и такъ, что она сомнѣвалась и сама себѣ не могла дать отчета: точно ли онъ сынъ ея, или нѣтъ.

Послѣ убійства Лжедмитрія, есть извѣстіе, что Марѳа во время перенесенія мощей ея дѣйствительнаго сына всенародно каялась въ томъ, что признавала разстригу своимъ сыномъ, и объявила, что онъ никакъ не былъ сынъ ея, а сынъ ея теперь сопряченъ къ лику святыхъ. Въ обоихъ показаніяхъ Марѳа могла быть искренна. Женщину эту могли увѣрить и въ томъ, и въ другомъ въ различное время. Ей могли сказать (можетъ быть по воцареніи Лжедмитрія, а можетъ быть, — что вѣроятнѣе, и равнѣе), что ея сына подмѣнили въ младенчествѣ. Конечно, съ перваго раза она должна была недоувѣрчиво принять такую вѣсть; но увѣренія людей близкихъ къ дѣлу на нее должны были подѣйствовать. Такова человѣческая слабость, что скоро вѣрится тому, чего желается. Отъ смерти царевича прошло четырнадцать лѣтъ; а отъ того времени, когда царевича могли подмѣнить, до двадцати лѣтъ: событія прошедшія могли ступаться въ памяти этой страдальцы, запуганной, измученной... Вся жизнь ея была цѣпью горестей. Супружество съ Иваномъ Грознымъ было тяжелый крестъ, данный ей въ молодости. Она знала, какъ кончали свою блестящую карьеру ея предшественницы, и должна была безпрестанно опасаться, что царственный супругъ вдругъ почувствуетъ къ ней отвращеніе и зашлетъ куда-нибудь въ монастырь, а то еще подъ худой часъ и утопитъ, какъ Долгорукую. Особенно должно было ей казаться страшно, когда Иванъ Грозный, будучи женатъ на ней, искалъ руки Маріи Гастингсъ и на счетъ своей супруги отзывался, что она не

царской крови и слѣдовательно нечего обращать вниманіе на то, что она существуетъ. По смерти Грознаго, ее постигли: ссылка въ Угличъ, подозрительныя наблюденія Борисовыхъ клеветовъ, насильственная смерть ея ребенка, потомъ насильственное постриженіе, тяжелое заточеніе, гоненіе всего ея рода, безнадежное грустное житье въ одиночествѣ и изгнаніи. По-нятно, что не трудно ошалѣть и отупѣть отъ такой жизни существу робкому, неразвитому, какими были русскія женщины по ихъ воспитанію. Легко было такую страдалицу привести въ то неясное душевное состояніе, когда человекъ ни вѣрить, ни не вѣрить, ему кажется то такъ, то иначе; не достаетъ ума рѣшить въ ту или другую сторону, не достаетъ воли самому опредѣлить свои поступки, и подчиняется онъ умомъ и волею тому, кто имѣетъ надъ нимъ въ данную минуту силу. Марфа могла быть именно въ такомъ неясномъ, неопредѣленномъ душевномъ состояніи: ей говорили, что сынъ ея подмѣненъ и живъ; ея сердцу было пріятно еслибы такъ было, и она поддавалась этому обаянію, и мѣшалась въ ней вѣра съ сомнѣніемъ. Когда этотъ сомнительный сынъ встрѣтилъ ее съ признаками неподдѣльной, искренней сыновней любви, когда она увидѣла кругомъ себя безчисленную толпу, которая признаетъ его сыномъ ея, когда притомъ вмѣсто прівычной грустной келии она увидѣла себя въ блескѣ царскаго величія, и на старости лѣтъ отдыхала она отъ долгаго горя, а названный сынъ угождалъ ей, оказывалъ къ ней любовь, уваженіе, каждый день ходилъ къ ней, предъ начатиемъ всякаго важнаго дѣла испрашивалъ ея благословенія; тутъ сомнѣнія стали умолкать въ душѣ ея: неловко и оскорбительно было высказать ихъ ему, когда она сама не считала пожительно невозможнымъ, что это сынъ ея; и она свыклась съ вѣрою, что это ея сынъ. Пораженная его внезапнымъ убійствомъ, она произнесла надъ нимъ сомнительный приговоръ: она тутъ гласно сказала то, что у ней было въ душѣ, то есть, ни то, ни сѣ. Тогда принялись за нее и стали объяснять, что все это былъ обманъ, призракъ, сынъ ея не воскресалъ для

нея; она какъ была, такъ и остается сиротствующей матерью. За то указали ей того сына, котораго она видѣла истекающимъ кровію, ей указали этого сына въ нетлѣнномъ величїи святости. Материнское чувство утѣшилось, слилось съ чувствомъ благочестїя, возгордилось славою сына — большею чѣмъ слава царская; прежнія угасшія въ царственномъ величїи сомнѣнія ожили и сдѣлались въ свою очередь вѣрою. И Марѳа, обрадовавшись чести быть матерью святого, повторила всенародно слышанное отъ Шуйскаго, что царствовавшій подъ именемъ Дмитрія былъ разстрига Гришка Отрепьевъ, чернокнижникъ, обольстившій и ее вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ людомъ; а стыдъ своего обмана стала извинять угрозами смертнымъ убійствомъ.

Намъ могутъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: Если Лжедмитрій могъ быть человѣкъ увѣренный въ томъ, что онъ истинный царевичъ, и если обольщеніе было такъ хитро ведено, что не было возможности открыть обмана, (ибо народу представили дѣло такъ, что онъ подмѣненъ еще задолго до убійства въ Угличѣ), то, скорѣе, не настоящій ли онъ царевичъ, и не легче ли въ самомъ дѣлѣ было его спасти, чѣмъ сотворить? — Дѣйствительно, мы не считаемъ положительно невозможнымъ и страннымъ, чтобъ малолѣтняго царевича спасли и подмѣнили. Вскорѣ послѣ воцаренія Θεодора Борисъ захватилъ власть и сдѣлался несносенъ для многихъ. Въ 1586 году уже обозначались его стремленія. Тогда онъ низложилъ и, какъ думаютъ, удавилъ Шуйскихъ, заточилъ князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Быкасовыхъ и другихъ; лилась кровь на плахахъ; Діонисія митрополита и Варлаама Крутицкаго архіерея сослали; вмѣсто Діонисія на митрополитїи престолъ возвели Іова, преданнаго Борису. Все это сдѣлалось за то, что хотѣли слабоумнаго Θεодора понудить развестись съ сестрою Бориса подъ предлогомъ безплодія, — иначе, этимъ хотѣли лишить Бориса его возникавшаго могущества. Въ это время уже могли догадываться, что Борисъ рано или поздно станетъ мѣтить на престолъ и постарается избавиться отъ важнѣйшаго соперника. Можно было уже соображать, что Борисъ покусится на

жизнь Дмитрія, для спасенія себя и своего рода. Борисъ такъ высоко сталъ, что средины для него не было: если Теодоръ умретъ бездѣтнымъ и ему не удастся быть царемъ, то его ожидала гибель: другая власть не забыла бы той власти, до которой достигалъ онъ. Но по смерти Теодора долженъ быть царемъ Дмитрій. Борису либо Дмитрія нужно было свести со свѣта, либо самому дожидаться отъ Дмитрія гибели. Ни Дмитрій, ни партія Нагихъ не простили бы ему своего изгнанія. И Борисъ долженъ былъ рѣшиться на тайное убійство, для огражденія себя и своего рода отъ бѣды. Размытывая такимъ образомъ, легко могла въ то время хитрому Богдану Вѣльскому придти мысль удалить заранѣе Дмитрія и спасти этого малютку, котораго отецъ ему поручилъ на попеченіе. Живучи въ ссылкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, онъ конечно имѣлъ такъ много связей на Руси, что могъ черезъ своихъ соумышленниковъ и агентовъ увести Дмитрія изъ Углича, подложить на мѣсто его другого похожаго на него младенца, а настоящаго царевича отдать на воспитаніе въ чужія руки, съ надеждою объявить ему тайну когда нужно будетъ. Хотя представляется съ перваго раза, что въ такомъ случаѣ могли царевича увести маленькимъ въ Польшу, куда пришлось сprovадить его взрослымъ, но можно допустить, что покровители его боялись, чтобъ Сигизмундъ его не выдалъ за выгоды отъ Московскаго правительства. Могли также бояться, чтобъ впоследствии Дмитрій не поддастся притворно-дружелюбнымъ приглашеніямъ отъ имени слабоумнаго брата и добровольно не возвратился въ Московское государство, какъ случилось съ Марьею Владимировною и ея дочерью, и потому нашли удобнѣйшимъ спасти его укрывъ въ неизвѣстности, отдавши на воспитаніе темному человѣку. Подмѣненнаго убили. Настоящій росъ сыномъ незначительнаго человѣка, пока наконецъ вступилъ въ юношескій возрастъ, и тогда объявили ему кто онъ. У Бориса было много шпионовъ, и они провѣдали тайну, но не узнали гдѣ царевичъ. Борисъ, чужа противъ себя замисель, сталъ какъ звѣрь терзать всѣхъ ко-

го подозривалъ, но не нашель Дмитрія. Его однако по-
этому нельзя было держать въ Московщинѣ, и его спровадили
въ Польшу. «Понятно, что для избѣжанія Борисовыхъ шпио-
новъ всего умѣстнѣе было выпроводить Дмитрія изъ предѣ-
ловъ Московскаго государства въ монашескомъ платьѣ, подѣ
чужимъ именемъ: чѣмъ незначительнѣе и бѣднѣе челоуѣкомъ
онъ казался, тѣмъ былъ безопаснѣе.» Дмитрій ничего не
могъ сказать о себѣ положительно, кромѣ того, что слышалъ,
именно — что его спасли бояре, но кто именно, какъ — никто
ему не говорилъ этого изъ опасенія какъ бы не довести ихъ
до бѣды. Только о дьякахъ Щелкаловыхъ онъ узналъ какъ-то.

Все это, по нашему мнѣнію, возможно: легче было спасти,
чѣмъ поддѣлать Дмитрія. Но принять это положительно намъ
воспрепятствуютъ слѣдующія обстоятельства:

1) Еслибъ такъ было, то по воцареніи Дмитрія были бы
объяснены народу подробности его спасенія, а участвовавшіе
въ спасеніи получили бы огромныя награды и благодарность
предъ лицомъ всей земли русской.

2) Еслибъ то былъ настоящій царевичъ, то, прибывши въ
Польшу, онъ представилъ бы тамъ болѣе очевидныхъ доказа-
тельствъ своего царственнаго происхожденія; а то онъ до то-
го слабъ, что имъ никто въ самомъ дѣлѣ не вѣрилъ, кромѣ
развѣ самыхъ легковѣрныхъ. Люди честные совѣтывали коро-
лю не только не принимать его подѣ покровительство, но не до-
пускать чтобъ онъ набиралъ себѣ въ королевствѣ толпу для
вторженія въ Московскіе предѣлы. Другіе совѣтовали даже
арестовать бродягу. Мнишки увлеклись собственнымъ честолю-
біемъ: они были неразборчивы въ средствахъ; это доказываетъ
ихъ участіе въ дѣлѣ второго самозванца. Адамъ Вишневецкій,
«бразникъ и безумецъ», какъ называетъ его современное пока-
заніе, признавшій его прежде всѣхъ царевичемъ, тоже заре-
комендовалъ себя также плохо впоследствии, когда вступилъ
въ шайку того же второго Лжедмитрія и, зная лучше дру-
гихъ въ лицо перваго, безстыдно притворялся, будто находитъ
одно и тоже лицо. Тоже можно сказать и о большей части

поляковъ, служившихъ у перваго самозванца и перешедшихъ ко второму. Претендентъ не нашель себѣ поддержки собственно въ Польшѣ, а нашель ее въ Украинѣ, гдѣ въ то время были готовы элементы для всякаго набѣга, для дѣла смуты и потрясенія государственнаго порядка. Его ратная сила, составленная изъ козаковъ и Украинской шляхты, мало чѣмъ отличавшейся отъ козаковъ по склонности къ буйству и шатанію, была такого же рода, какъ и сила втораго Димитрія: это были толпы, готовые пристать ко всякому бродягѣ, общающему подъ своимъ знаменемъ поживу. Признали его московскіе изгнанники, поселенные въ Польскомъ королевствѣ; но имъ выгодно было признать всякаго такого претендента; ибо въ случаѣ успѣха они могли надѣяться воротиться съ честью въ отечество и найти тамъ хорошее положеніе, а въ противномъ случаѣ—ничѣмъ не рисковали. Наконецъ ласкали его въ Польшѣ католическіе духовные, особенно іезуиты, по обычному стремленію пользоваться всякими—и честными и безчестными—средствами для приведенія къ папской власти страны, не входившей въ систему католическаго міра. Нельзя предположить, чтобъ дѣйствительный царевичъ явился въ чужую землю съ такими слабыми свидѣтельствами своего званія и могъ опираться только на такія стихіи, которыя бы равнымъ образомъ послужили всякому самозванцу-обманщику.

Эти соображенія побуждаютъ насъ признать, что царствовавшій у насъ въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія былъ не настоящій Димитрій, но лицо обольщенное и подготовленное боярами, партією враждебною Борису. Люди этой партіи построили пылаго, увлекающагося юношу въ убѣжденіи, что онъ царевичъ Димитрій, спасенный въ младенчествѣ по наказу его родителя царя Ивана, и выпроводили его изъ Московскаго государства. Это сдѣлано было на русское авось. Они, конечно, не желали замѣнить Борисовъ родъ навсегда этимъ поддѣльнымъ Димитріемъ; но имъ достаточно было поставить Годуновымъ страшное знамя, подъ которое можно было соединить противъ нихъ народную громаду и испровергнуть родъ Году-

новыхъ съ престола; а потомъ можно было обличить самозванца, выставить его обманщикомъ, сознаться въ своемъ заблужденіи, и уничтожить его. Но дѣло будетъ совершено. Бориса и рода его не будетъ на престолѣ. А это главное. Родовитость русская слишкомъ оскорблялась тѣмъ, что на престолѣ взошла фамилія незнатная, даже не чисто русской, а татарской крови. Это было черезъ чуръ унижительно и для національной чести. Таковы могли быть побужденія и расчеты у тѣхъ, которые выпустили на свѣтъ самозванца.

На это могутъ возразить, что еслибъ такъ было, то бояре тотчасъ бы приняли сторону Димитрія какъ только онъ явился, тогда какъ мы видѣли, что они служили Годуновымъ, помогали имъ въ борьбѣ съ самозванцемъ девять мѣсяцевъ, и уже послѣ смерти Бориса перешли на сторону Димитрія. Это объясняется слѣдующимъ: 1) Главные виновники явленія самозванца были или истреблены Борисомъ и находились или въ могилѣ, или въ изгнаніи; 2) Другіе, если и терпѣли Бориса и готовы были пристать къ Димитрію, не смѣли на это отважиться, потому что не ручались, что за собой потянутъ народную громаду, и выжидали времени, пока имя Димитрія охватитъ народное воображеніе своею обаятельною силою. Наконецъ, 3) Борисъ, пока былъ живъ, удерживалъ повиновеніе къ себѣ тою нравственною силою, какую имѣетъ надъ окружающею средою человѣкъ съ сильною волею. Его не стало — и родъ его слетѣлъ съ престола. Сила обстоятельствъ совершила то, чего хотѣли. Димитрій уничтожилъ Годуновыхъ, и самъ исчезъ какъ призракъ, открывъ за собою страшную пропасть, чуть было не поглотившую Московскаго государства.

На основаніи всего здѣсь изложеннаго мы принимаемъ слѣдующіе выводы.

1) Мнѣніе, что первый назвавшій себя Димитріемъ и Гришка Отрепьевъ есть одно и то же лицо, не подтверждается ни несомнѣнными современными свидѣтельствами, ни ходомъ обстоятельствъ того времени.

2) Появленіе Димитрія относится къ 7109 году, то есть къ 1600 — 1601 годамъ.

3) Эпоха казней, пытокъ и ссылокъ въ царствованіе Бориса Годунова состоитъ въ связи съ этимъ явленіемъ.

4) Димитрій былъ орудіе враждебной Борису партіи, хотѣвшей низвергнуть родъ его, а Богданъ Бѣльскій былъ однимъ изъ главныхъ лицъ этой партіи.

5) Димитрій не былъ обманщикъ, но вѣрилъ въ свое мнимое царственное происхожденіе.

6) Признаніе его сыномъ со стороны матери настоящаго царевича Димитрія было искренно и легко объясняется душевнымъ состояніемъ этой женщины.

7) Обстоятельства, сопровождавшія явленіе Лжедимитрія, лишаютъ силы предположеніе, что онъ былъ истинный царевичъ.

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

П. А. ГАЙДЕБУРОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., по 3 л. д. Ерма,

посылаетъ иногороднымъ покупателямъ всѣ русскія книги (исключая казенныхъ изданій) по петербургскимъ цѣнамъ, принимая пересылку на свой счетъ. Находятся въ продажѣ, между прочимъ, слѣдующія книги:

Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ, публицич. лекціи К. Фогта, изд. П. А. Гайдебурова. Т. 1-3. Спб. 1864. Ц. 1 р. 50 к. с.

Начала міра, сочин. Жуковскаго. Спб. 1862. Ц. 1 р. 25 к. с.

Жизнь, продолженіе «Начала міра», соч. Жуковскаго. Спб. 1864. Ц. 1 р. 25 к. с.

Исторія русскаго дѣла, описаніе жизни человѣка и животныхъ, соч. Мюльера. М. 1864. Ц. 1 р. 25 к. с.

Лекціи по русской исторіи, П. П. Восточнова. Составл. по запискамъ слушателей и изданъ П. Гайдебуровъ. П. 1-й. Спб. 1862. Ц. 50 к. с.

Сборникъ историческихъ очерковъ, В. Пизца, пособие для учащихся и преподавателей. Два тома. М. 1864. Ц. 2 р. с.

Взгляды на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи, Р. Эрберга. Съ иллюстраціями. Спб. 1864. Ц. 2 р. с.

Сельско-хозяйственное счетоводство, Н. Пестравакина. Удостоено званія Кавалера Мил. Гим. Им. первой конкурсной преміи. Спб. 1864. Ц. 2 р. с.

Вирья, биржевое вѣдѣніе и биржевыя операціи, А. Давидова. Спб. 1863. Ц. 2 р. с.

Воздушныя путешествія черезъ Африку. Сост. по путешествію А. де Ферссена, Э. Верна. М. 1863. Ц. 1 р. с.

Опытъ сравнительнаго обзорѣна арестантскихъ размѣствованій на россійской землѣ Германской и Савойской, П. Вильманн. Спб. 1864. Ц. 1 р. с.

Обзоръ Англійской литературы XIX столѣтія, Эліана Шенгута. Спб. 1864. Ц. 75 к. с.

Разсказы Гюгера: Галльскіе чиновники и Култорбергеръ. Спб. 1864. Ц. 75 к. с.

Три разсказа М. Степанцова: 1) Исторія одного удольничества, 2) Елзбюлинскіе, 3) Въ горахъ. Спб. 1863. Ц. 10 к. с.

Практическая Грамматика Англійскаго языка Вурма. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к. с.

Буря, вышедш. Лагебры, сочинен. Мюльманна. Спб. 1862. Ц. 75 к. с.

Печатается въ книжн. магазинѣ П. А. Гайдебурова:

К. Фогтъ, Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ, Т. 2-3 (въ изданіи)

В. Пизца, Дѣла римскія и животныя.

1p

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

БЫЛЪ ЛИ

ЛЖЕДИМИТРІЙ І-Й

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ?

ВОЗРАЖЕНІЕ

Г. КОСТОМАРОВУ

НА СОЧИНЕНІЕ ЕГО:

КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. А. РОГАЛЬСКАГО И КЪ.

—
1865.

2 4125 02

www.libtool.com.cn

Дозволено ценсурою. С.-Петербургъ, 28 ноября 1864 года.

Карамзинъ, оканчивая исторію Лжедмитрія I, говоритъ: Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедмитрія, живаго, мертваго и все еще утвердительно признавали діакономъ Григоріемъ; ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени. (Исторія Государства Россійскаго. Томъ XI. С. - Петербургъ. Въ типографіи Н. Греча, 1824. Страница 321).

Не смотря на то, нашъ извѣстный историческій писатель г. Костомаровъ возбудилъ сомнѣніе о Самозванцѣ.

Онъ самъ на первой страницѣ своего сочиненія говоритъ, что другой историкъ смутнаго времени, Бутурлинъ, выразился такъ: первымъ Лжедмитріемъ въ Россіи былъ Отрепьевъ и противорѣчить еще сему свойственно быlobы только тѣмъ, кои, увлекаясь суетнымъ мудрованіемъ, тщатся опровергать всѣ историческія истины единственно, чтобы мыслить иначе; чѣмъ мыслили ихъ предшественники.

Въ 1858 году, издалъ свой осьмой томъ о Лжедмитріи С. Соловьевъ. Онъ пополнилъ его свѣдѣніями о Лжедмитріѣ I которыя отыскались послѣ Карамзина и Бутурлина.

Соловьевъ, какъ видно изъ разсказа его о Лжедмитріѣ, признаетъ его Гришкою Отрепьевымъ. На страницѣ 84-й онъ говоритъ: «Но принимая это мнѣніе (подстановку самозванца въ Польшѣ), надобно непремѣнно принять, что самозванецъ былъ человекъ воспитанный, подставленный въ польскихъ владѣніяхъ, а не Григорій Отрепьевъ, какъ согласно утверждаютъ всѣ русскія свидѣтельства, отвергнуть которыя чрезвычайно трудно»; а на страницѣ 86-й: «русскія свидѣтельства о походахъ Григорія Отрепьева, какъ мы видѣли, отвергнуть нѣтъ возможности».

Послѣ Соловьева явились нѣкоторыя данныя о Лжедмитріѣ: между ними три записки временъ Лжедмитрія, изданныя графомъ Ростовчинымъ и нѣкоторыя свѣдѣнія, помѣщенныя во Временникѣ Импера-

торскаго Московскаго Общества Исторіи и древностей россійскихъ. Самое любопытное изданіе было: «Иное сказаніе о Самозванцахъ,» помещенное во Временникѣ секретаремъ Общества Н. Бѣляевымъ; по и это сказаніе было извѣстно Карамзину по хронографамъ.

Карамзина исторія до сихъ поръ есть одна изъ самыхъ добросовѣстныхъ: онъ не хотѣлъ, какъ онъ говоритъ въ исторіи своей о Лжедмитріѣ I, доставлять пищу умамъ, наклоннымъ къ историческому вольнодумству. Кромѣ того, исторія Карамзина чрезвычайно какъ полна; онъ слѣдовалъ правдѣ, которое высказалъ въ предисловіи въ своей исторіи: не бѣдные а богатые избирають. Вотъ почему мы въ указаніяхъ нашихъ на сочиненіе г. Костомарова, преимущественно будемъ слѣдовать Карамзину.

Исторія самозванца, бывшаго діакона, удивительна! Однако, изъ каковаго сословія въ то время вы бы искали человѣка, умнаго, который могъ бы воспользоваться чужимъ именемъ царевича: просвѣщеніе тогда преимущественно было въ рукахъ духовенства. Извѣстно, что самозванецъ припалъ католическую вѣру, къ которой не показывалъ большой привязанности, отвергъ свою и приучился къ шаткости во мнѣніяхъ. Но онъ умѣлъ все скрывать, слѣдственно понималъ искусство лицемерія, которое онъ такъ хорошо выказывалъ съ матерью царевича Димитрія.

Мы не думаемъ, чтобы Лжедмитрій внутренно былъ убѣжденъ, что онъ былъ истинный царевичъ; хотя другіе могли его убѣждать въ томъ. Развѣ онъ не зналъ свою жизнь и отношенія свои къ родственникамъ, и какъ умный человѣкъ не могъ не видѣть обмана. Сколько обличеній могли навести его на эту мысль и какихъ сильныхъ обличеній! Въ самомъ началѣ своего поприща, онъ, какъ говоритъ Карамзинъ (страница 125-я. Тоже и въ русской лѣтописи по Никонову списку. Часть осьмая, страница 56-я, изд. Акад. Наукъ 1792 г.): «не скромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда чудовскимъ монахамъ: знаете ли, что я буду царемъ на Москвѣ: одни смѣялись, другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю деревскому». Мы считаемъ лицедействіемъ рѣчь его передъ битвою 1604 г. 21 декабря. Вотъ, по Карамзину, слова его: «Всевышній! ты зришь глубину моего сердца. Если обнажаю мечъ не праведно и незаконно, то сокруши меня небеснымъ громомъ. Когда же я правъ и чистъ душою, дай силу неодолимую ружью моей въ битвѣ! а ты, Мать Божія, буди покровомъ нашего воинства.»

Отважность самозванца доходила иногда до безразсудства, онъ былъ легкомысленъ и наглъ. Прибавьте къ тому любовь къ нему народа, особенно простаго, низость нравовъ тогдашняго времени, даже у бояръ и сердечную доброту, которую нельзя отнять отъ самозванца, и вы въ исторіи его объясните многое; объясните и то, что г. Костомаровъ говоритъ (страница 50-я): «непритворный до неосторожности, онъ по своей природѣ менѣе всего былъ способенъ играть долго роль и обманывать». Вы опровергнете и слѣдующія слова Соловьева: «чтобъ сознательно принять на себя роль самозванца, сдѣлать изъ своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищемъ разврата, что и доказываютъ намъ характеры (самозванцевъ) начиная со втораго».

Эти слова опровергаются еще и поведеніемъ «Джедимитрія съ царевпой Ксеніей: быть причиною смерти ея отца, матери и брата, и взять ее къ себѣ въ наложницы, это не только что низко, но омерзительно.

Хотя г. Костомаровъ (страница 52-я) говоритъ: «едвали не справедливѣе будетъ сказаніе (если пристрастной къ пѣмцамъ, то безпристрастной къ Димитрію) хроника Буссова (страница 33-я), которая повѣствуетъ, что Димитрій выразился тогда совсѣмъ не въ определенномъ смыслѣ повелѣнія убить Годуновыхъ: я не могу пріѣхать въ столицу, прежде чѣмъ всѣ мои враги до одинаго не будутъ оттуда удалены, если уже большую часть ихъ выпроводили, нужно чтобъ и Феодора съ матерью его тоже не оставалось: тогда я пріѣду, буду вашимъ милосерднымъ государемъ». Но мы, заглянувъ въ лѣтопись Буссова или Бера, нашли, что самозванецъ ясно приказалъ убить Феодора и мать его. Вотъ слова этой лѣтописи: «Димитрій отвѣчалъ изъ Серпухова, что онъ вступить въ Москву только тогда, когда враги его будутъ истреблены до послѣдняго, и что если Москвитяне хотятъ быть у него въ милости, юный Феодоръ и мать его должны быть преданы смерти» (Сказаніе современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ Устрялова, изд. третье. Часть 1-я, страница 46-я).

Не выписываемъ здѣсь цѣлкомъ страницъ 52-й и 53-й. Пусть читатель заглянетъ въ нихъ, и онъ увидитъ слабость доказательствъ г. Костомарова.

Обстоятельства благопріятствовали самозванцу: не умри Годуновъ во время войны, дѣла, можетъ быть, приняли бы другой оборотъ. Не будь въ то время іезуитовъ и короля Сигизмунда, который имъ былъ

преданъ, самозванецъ не вступилъ бы съ польскимъ войскомъ въ
www.litrossiya.com.cn

Общій смыслъ книжки г. Костомарова видѣнъ изъ выводовъ ея, онъ говоритъ: 1) Мнѣніе, что первый, назвавшій себя Димитріемъ, и Гришка Отрепьевъ есть одно и тоже лицо, не подтверждается ни несомнѣнными современными свидѣтельствами, ни ходомъ обстоятельство того времени. Это главный вопросъ и на него мы обратимъ вниманіе. 2) Появленіе Димитрія относится къ 7109 году, то есть къ 1600—1601 годамъ. Это мнѣніе высказано Маржеретомъ и принято всѣми и даже, какъ вы думаете, въ трагедіи Лжедимитрій I, въ 10 былинахъ, вѣрной драматической хроникѣ. Оно и то, что въ 1600 году Годуновъ принималъ посла Сапѣгу, и что въ это время Сапѣга, въ Москвѣ, могъ войти въ сношенія о подстановкѣ самозванца, служить завязкою этой драмы. Такого же мнѣнія и Соловьевъ. 3) Эпоха казней, пытокъ и ссылокъ въ царствованіе Бориса Годунова состоитъ въ связи съ этимъ явленіемъ. И въ этомъ никто не сомнѣвается. Маржеретъ говоритъ: «наконецъ съ 1600 года, когда разнеслась молва о Димитріѣ Иоанновичѣ, Борисъ занимался ежедневно только истязаніями и пытками». (Сказаніе современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ. Часть 1-я, страница 292-я). 4) Димитрій былъ орудіе враждебной Борису партіи, хотѣвшей низвергнуть родъ его, а Богданъ Бѣльскій былъ однимъ изъ главныхъ лицъ этой партіи. Замѣчательно мнѣніе о Богданѣ Бѣльскомъ, которое, впрочемъ, отвергаетъ самъ г. Костомаровъ (страница 60-я). О томъ, что Димитрій былъ орудіемъ враждебной Борису партіи говоритъ Буссовъ. Карамзинъ упоминаетъ объ этомъ (страница 43-я), только тамъ же онъ говоритъ, что бояре ничего не знали о Лжедимитріѣ. Это есть главная ошибка Карамзина во всей его исторіи о Лжедимитріѣ. 5) Димитрій не былъ обманщикъ, но вѣрилъ въ свое мнимое царственное происхожденіе. Мнѣніе это мы опровергали выше. Этотъ вопросъ развивалъ Соловьевъ въ своей исторіи. Любопытно, что Шиллеръ на такомъ же предположеніи основалъ свою трагедію «Лжедимитрій». Довольно странны слова г. Костомарова по этому предмету. На страницѣ 55-й онъ говоритъ: его (самозванца) предпочтеніе иноземныхъ приемовъ жизни, естественное въ молодомъ Москвитинѣ, который ознакомился съ болѣе цивилизованнымъ бытомъ, его религіозный либерализмъ, допустившій равенство вѣроисповѣданій, его неуваженіе къ старымъ предрассудкамъ, позволявшее ему не ходить въ баню и

ѣсть телятину, и все что навлекло на него укору отъ приверженцевъ старины, также показываютъ въ немъ человѣка, глубоко сознаваща свое царское происхожденіе, свое право. 6) Признаніе его сыномъ со стороны матери настоящаго царевича Димитрія было искренно и легко объясняется душевнымъ состояніемъ этой женщины. Сомнительно, чтобы признаніе его не своею матерью было искренно. Развѣ въ томъ смыслѣ, что она желала этого. Послѣдній 7-й выводъ говоритъ, что обстоятельства, сопровождавшія явленія Лжедимитрія, лишаютъ силы предположеніе, что онъ былъ истинный царевичъ. Въ этомъ также нѣтъ никакого сомнѣнія. (Г. Костомаровъ, страницы 58, 59, 60, 61 и 62-я). Мы прибавимъ еще, что къ нравственнымъ доказательствамъ, что Лжедимитрій былъ самозванецъ, можно бы присоединить и физическія: самозванецъ былъ рыжий и имѣлъ лицо блѣлое, между тѣмъ какъ Шуйскій (въ грамотѣ своей въ Пермь великую изъ Москвы 1606 года, іюня, помѣщенной въ исторіи смутнаго времени Бутурлина, страница 9-я) говоритъ: что у царевича князя Дмитрея Ивановича: власы цѣлы, чермны. Другіе тоже подтверждаютъ. Карамзинъ (страницы 316 и 317-я) говоритъ: «1) Голландскій Аптекарь Арендъ Клаузендъ бывъ 40 лѣтъ въ Россіи, служивъ Іоанну, Теодору, Годунову, Самозванцу, и лично знавъ, ежедневно выдавъ Димитрія во младенчествѣ, сказывалъ мнѣ (пасторъ Беръ) утвердительно, что мнимый царь Димитрій есть совсѣмъ другой человѣкъ, и не походитъ на истиннаго, имѣвшаго смуглое лицо и всѣ черты матери, съ которою самозванецъ ни мало не сходствовалъ. 2) Въ томъ же увѣряла меня Ливонская плѣнница, дворянка Тизенгаузенъ, освобожденная въ 1611 году, бывъ повивальною бабкою царицы Маріи, служивъ ей днемъ и ночью, не только въ Москвѣ, но и въ Угличѣ—непрестанно выдавъ Димитрія живаго, видѣвъ и мертваго.»

Переходимъ къ подробностямъ книжки г. Костомарова. Начнемъ съ отношенія самозванца къ царицѣ матери. Вотъ какъ г. Костомаровъ говоритъ объ этомъ: «По пріѣздѣ своемъ въ Москву, кого послалъ онъ за нею? Михаила Свопина Шуйскаго, родственника Василя и его братьевъ. Какъ же это обманщикъ, чувствующій, что онъ не Димитрій, посылаетъ за матерью настоящаго Димитрія, которая должна окончательно рѣшить, сынъ ли онъ ея, или нѣтъ, — посылаетъ человѣка близкаго по крови и по связямъ къ тѣмъ, которыхъ только что осудили за обличенія его въ самозванствѣ! Какъ не вошло въ нему опасеніе, чтобы таковой посолъ не настроилъ въ против-

номъ для него духъ женщину, предъ которою онъ долженъ играть сына?» Будемъ отвѣчать, что, не разбирая родственныхъ отношеній Шуйскихъ, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій могъ быть отправленъ къ царицѣ Марфѣ прежде осужденія Василя Ивановича Шуйскаго. Да и Карамзинъ въ примѣчаніи 406-мъ положительно говоритъ объ осужденіи Василя Ивановича Шуйскаго: «не іюня 25, какъ означено въ хронографахъ, и не 10 іюля, какъ въ Исторіи Де-Ту: ибо ковь Шуйскаго открылся уже послѣ самозванцева коронованія: см. Маржерета 127». А коронованіе, мы скажемъ, совершилось уже по приѣздѣ царицы Марфы въ Москву. Соловьевъ, на страницѣ 117-й говоритъ: «источники разногласятъ въ названіи лицъ, которыя убѣдили Лжедмитрія помиловать Шуйскаго: одни называютъ бояръ, другіе поляковъ, и именно секретаря царскаго, Бучинскаго, нѣкоторые Афанасія Власьева; извѣстія, что убѣдила царица Марфа, мы принять не можемъ, ибо ея не было тогда въ Москвѣ». Мы бы хотѣли знать на чемъ основывается Соловьевъ, не ввело ли его въ заблужденіе «Иное сказаніе о самозванцахъ,» гдѣ на страницѣ 30-й сказано: «въ понедѣльникъ же іюля 25 день повелѣъ святаго великаго боярина посредѣ града смерти предати, мечемъ главу ему отсѣкнуть предъ всѣмъ множествомъ народа», и гдѣ увѣряютъ, что Шуйскій былъ схваченъ въ третій день по приходѣ самозванца въ Москву, 23 іюня. Но въ этомъ же «Иномъ сказаніи о самозванцахъ,» на страницѣ 33-й, день убіенія Лжедмитрія I вмѣсто 17-го мая показанъ 18. Далѣе г. Костомаровъ продолжаетъ: «какъ рѣшился обманщикъ, безъ предварительныхъ совѣщаній, вызвать эту женщину.» Вотъ что Карамзинъ говоритъ объ этомъ (страница 220-я): «уже самозванецъ около мѣсяца властвовалъ въ Москвѣ, а народъ еще не видалъ царицы инокини, хотя она жила только въ пяти стахъ верстахъ оттуда: ибо Лжедмитрій не могъ быть увѣренъ въ ея согласіи на обманъ, столь противный святому званію инокини и материнскому сердцу. Тайныя сношенія требовали времени: съ одной стороны представили ей жизнь царскую, а съ другой муки и смерть; въ случаѣ упрямства, страшнаго для обманщика, могли задушить несчастную—сказать, что она умерла отъ болѣзни или радости, и великолѣпными похоронами мнимой государевой матери успокоить народъ легковѣрный. Вдовствующая супруга Иоаннова, еще не старая лѣтами, помнила удовольствія свѣта, двора и пышности, 13 лѣтъ плакала въ униженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ—и не усомнилась въ выборѣ». А вотъ и 380-е

примѣчаніе изъ его исторіи, въ грамотѣ царицы Марфы къ воеводамъ (въ собраніи Г. грамотъ, II, 307): «онъ (самозванецъ), вѣдая свое воровство, по насъ Вел. Государыню, не послалъ многое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи на крѣпко, чтобъ къ намъ никто не приходилъ.... А какъ велѣлъ насъ въ Москвѣ привезти, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, и иныхъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеніемъ, чтобъ мнѣ его не обличати, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ», и проч. Потомъ г. Костомаровъ продолжаетъ: «когда она (царица Марфа) прибыла въ Москву, онъ (Лжедмитрій) выѣхалъ къ ней на встрѣчу; при многочисленномъ стеченіи народа, бросился ей на шею, какъ къ матери, плакалъ и обнималъ ее, шель возлѣ ея кареты, всѣ это видѣли, и никто не сомнѣвался, что онъ сынъ ея». А между тѣмъ, мы отвѣтимъ г. Костомарову, что онъ не былъ сынъ ея. О томъ же, что Лжедмитрій наединѣ въ шатрѣ грозилъ Марфѣ смертнымъ убійствомъ; г. Костомаровъ говоритъ (страница 54-я): «что это выдуманно Шуйскими и что современники, описывающіе это событіе, не видѣли никакого шатра. (Паэрле 34. Bussov 37. Ciampi Notizie 120. Inno Petricii 83. Никоновск. 74)». Мы скажемъ, что на шатеръ могли не обратить вниманія. Отрицательныя доказательства, почему объ этомъ не упоминаютъ писатели, почему они того не видѣли, нельзя всегда считать достовѣрными.

Почему же исторія о шатрѣ выдуманна Шуйскими? Карамзинъ, примѣчаніе 383, утверждаетъ, что былъ шатеръ; Соловьевъ также. Да и скорѣе можно предполагать, что былъ шатеръ. Свиданіе было лѣтомъ, могли быть жаръ, пыль, дождь, не останавливаясь же въ куриной избѣ. Г. Костомаровъ продолжаетъ: «смертнымъ убійствомъ грозить могла скорѣе она ему, чѣмъ онъ ей. Одного ея слова было достаточно, чтобъ уничтожить его. Стоило Марфѣ, обратясь къ народу, произнести: это не мой сынъ, это обманщикъ! ни чтобы не спасло его». Можно ли принять это сужденіе, когда мы знаемъ, какая слабая женщина была Марфа, притомъ ей возвращали царское достоинство и мстили врагамъ ея Годуновымъ.

На страницѣ 55-й и слѣдующей, г. Костомаровъ пишетъ: «какъ же въ самомъ дѣлѣ понимать отношеніе къ нему инокини Марфы? Притворялась ли она? Сомнѣваемся». А какъ же иначе понимать, г. Костомаровъ? безъ сомнѣнія она притворялась, волею или неволею.

торскаго Московскаго Общества Исторіи и древностей россійскихъ. Самое любопытное изданіе было: «Иное сказаніе о Самозванцахъ,» помѣщенное во Временникѣ секретаремъ Общества И. Бѣляевымъ; но и это сказаніе было извѣстно Карамзину по хронографамъ.

Карамзина исторія до сихъ поръ есть одна изъ самыхъ добросовѣстныхъ: онъ не хотѣлъ, какъ онъ говоритъ въ исторіи своей о Лжедмитріѣ I, доставлять пищу умамъ, склоннымъ къ историческому вольнодумству. Кромѣ того, исторія Карамзина чрезвычайно какъ полна; онъ слѣдовалъ правилу, которое высказалъ въ предисловіи къ своей исторіи: не бѣдные а богатые избираютъ. Вотъ почему мы въ указаніяхъ нашихъ на сочиненіе г. Костомарова, преимущественно будемъ слѣдовать Карамзину.

Исторія самозванца, бывшаго діакона, удивительна! Однако, изъ какого сословія въ то время вы бы искали человѣка, умнаго, который могъ бы воспользоваться чужимъ именемъ царевича: просвѣщеніе тогда преимущественно было въ рукахъ духовенства. Извѣстно, что самозванецъ принялъ католическую вѣру, къ которой не показывалъ большой привязанности, отвергъ свою и пріучился къ шаткости во мнѣніяхъ. Но онъ умѣлъ все скрывать, слѣдственно понималъ искусство лицемѣрія, которое онъ такъ хорошо выказывалъ съ матерью царевича Дмитрія.

Мы не думаемъ, чтобы Лжедмитрій внутренно былъ убѣжденъ, что онъ былъ истинный царевичъ; хотя другіе могли его увѣрять въ томъ. Развѣ онъ не зналъ свою жизнь и отношенія свои къ родственникамъ, и какъ умный человѣкъ не могъ не видѣть обмана. Сколько обличеній могли навести его на эту мысль и какихъ сильныхъ обличеній! Въ самомъ началѣ своего поприща, онъ, какъ говоритъ Карамзинъ (страница 125-я. Тоже и въ русской лѣтописи по Никонову списку. Часть осьмая, страница 56-я, изд. Акад. Наукъ 1792 г.): «не скромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда чудовскимъ монахамъ: знаете ли, что я буду царемъ на Москвѣ: одни смѣялись, другіе плевали ему въ глаза, какъ врало дерзкому». Мы считаемъ лицедѣйствомъ рѣчь его передъ битвою 1604 г. 21 декабря. Вотъ, по Карамзину, слова его: «Всевышній! ты зришь глубину моего сердца. Если обнажаю мечъ не праведно и незаконно, то сокруши меня небеснымъ громомъ. Когда же я правъ и чистъ душою, дай силу неодолимую рукъ моей въ битвѣ! а ты, Мать Божія, буди покровомъ нашего воинства.»

Отважность самозванца доходила иногда до безразсудства, онъ былъ легкомысленъ и наглъ. Прибавьте къ тому любовь къ нему народа, особенно простаго, низость нравовъ тогдашняго времени, даже у бояръ и сердечную доброту, которую нельзя отнять отъ самозванца, и вы въ исторіи его объясните многое; объясните и то, что г. Костомаровъ говоритъ (страница 50-я): «непритворный до неосторожности, онъ по своей природѣ мегѣ всего былъ способенъ играть долго роль и обманывать». Вы опровергнете и слѣдующія слова Соловьева: «чтобъ сознательно принять на себя роль самозванца, сдѣлать изъ своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищемъ разврата, что и доказываютъ намъ характеры (самозванцевъ) начиная со втораго».

Эти слова опровергаются еще и поведеніемъ Лжедмитрія съ царевной Ксеніей: быть причиною смерти ея отца, матери и брата, и взять ее къ себѣ въ наложницы, это не только что низко, но омерзительно.

Хотя г. Костомаровъ (страница 52-я) говоритъ: «едвали не справедливѣе будетъ сказаніе (если пристрастной къ нѣмцамъ, то безпристрастной къ Дмитрію) хроники Буссова (страница 33-я), которая повѣствуетъ, что Дмитрій выразился тогда совсѣмъ не въ опредѣленномъ смыслѣ повелѣнія убить Годуновыхъ: я не могу пріѣхать въ столицу, прееде чѣмъ всѣ мои враги до еднаго не будутъ оттуда удалены, если уже большую часть ихъ выпроводимъ, нужно чтобъ и Оеодора съ матерью его тоже не оставалось: тогда я пріѣду, буду вашимъ милосерднымъ государемъ». Но мы, заглянувъ въ лѣтопись Буссова или Бера, нашли, что самозванецъ ясно приказалъ убить Оеодора и мать его. Вотъ слова этой лѣтописи: «Дмитрій отвѣчалъ изъ Серпухова, что онъ вступитъ въ Москву только тогда, когда враги его будутъ истреблены до послѣдняго, и что если Москвитяне хотятъ быть у него въ милости, юный Оеодоръ и мать его должны быть преданы смерти» (Сказаніе современниковъ о Дмитріѣ самозванцѣ Устрялова, изд. третье. Часть 1-я, страница 46-я).

Не выписываемъ здѣсь цѣликомъ страницъ 52-й и 53-й. Пусть читатель заглянетъ въ нихъ, и онъ увидитъ слабость доказательствъ г. Костомарова.

Обстоятельства благопріятствовали самозванцу: не умри Годуновъ во время войны, дѣла, можетъ быть, приняли бы другой оборотъ. Не будь въ то время іезуитовъ и короли Сигизмунда, который имъ былъ

преданъ, самозванецъ не вступилъ бы съ польскимъ войскомъ въ Россію.

www.libtool.com. Общій смыслъ книжки г. Костомарова видѣнъ изъ выводовъ ея, онъ говоритъ: 1) Мнѣніе, что первый, назвавшій себя Димитріемъ, и Гришка Отрепьевъ есть одно и тоже лицо, не подтверждается ни несомнѣнными современными свидѣтельствами, ни ходомъ обстоятельствъ того времени. Это главный вопросъ и на него мы обратимъ вниманіе. 2) Появленіе Димитрія относится къ 7109 году, то есть къ 1600—1601 годамъ. Это мнѣніе высказано Маржеретомъ и принято всѣми и даже, какъ вы думаете, въ трагедіи Лжедимитрій I, въ 10 былинахъ, вѣрной драматической хроникѣ. Оно и то, что въ 1600 году Годуновъ принималъ посла Сапѣгу, и что въ это время Сапѣга, въ Москвѣ, могъ войти въ сношенія о подстановкѣ самозванца, служить завязкою этой драмы. Такого же мнѣнія и Соловьевъ. 3) Эпоха казней, пытокъ и ссылокъ въ царствованіе Бориса Годунова состоитъ въ связи съ этимъ явленіемъ. И въ этомъ никто не сомнѣвается. Маржеретъ говоритъ: «наконецъ съ 1600 года, когда разнеслась молва о Димитріѣ Иоанновичѣ, Борисъ занимался ежедневно только истязаніями и пытками». (Сказаніе современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ. Часть 1-я, страница 292-я). 4) Димитрій былъ орудіе враждебной Борису партіи, хотѣвшей низвергнуть родъ его, а Богданъ Бѣльскій былъ однимъ изъ главныхъ лицъ этой партіи. Замѣчательно мнѣніе о Богданѣ Бѣльскомъ, которое, впрочемъ, отвергаетъ самъ г. Костомаровъ (страница 60-я). О томъ, что Димитрій былъ орудіемъ враждебной Борису партіи говоритъ Буссовъ. Карамзинъ упоминаетъ объ этомъ (страница 43-я), только тамъ же онъ говоритъ, что бояре ничего не знали о Лжедимитріѣ. Это есть главная ошибка Карамзина во всей его исторіи о Лжедимитріѣ. 5) Димитрій не былъ обманщикъ, но вѣрилъ въ свое мнимое царственное происхожденіе. Мнѣніе это мы опровергали выше. Этотъ вопросъ развивалъ Соловьевъ въ своей исторіи. Любопытно, что Шиллеръ на такомъ же предположеніи основалъ свою трагедію «Лжедимитрій». Довольно странны слова г. Костомарова по этому предмету. На страницѣ 55-й онъ говоритъ: его (самозванца) предпочтеніе иноземныхъ приемовъ жизни, естественное въ молодомъ Москвитянинѣ, который ознакомился съ болѣе цивилизованнымъ бытомъ, его религіозный либерализмъ, допустившій равенство вѣроисповѣданій, его неуваженіе къ старымъ предрассудкамъ, позволявшее ему не ходить въ баню и

ѣсть телятину, и все что навлекло на него укоры отъ приверженцевъ старины, также показываютъ въ немъ человѣка, глубоко сознавшаго свое царское происхожденіе, свое право. 6) Признаніе его сыномъ со стороны матери настоящаго царевича Дмитрія было искренно и легко объясняется душевнымъ состояніемъ этой женщины. Сомнительно, чтобы признаніе его не своею матерью было искренно. Развѣ въ томъ смыслѣ, что она желала этого. Послѣдній 7-й выводъ говорить, что обстоятельства, сопровождавшія явленія Лжедмитрія, лишаютъ силы предположеніе, что онъ былъ истинный царевичъ. Въ этомъ также нѣтъ никакого сомнѣнія. (Г. Костомаровъ, страницы 58, 59, 60, 61 и 62-я). Мы прибавимъ еще, что къ нравственнымъ доказательствамъ, что Лжедмитрій былъ самозванецъ, можно бы присоединить и физическія: самозванецъ былъ рыжій и имѣлъ лицо блѣлое, между тѣмъ какъ Шуйскій (въ грамотѣ своей въ Пермь великую изъ Москвы 1606 года, іюня, помѣщенной въ исторіи смутнаго времени Бутурлина, страница 9-я) говорить: что у царевича князя Дмитрея Ивановича: власы цѣлы, чермны. Другіе тоже подтверждаютъ. Карамзинъ (страницы 316 и 317-я) говорить: «1) Голландскій Аптекарь Арендъ Клаузендъ бывъ 40 лѣтъ въ Россіи, служивъ Іоанну, Теодору, Годунову, Самозванцу, и лично знавъ, ежедневно выдавъ Дмитрія во младенчествѣ, сказывалъ мнѣ (пасторъ Беръ) утвердительно, что мнимый царь Дмитрій есть совсѣмъ другой человѣкъ, и не походитъ на истиннаго, имѣвшаго смуглое лицо и всѣ черты матери, съ которою самозванецъ ни мало не сходствовалъ. 2) Въ томъ же увѣряла меня Ливонская плѣнница, дворянка Тизенгаузенъ, освобожденная въ 1611 году, бывъ повивальною бабкою царицы Маріи, служивъ ей днемъ и ночью, не только въ Москвѣ, но и въ Угличѣ—непрестанно выдавъ Дмитрія живаго, видѣвъ и мертваго.»

Переходимъ къ подробностямъ книги г. Костомарова. Начнемъ съ отношенія самозванца къ царицѣ матери. Вотъ какъ г. Костомаровъ говорить объ этомъ: «По пріѣздѣ своемъ въ Москву, кого послалъ онъ за нею? Михаила Свюпина Шуйскаго, родственника Василя и его братьевъ. Какъ же это обманщикъ, чувствующій, что онъ не Дмитрій, посылаетъ за матерью настоящаго Дмитрія, которая должна окончательно рѣшить, сынъ ли онъ ея, или нѣтъ, — посылаетъ человѣка близкаго по крови и по связямъ къ тѣмъ, которыхъ только что осудили за обличенія его въ самозванствѣ! Какъ не вошло въ нему опасеніе, чтобы таковой посолъ не настроилъ въ против-

номъ для него духъ женщину, предъ которою онъ долженъ играть сына?» Будемъ отвѣчать, что, не разбирая родственныхъ отношеній Шуйскихъ, князь Михаилъ Скопичъ-Шуйскій могъ быть отправленъ къ царицѣ Марфѣ прежде осужденія Василя Ивановича Шуйскаго. Да и Карамзинъ въ примѣчаніи 406-мъ положительно говоритъ объ осужденіи Василя Ивановича Шуйскаго: «не іюня 25, какъ означено въ хронографахъ, и не 10 іюля, какъ въ Исторіи Де-Ту: ибо ковъ Шуйскаго открылся уже послѣ самозванцева коронованія: см. Маржерета 127». А коронованіе, мы скажемъ, совершилось уже по приѣздѣ царицы Марфы въ Москву. Соловьевъ, на страницѣ 117-й говоритъ: «источники разногласятъ въ названіи лицъ, которыя убѣдили Лжедмитрія помиловать Шуйскаго: одни называютъ бояръ, другіе поляковъ, и именно секретаря царскаго, Бучинскаго, нѣкоторые Афанасія Власьева; извѣстія, что убѣдила царица Марфа, мы принять не можемъ, ибо ея не было тогда въ Москвѣ». Мы бы хотѣли знать на чемъ основывается Соловьевъ, не ввело ли его въ заблужденіе «Иное сказаніе о самозванцахъ,» гдѣ на страницѣ 30-й сказано: «въ понедѣльникъ же іюля 25 день повелѣ святаго великаго боярина посредѣ града смерти предати, мечемъ главу ему отсѣкнуги предъ всѣмъ множествомъ народа», и гдѣ увѣряютъ, что Шуйскій былъ схваченъ въ третій день по приходѣ самозванца въ Москву, 23 іюня. Но въ этомъ же «Иномъ сказаніи о самозванцахъ,» на страницѣ 33-й, день убіенія Лжедмитрія I вмѣсто 17-го мая показанъ 18. Далѣе г. Костомаровъ продолжаетъ: «какъ рѣшился обманщикъ, безъ предварительныхъ совѣщаній, вызвать эту женщину.» Вотъ что Карамзинъ говоритъ объ этомъ (страница 220-я): «уже самозванецъ около мѣсяца властвовалъ въ Москвѣ, а народъ еще не видалъ царицы инокини, хотя она жила только въ пяти стахъ верстахъ отсюда: ибо Лжедмитрій не могъ быть увѣренъ въ ея согласіи на обманъ, столь противный святому званію инокини и материнскому сердцу. Тайныя сношенія требовали времени: съ одной стороны представили ей жизнь царскую, а съ другой муки и смерть; въ случаѣ упрямства, страшнаго для обманщика, могли задушить несчастную—сказать, что она умерла отъ болѣзни или радости, и великолѣпными похоронами мнимой государевой матери успокоить народъ легковѣрный. Вдовствующая супруга Іоаннова, еще не старая лѣтами, помнила удовольствія свѣта, двора и пышности, 13 лѣтъ плакала въ униженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ—и не усомнилась въ выборѣ». А вотъ и 380-е

примѣчаніе изъ его исторіи, въ грамотѣ царицы Марфы къ воеводамъ (въ собраніи Г. грамотъ, II, 307): «онъ (самозванецъ), вѣдая свое воровство, по насъ Вел. Государыню, не послалъ многое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи на крѣпко, чтобъ къ намъ никто не приходилъ.... А какъ велѣлъ насъ въ Москвѣ привести, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, и иныхъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеніемъ, чтобъ мнѣ его не обличати, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ», и проч. Потомъ г. Костомаровъ продолжаетъ: «когда она (царица Марфа) прибыла въ Москву, онъ (Лжедмитрій) выѣхалъ къ ней на встрѣчу; при многочисленномъ стеченіи народа, бросился ей на шею, какъ къ матери, плакалъ и обнималъ ее, шелъ возлѣ ея кареты, всѣ это видѣли, и никто не сомнѣвался, что онъ сынъ ея». А между тѣмъ, мы отвѣтимъ г. Костомарову, что онъ не былъ сынъ ея. О томъ же, что Лжедмитрій наединѣ въ шатрѣ грозилъ Марфѣ смертнымъ убійствомъ; г. Костомаровъ говоритъ (страница 54-я): «что это выдуманно Шуйскими и что современники, описывающіе это событіе, не видѣли никакого шатра. (Паэрле 34. Bussov 37. Ciampi Notizie 120. Inno Petricii-83. Никоновск. 74)». Мы скажемъ, что на шатеръ могли не обратить вниманія. Отрицательныя доказательства, почему объ этомъ не упоминаютъ писатели, почему они того не видѣли, нельзя всегда считать достоверными.

Почему же исторія о шатрѣ выдумана Шуйскими? Карамзинъ, примѣчаніе 383, утверждаетъ, что былъ шатеръ; Соловьевъ также. Да и скорѣе можно предполагать, что былъ шатеръ. Свиданіе было лѣтомъ, могли быть жаръ, пыль, дождь, не останавливаться же въ куриной избѣ. Г. Костомаровъ продолжаетъ: «смертнымъ убійствомъ грозить могла скорѣе она ему, чѣмъ онъ ей. Одною ея слова было достаточно, чтобъ уничтожить его. Стоило Марфѣ, обратясь къ народу, произнести: это не мой сынъ, это обманщикъ! ни чтобы не спасло его». Можно ли принять это сужденіе, когда мы знаемъ, какая слабая женщина была Марфа, притомъ ей возвращали царское достоинство и мстили врагамъ ея Годуновымъ.

На страницѣ 55-й и слѣдующей, г. Костомаровъ пишетъ: «какъ же въ самомъ дѣлѣ понимать отношеніе къ нему инокини Марфы? Притворялась ли она? Сомнѣваемся». А какъ же иначе понимать, г. Костомаровъ? безъ сомнѣнія она притворялась, волею или неволею.

Далѣе г. Костомаровъ говоритъ: «когда тѣло убитаго царя волокли мимо ея монастыря, ее спрашивали: твой ли это сынъ? Она не отвѣчала: не мой, это обманщикъ. Она отвѣчала загадочно: спрашивать было меня объ этомъ пока онъ былъ живъ; теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой. (Hist. Russ. monum. II. 119). Это изреченіе вообще двусмысленное, можно объяснить и такъ, что она сомнѣвалась и сама себѣ не могла дать отчета: точно ли онъ сынъ ея, или нѣтъ». Напрасно такъ говоритъ г. Костомаровъ, она никакимъ образомъ не могла сомнѣваться сынъ ли онъ ея или нѣтъ. Мать лучше всѣхъ въ мірѣ можетъ удостовѣрить кто ея сынъ. Надобно замѣтить, что Вознесенскій дѣвичій монастырь, гдѣ жила царица, очень не далека отъ дворца въ Кремлѣ. Марфа въ началѣ возмущенія противъ самозванца могла явиться къ нему, если бы онъ былъ сынъ ея. Въ Спасскіе ворота, мимо этого монастыря, шли заговорщики, шумъ былъ слышенъ и въ монастырѣ. Г. Костомаровъ продолжаетъ: «послѣ убійства Лжедмитрія, есть извѣстіе, что Марфа, во время перенесенія мощей ея дѣйствительнаго сына, всенародно каялась въ томъ, что признавала разстригу своимъ сыномъ и объявила, что онъ никакъ не былъ сынъ ея, а сынъ теперь сопричтенъ къ лику святыхъ. Въ обоихъ показаніяхъ Марфа могла быть искренна». Какимъ же образомъ, г. Костомаровъ, она могла быть искренна? Какое нибудь изъ двухъ положеній должно. Мы не можемъ всего выписывать, покажемъ только на этой страницѣ и на слѣдующихъ несообразности въ нѣкоторыхъ строкахъ. Напримѣръ: «событія прошедшія могли ступешаться въ памяти этой странницы запуганной, замученной». Такія событія не пропадаютъ изъ памяти, г. Костомаровъ. «Ей говорили, что сынъ ея подмѣненъ и живъ; ея сердцу было пріятно если бы такъ было; и она поддалась этому обаянію и мѣшались въ ней вѣра съ сомнѣніемъ». Нѣтъ, г. Костомаровъ, царица знала своего сына. «На старости лѣтъ она отдыхала, прежнія, угасшія въ царственномъ величій сомнѣнія ожили и сдѣлались въ свою очередь вѣрою». Отвѣчаемъ, что она не была стара и сомнѣнія не могли превратиться въ вѣру.

Но довольно. Посмотримъ на отношенія самозванца къ его дядѣ и къ его истинной матери Варварѣ. Г. Костомаровъ говоритъ (страница 1-а): «изъ сношенія нашихъ бояръ съ польскими послами уже черезъ полтора года послѣ воцаренія Шуйскаго видно, что тогда бояре указывали, будто въ 1604 году посылали для обличенія само-

званца дядю Гришки Отрепьева — Смирнаго - Отрепьева въ панамъ, требуя очной ставки съ племянникомъ; но паны не допустили его до этого. Въ отвѣтъ на это польскіе послы уличали ихъ и объяснили, что Смирной-Отрепьевъ пріѣзжалъ совсѣмъ по другимъ дѣламъ, съ двумя грамотами: одна была къ воеводѣ виленскому съ жалобою, что не посланы судьи со стороны короля для разбора дѣлъ о грабежахъ и пограничныхъ недоразумѣніяхъ, и другая къ литовскому канцлеру о томъ, что вопреки прежнимъ обычаямъ, берутъ съ московскихъ купцовъ новые поборы. О личности же Димитрія не было ни слова; и даже самъ Смирной не сказался, чѣмъ онъ былъ посланъ—посланникомъ или гонцомъ, какъ всегда дѣлалось; а въ другой изъ грамотъ не упомянуто было и его имя. Какъ же можно, говорили поляки, чтобы Смирной, съ такими грамотами, присланный о другихъ совершенно дѣлахъ, могъ домогаться очной ставки съ Димитріемъ, котораго вы называете сыномъ его брата! Еслижъ бы онъ и домогался, то нельзя было ему повѣрить, когда въ грамотѣ объ немъ не написано. Сверхъ того вы сами говорите, что послали Смирнаго тогда уже, когда воръ пошелъ въ Сѣверскую землю; то какъ же вамъ было искать его въ чужомъ государствѣ? Если бы вы хотѣли добра вашему царю Борису, то слѣдовало бы, какъ только вѣсть разнеслась о ворѣ, тотчасъ же снестись съ королемъ и съ сенаторами, писать объ этомъ съ точностію и представить очевидное свидѣтельство; а то вы прислали Смирнаго съ порученіемъ о другомъ совсѣмъ предметѣ—о дѣлахъ пограничныхъ, стоящихъ какихъ нибудь нѣсколькихъ рублей, о такомъ же важномъ дѣлѣ не поручили ему ни слова». Все это представлено ясно даже въ упомянутой трагедіи «Лжедимитрій» въ 10 былинахъ. Можетъ показаться страннымъ, что мы относимся къ этой трагедіи, но мы убѣждены въ томъ, что еще у насъ не было драматическаго сочиненія, гдѣ бы такъ подлинно была воспроизведена исторія. Но только въ томъ дѣло, что изобличеніе самозванца Смирнымъ-Отрепьевымъ представлено въ этой драмѣ полнѣе нежели у г. Костомарова. Тамъ показано право, которое имѣлъ Смирной-Отрепьевъ изобличать своего племянника; упомянуто, что отецъ самозванца былъ давно убитъ, что мать его вышла за-мужъ за другаго и что онъ воспитывался у Смирново-Отрепьева, какъ говоритъ объ этомъ Жолѣвскій въ своей рукописи (Начало и успѣхъ московской войны, помещенной въ Библіотекѣ для чтенія, Томъ X. Отд. III, страница 6-я), слѣдующими словами: «Князь Василій Шуйскій, собравъ всѣхъ, долго

говорилъ имъ, доказывая и удостоверяя обманъ Гришки. Въ то время былъ тамъ и Гришкинъ родной дядя, у котораго по смерти своего отца воспитывался (Гришка). Г. Костомаровъ на страницѣ 3-й продолжаетъ: «эта протестація поляковъ заслуживаетъ вѣроятія, потому, что напамъ не было необходимости въ этомъ случаѣ говорить неправду. Если бы Смирной прѣехалъ съ порученіемъ о самозванцѣ, они бы все равно не могли удовлетворить его, и слѣдовательно нечего было и заператься, что не знали такого порученія. При томъ же они не заперались, что постникъ Огаревъ, вслѣдъ за Смирновымъ, а можетъ быть и въ одно время прѣзжавшій въ Польшу, имѣлъ порученіе о Дмитріи». Но почему г. Костомаровъ не упоминаетъ о другомъ свидѣтельствѣ, о которомъ говоритъ Карамзинъ въ примѣчаніи 601-мъ «такъ дядя Лжедмитрія, Смирной-Отрепьевъ, увѣрялъ въ Швеціи самого Карла IX, что сей обманщикъ былъ дѣйствительно сынъ его брата, Якова Богданова Отрепьева, шалунъ, неисправленный монашествомъ, что онъ бѣжалъ въ Литву, научился тамъ всему нужному для война и по совѣту злыхъ людей, особенно какого-то ипока, вздумалъ назваться Дмитріемъ. Такъ говорилъ Смирной уже послѣ смерти разстриги. (См. Петра 371).

Чтоже относится до свидѣтельства матери Гришки Отрепьева, то Авраамій Палицынъ говоритъ (Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. Изданіе второе. Москва 1822 г., страница 24-я): «Тогда же не только родъ его Галичане все обличаху, но и мати его Богданова жена, Отрепьева вдова Варвара, и съ сыномъ своимъ, съ его Григорьевымъ братомъ, и съ дядею Смирнымъ Отрепьевымъ такожде обличаху, и дядя его въ Сибирь посланъ много примъ озлобленія.» Г. Костомаровъ про это обличеніе говоритъ (страница 14-я): «важнѣе было бы свидѣтельство, будто самозванца обличали Отрепьевымъ мать Отрепьева Варвара, его дядя и его братъ. Но объ этомъ только и говоритъ одинъ Авраамій Палицынъ, тогда какъ всѣ самые враждебные самозванцу лѣтописцы и официальные извѣстія не упоминаютъ объ этомъ ничего; тогда какъ это было бы самымъ важнѣйшимъ укоромъ ему въ самозванствѣ». Нѣтъ, г. Костомаровъ, не одинъ Авраамій Палицынъ упоминаетъ объ этомъ обличеніи. Вотъ что сказано (Карамзинъ, примѣчаніе 410-е) въ «Legendes» страница 25: «Лжедмитрій, будучи родомъ изъ Галича, велѣлъ посадить тамъ въ темницу мать свою съ ея вторымъ мужемъ и до шестидесяти родственниковъ.» Въ Степен. книгѣ Латухина и въ Морозов. Лѣт. повторено сказаніе Авраміево: въ первой при-

бавлено, что самозванецъ въ третій день своего воцаренія уже былъ www.libto.org обличаемъ родственниками. У Карамзина, на страницѣ 232-й сказано: «тогда же разгласилось въ Москвѣ и свидѣтельство многихъ Галичапъ, единоземцевъ и самыхъ ближнихъ Григорія Отрепьева: дяди, брата и даже матери, добросовѣстной вдовы Варвары: они видѣли его, узнали и не хотѣли молчать». Г. Костомаровъ утверждаетъ, что «несообразность извѣстія Аврамія Палицына усиливается еще болѣе оттого, что Аврамій говорить, будто это обличеніе произошло до суда надъ Шуйскимъ. Судъ произошелъ черезъ нѣсколько дней послѣ Дмитріева воцаренія. Слѣдовательно, обличеніе Отрепьева его семьею происходило бы тотчасъ по вступленіи самозванца въ Москву: это было до того поразительно, что не могло остаться ни кѣмъ незамѣченнымъ, кромѣ одного человѣка и то писавшаго исторію много лѣтъ спустя послѣ того какъ происходило то, что онъ описывалъ». Повѣримъ это мнѣніе г-на Костомарова. Вслѣдъ за приведенными нами словами Аврамія Палицына, онъ продолжаетъ: «мученицы же новіи явльшеся тогда, дворянинъ Петръ Тургеневъ, да Ѳедоръ Колачникъ безъ боязни того обличаху, имъ же по многихъ мукахъ главы отсѣвоша среди царствующаго грады Москвы. Той же Ѳедоръ ведомъ къ посѣченію, вопіяше всему народу: се пріяли есте образъ антихристовъ, и поклонисшеся посланному отъ сатаны, и тогда разумѣете, егда вси отъ него погибнете. Москвичи же ругахуса ему, и по дѣломъ судъ тому быти глаголюще такоже и Петрову казнь ни вочтоже вмѣниша и вскорѣ по нихъ и князь Василій Ивановичъ Шуйскій на плаху осудися за ево обличеніе». Мы предоставляемъ читателямъ судить къ кому относятся слова: «и вскорѣ по нихъ» къ Тургеневу и Колачнику, или къ матери Гришки Отрепьева, и нѣтъ ли здѣсь нѣкоторой натяжки? При томъ же мы скажемъ г. Костомарову, что если приговоръ Шуйскаго состоялся послѣ прибытія царицы Марфы въ Москву, которая просила о помилованіи Шуйскаго, что и надобно полагать вопреки Соловьеву, то и несообразность обличенія матерью Варварою сына своего Гришки тотчасъ при вшествіи его въ Москву, сама собою уничтожается. Какъ ни важно свидѣтельство матери, но мы отдаемъ предпочтеніе обличенію дяди самозванца, у котораго, какъ мы сказали, онъ жилъ съ юности и воспитывался. Мать могла жалѣть его и бояться за себя.

Карамзинъ примѣняетъ къ царицѣ Марфѣ слѣдующія слова (страница 313-я): «геройство знаменитой жены лигурійской, которая

скрывъ сына отъ ярости непріятелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказала: здѣсь, въ моей утробѣ, и погибла въ мукахъ, не объявивъ его убѣжища—сіе геройство, прославленное римскимъ историкомъ, трогаетъ, но не изумляетъ насъ: видимъ мать! Не удивились бы мы также, если бы и царица инокиня, спасая истиннаго Димитрія, винулась на копья Москвитянь съ восклицаніемъ: онъ мой сынъ.» Эти слова Карамзина, замѣтимъ мы, скорѣй можно приписать матери Варварѣ: могла ли она изобличать сына и царя, чтобы, можетъ быть, его изорвали въ куски въ ее глазахъ. Подлежитъ ли сомнѣнію свидѣтельство слабой женщины гласное, хотя и не громкое.

Будемъ говорить о другихъ обличеніяхъ. Можетъ быть (страница 15-я) Тургеневъ и Колачниковъ не называли самозванца Гришкою, но не называли потому, что русскіе обращали болѣе вниманія на то, что онъ позволялъ оскорблять православную вѣру іезуитамъ и полякамъ, пренебрегалъ русскими обычаями, да и всѣ были увѣрены, что онъ былъ Гришка Отрепьевъ, что и не хотѣли доказывать этого. Аврамій Палицынъ говоритъ (страница 23-я): «той же чернецъ по его (Годунова) смерти тогожде лѣта на царство его восходитъ, нарицаая Димитрій, отъ многихъ же знаемъ, яко Григорей чернецъ». Въ другомъ мѣстѣ (страница 27-я), онъ продолжаетъ: «отъ злыхъ же враговъ казаковъ и холопей вси умніи токмо плачуще, слова же рѣщи не смѣюще. Аще бо на кого нанесутъ, яко ростригою нарицаетъ кто, и той человекъ безвѣстно погибаетъ, и во всѣхъ градѣхъ російскихъ, и въ честныхъ монастырѣхъ, и мірстїи и иноцы мнози погибоша, ови заточеніемъ, овѣмъ же рыбная утроба вѣчный гробъ бысть». «Въ Legende 6,» говорится: «on n'a depuis lors (послѣ ссылки Шуйскихъ) entendu parler journellement autre chose, que des trahisons et toutes sortes de conspirations, de quoy se sont entre-suivies tant de tortures, flagellations, disgraces, relegations, confiscations.... que c'estait un cas estrange de les ouyr». Сколько же было людей, которые изобличали Гришку Отрепьева? Но самое разительное изобличеніе было отъ дьяка Осипова. Вотъ какъ это описываетъ Аврамій Палицынъ (страница 29-я): «нѣкто отъ чина вельможска, дьякъ Тимошей Осиповъ нарицаемъ мужъ благочестивъ образомъ и правомъ. Той же добродѣтельный мужъ видѣ многа зла творима ростригою съ совѣтники его. Къ симъ же еще несвойственное и великое имя на себе привлече человекъ тлѣненъ и всегда страстями побѣждаемъ вишними и внутренними, а непобѣдимымъ цесаремъ

www.libtop.com.cn

нарицаешся, и яко Богу противна являетъ себе; ревность по Бозѣ примѣ Тимошеѣ, и въ дому своемъ постъ и молитву со слезами къ Богу принесе, и причастився честныхъ и животворящихъ таинъ пречистаго Тѣла и Крови Христа Бога нашего, и пришедъ въ полаты царицы со дерзновениемъ предъ всѣми ростигу обличивъ, яко ты, рече, во истенну Гришка Отрепьевъ ростига». Г. Костомаровъ (страница 52-я) отзывается объ Осиповѣ такъ: «говорять еще о дьявѣ Тимошеѣ Осиповѣ, который исповѣдавшись, причастившись, пошелъ обличить разстригу и принялъ мученическую смерть. Но это событіе произошло въ день смерти Лжедмитрія, какъ указываетъ хронографное описаніе (четыре сказанія, 17). По сопоставленіи съ хроникою Буссова, дьявѣ Осиповѣ, который по сказанію хронографа «абіе ту изсѣченъ бысть саблями», есть тотъ самый смѣлый «бояринъ», который по извѣстію Буссова, прежде чѣмъ нахлынула на дворецъ толпа заговорщиковъ, прибѣжалъ къ Лжедмитрію съ требованіемъ выходить давать отвѣтъ народу и былъ изрубленъ имъ самимъ». Нѣтъ, г. Костомаровъ, это очень смѣлое предположеніе! Хорошо если противъ таковаго извѣстнаго писателя какъ г. Костомаровъ можно привести, кромѣ своего мнѣнія, опроверженіе другаго знаменитаго историка. Карамзинъ (примѣчаніе 460) говоритъ: «въ сказаніи же содѣяся, несправедливо отнесено убіеніе Осипова къ послѣднему дню Разстригиной жизни». Мы скажемъ, что Осиповъ не такъ поступилъ какъ Чудовскій игуменъ Пафнотій, о которомъ упоминаетъ г. Костомаровъ на страницѣ 18-й. Аврамій Палицынъ о немъ говоритъ (страница 25-я): «а вси знающе, яко Григорій Чернецъ, наипаче же Пафнотій Митрополитъ Крутицкій, при немъ бо въ Чудовѣ монастырѣ на крыласѣ стоялъ, и у Патріарха Юва болѣ года во дворѣ былъ служа писмомъ, и за свое еретическое воровство отъ него вѣжа въ Литву». Г. Костомаровъ объ этомъ судитъ такъ, что (страница 18-я) «если Пафнотій не имѣлъ на столько гражданскаго мужества, чтобы обличить разстригу, когда послѣдній былъ въ силѣ, то, конечно, могъ имѣть на столько малодушія, чтобы говорить про него на обумъ тогда, когда прахъ его развѣяли по вѣтру, а память предали проклятію». Мы скажемъ, что Пафнотій не имѣлъ гражданскаго мужества, но что весьма можетъ быть, что онъ не говорилъ на обумъ. Петрей говоритъ: «едва Гришка Отрепьевъ былъ коронованъ, явился въ Кремль одинъ монахъ изъ того самаго монастыря, откуда бѣжалъ обманщикъ, и всенародно говорилъ, что онъ прежде зналъ поваго

преданъ, самозванецъ не вступилъ бы съ польскимъ войскомъ въ Россію.

www.libtool.com. Общій смыслъ книжки г. Костомарова видѣнъ изъ выводовъ ея, онъ говоритъ: 1) Мнѣніе, что первый, назвавшій себя Димитріемъ, и Гришка Отрепьевъ есть одно и тоже лицо, не подтверждается ни несомнѣнными современными свидѣтельствами, ни ходомъ обстоятельствъ того времени. Это главный вопросъ и на него мы обратимъ вниманіе. 2) Появленіе Димитрія относится къ 7109 году, то есть къ 1600—1601 годамъ. Это мнѣніе высказано Маржеретомъ и принято всѣми и даже, какъ вы думаете, въ трагедіи Лжедимитрій I, въ 10 былинахъ, вѣрной драматической хроникѣ. Оно и то, что въ 1600 году Годуновъ принималъ посла Сапѣгу, и что въ это время Сапѣга, въ Москвѣ, могъ войти въ сношенія о подстановкѣ самозванца, служить завязкою этой драмы. Такого же мнѣнія и Соловьевъ. 3) Эпоха казней, пытокъ и ссылокъ въ царствованіе Бориса Годунова состоитъ въ связи съ этимъ явленіемъ. И въ этомъ никто не сомнѣвается. Маржеретъ говоритъ: «наконецъ съ 1600 года, когда разнеслась молва о Димитріѣ Іоанновичѣ, Борисъ занимался ежедневно только истязаніями и пытками». (Сказаніе современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ. Часть 1-я, страница 292-я). 4) Димитрій былъ орудіе враждебной Борису партіи, хотѣвшей низвергнуть родъ его, а Богданъ Бѣльскій былъ однимъ изъ главныхъ лицъ этой партіи. Замѣчательно мнѣніе о Богданѣ Бѣльскомъ, которое, впрочемъ, отвергаетъ самъ г. Костомаровъ (страница 60-я). О томъ, что Димитрій былъ орудіемъ враждебной Борису партіи говоритъ Буссовъ. Карамзинъ упоминаетъ объ этомъ (страница 43-я), только тамъ же онъ говоритъ, что болре ничего не знали о Лжедимитріѣ. Это есть главная ошибка Карамзина во всей его исторіи о Лжедимитріѣ. 5) Димитрій не былъ обманщикъ, но вѣрилъ въ свое мнимое царственное происхожденіе. Мнѣніе это мы опровергали выше. Этотъ вопросъ развивалъ Соловьевъ въ своей исторіи. Любопытно, что Шиллеръ на такомъ же предположеніи основалъ свою трагедію «Лжедимитрій». Довольно странны слова г. Костомарова по этому предмету. На страницѣ 55-й онъ говоритъ: его (самозванца) предпочтеніе иноземныхъ пріемовъ жизни, естественное въ молодомъ Москвитинѣ, который ознакомился съ болѣе цивилизованнымъ бытомъ, его религіозный либерализмъ, допустившій равенство вѣроисповѣданій, его неуваженіе къ старымъ предрассудкамъ, позволявшее ему не ходить въ баню и

ѣсть телятину, и все что навлекло на него укоры отъ приверженцевъ старины, также показываютъ въ немъ человѣка, глубоко сознаващаго свое царское происхожденіе, свое право. 6) Признаніе его сыномъ со стороны матери настоящаго царевича Дмитрія было искренно и легко объясняется душевнымъ состояніемъ этой женщины. Сомнительно, чтобы признаніе его не своею матерью было искренно. Развѣ въ томъ смыслѣ, что она желала этого. Послѣдній 7-й выводъ говоритъ, что обстоятельства, сопровождавшія явленія Лжедмитрія, лишаютъ силы предположеніе, что онъ былъ истинный царевичъ. Въ этомъ также нѣтъ никакого сомнѣнія. (Г. Костомаровъ, страницы 58, 59, 60, 61 и 62-я). Мы прибавимъ еще, что къ нравственнымъ доказательствамъ, что Лжедмитрій былъ самозванецъ, можно бы присоединить и физическія: самозванецъ былъ рыжій и имѣлъ лицо бѣлое, между тѣмъ какъ Шуйскій (въ грамотѣ своей въ Пермь великую изъ Москвы 1606 года, іюня, помѣщенной въ исторіи смутнаго времени Бутурлина, страница 9-я) говоритъ: что у царевича князя Дмитрея Ивановича: власы цѣлы, чермны. Другіе тоже подтверждаютъ. Карамзинъ (страницы 316 и 317-я) говоритъ: «1) Голландскій Аптекарь Арендъ Клаузендъ бывъ 40 лѣтъ въ Россіи, служивъ Іоанну, Теодору, Годунову, Самозванцу, и лично знавъ, ежедневно выдавъ Дмитрія во младенчествѣ, сказывалъ мнѣ (пасторъ Беръ) утвердительно, что мнимый царь Дмитрій есть совсѣмъ другой человѣкъ, и не походитъ на истиннаго, имѣвшаго смуглое лицо и всѣ черты матери, съ которою самозванецъ ни мало не сходствовалъ. 2) Въ томъ же увѣряла меня Ливонская плѣнница, дворянка Тизенгаузенъ, освобожденная въ 1611 году, бывъ повивальною бабкою царицы Маріи, служивъ ей днемъ и ночью, не только въ Москвѣ, но и въ Угличѣ—непрестанно выдавъ Дмитрія живаго, видѣвъ и мертваго.»

Переходимъ къ подробностямъ книжки г. Костомарова. Начнемъ съ отношенія самозванца къ царицѣ матери. Вотъ какъ г. Костомаровъ говоритъ объ этомъ: «По пріѣздѣ своемъ въ Москву, кого послалъ онъ за нею? Михаила Своякина Шуйскаго, родственника Василя и его братьевъ. Какъ же это обманщикъ, чувствующій, что онъ не Дмитрій, посылаетъ за матерью настоящаго Дмитрія, которая должна окончательно рѣшить, сынъ ли онъ ея, или нѣтъ, — посылаетъ человѣка близкаго по крови и по связямъ къ тѣмъ, которыхъ только что осудили за обличенія его въ самозванствѣ! Какъ не вошло въ нему опасеніе, чтобы таковой посолъ не настроилъ въ против-

номъ для него духъ женщину, предъ которою онъ долженъ играть сына?» Будемъ отвѣчать, что, не разбирая родственныхъ отношеній Шуйскихъ, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій могъ быть отправленъ къ царицѣ Марфѣ прежде осужденія Василя Ивановича Шуйскаго. Да и Карамзинъ въ примѣчаніи 406-мъ положительно говоритъ объ осужденіи Василя Ивановича Шуйскаго: «не іюня 25, какъ означено въ хронографахъ, и не 10 іюля, какъ въ Исторіи Де-Ту: ибо ковъ Шуйскаго открылся уже послѣ самозванцева коронованія: см. Маржерета 127». А коронованіе, мы скажемъ, совершилось уже по приѣздѣ царицы Марфы въ Москву. Соловьевъ, на страницѣ 117-й говоритъ: «источники разногласятъ въ названіи лицъ, которыя убѣдили Лжедмитрія помиловать Шуйскаго: одни называютъ бояръ, другіе поляковъ, и именно секретаря царскаго, Бучинскаго, нѣкоторые Афанасія Власьева; извѣстія, что убѣдила царица Марфа, мы принять не можемъ, ибо ея не было тогда въ Москвѣ». Мы бы хотѣли знать на чемъ основывается Соловьевъ, не ввело ли его въ заблужденіе «Иное сказаніе о самозванцахъ,» гдѣ на страницѣ 30-й сказано: «въ понедѣльникъ же іюля 25 день повелѣ святаго великаго боярина посредѣ града смерти предати, мечемъ главу ему отсѣкнуги предъ всѣмъ множествомъ народа», и гдѣ увѣряютъ, что Шуйскій былъ схваченъ въ третій день по приходѣ самозванца въ Москву, 23 іюня. Но въ этомъ же «Иномъ сказаніи о самозванцахъ,» на страницѣ 33-й, день убіенія Лжедмитрія I вмѣсто 17-го мая показанъ 18. Далѣе г. Костомаровъ продолжаетъ: «какъ рѣшился обманщикъ, безъ предварительныхъ совѣщаній, вызвать эту женщину.» Вотъ что Карамзинъ говоритъ объ этомъ (страница 220-я): «уже самозванецъ около мѣсяца властвовалъ въ Москвѣ, а народъ еще не видалъ царицы инокини, хотя она жила только въ пяти стахъ верстахъ оттуда: ибо Лжедмитрій не могъ быть увѣренъ въ ея согласіи на обманъ, столь противный святому званію инокини и материнскому сердцу. Тайныя сношенія требовали времени: съ одной стороны представили ей жизнь царскую, а съ другой муки и смерть; въ случаѣ упрямства, страшнаго для обманщика, могли задушить несчастную—сказать, что она умерла отъ болѣзни или радости, и великолѣпными похоронами мнимой государевой матери успокоить народъ легковѣрный. Вдовствующая супруга Іоаннова, еще не старая лѣтами, помнила удовольствія свѣта, двора и пышности, 13 лѣтъ плакала въ униженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ—и не усомнилась въ выборѣ». А вотъ и 380-е

www.libtool.com.cn

примѣчаніе изъ его исторіи, въ грамотѣ царицы Марфы къ воеводамъ (въ собраніи Г. грамотъ, II, 307): «опъ (самозванецъ), вѣдая свое воровство, по насъ Вел. Государыню, не послалъ многое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи на крѣпко, чтобъ къ намъ никто не приходилъ.... А какъ велѣлъ насъ въ Москвѣ привести, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, и иныхъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеніемъ, чтобъ мнѣ его не обличати, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ»; и проч. Потомъ г. Костомаровъ продолжаетъ: «когда она (царица Марфа) прибыла въ Москву, онъ (Лжедимитрій) выѣхалъ къ ней на встрѣчу при многочисленномъ стеченіи народа, бросился ей на шею, какъ къ матери, плакалъ и обнималъ ее, шель возлѣ ея варты, всѣ это видѣли, и никто не сомнѣвался, что онъ сынъ ея». А между тѣмъ, мы отвѣтимъ г. Костомарову, что онъ не былъ сынъ ея. О томъ же, что Лжедимитрій наединѣ въ шатрѣ грозилъ Марфѣ смертнымъ убійствомъ; г. Костомаровъ говоритъ (страница 54-я): «что это выдуманно Шуйскими и что современники, описывающіе это событіе, не видѣли никакого шатра. (Паэрле 34. Bussov 37. Ciampi Notizie 120. Inno Petricii 83. Никоновск. 74)». Мы скажемъ, что на шатеръ могли не обратить вниманія. Отрицательныя доказательства, почему объ этомъ не упоминаютъ писатели, почему они того не видѣли, нельзя всегда считать достовѣрными.

Почему же исторія о шатрѣ выдумана Шуйскими? Карамзинъ, примѣчаніе 383, утверждаетъ, что былъ шатеръ; Соловьевъ такъ же. Да и скорѣе можно предполагать, что былъ шатеръ. Свиданіе было лѣтомъ, могли быть жаръ, пыль, дождь, не останавливаясь же въ куриной избѣ. Г. Костомаровъ продолжаетъ: «смертнымъ убійствомъ грозить могла скорѣе она ему, чѣмъ онъ ей. Одного ея слова было достаточно, чтобъ уничтожить его. Стоило Марфѣ, обратясь къ народу, произнести: это не мой сынъ, это обманщикъ! ни чтобы не спасло его». Можно ли принять это сужденіе, когда мы знаемъ, какая слабая женщина была Марфа, притомъ ей возвращали царское достоинство и мстили врагамъ ея Годуновымъ.

На страницѣ 55-й и слѣдующей, г. Костомаровъ пишетъ: «какъ же въ самомъ дѣлѣ понимать отношеніе къ нему инокини Марфы? Притворялась ли она? Сомнѣваемся». А какъ же иначе понимать, г. Костомаровъ? безъ сомнѣнія она притворялась, волею или неволею.

Далѣ г. Костомаровъ говоритъ: «когда тѣло убитаго царя волокли мимо ея монастыря, ее спрашивали: твой ли это сынъ? Она не отвѣчала: не мой, это обманщикъ. Она отвѣчала загадочно: спрашивать было меня объ этомъ пока онъ былъ живъ; теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой. (Hist. Russ. monum. II. 119). Это изрѣченіе вообще двусмысленное, можно объяснить и такъ, что она сомнѣвалась и сама себѣ не могла дать отчета: точно ли онъ сынъ ея, или нѣтъ». Напрасно такъ говоритъ г. Костомаровъ, она никакимъ образомъ не могла сомнѣваться сынъ ли онъ ея или нѣтъ. Мать лучше всѣхъ въ мірѣ можетъ удостовѣрить кто ея сынъ. Надобно замѣтить, что Вознесенскій дѣвичій монастырь, гдѣ жила царица, очень не далекъ отъ дворца въ Кремлѣ. Марфа въ началѣ возмущенія противъ самозванца могла явиться къ нему, если бы онъ былъ сынъ ея. Въ Спасскіе ворота, мимо этого монастыря, шли заговорщики, шумъ былъ слышенъ и въ монастырѣ. Г. Костомаровъ продолжаетъ: «послѣ убійства Лжедмитрія, есть извѣстіе, что Марфа, во время перенесенія мощей ея дѣйствительнаго сына, всенародно ваялась въ томъ, что признавала разстригу своимъ сыномъ и объявила, что онъ никакъ не былъ сынъ ея, а сынъ теперь сопричтенъ къ лику святыхъ. Въ обонхъ показаніяхъ Марфа могла быть искренна». Какимъ же образомъ, г. Костомаровъ, она могла быть искренна? Какое нибудь изъ двухъ положеній ложно. Мы не можемъ всего выписывать, покажемъ только на этой страницѣ и на слѣдующихъ несообразности въ нѣкоторыхъ строкахъ. Напримѣръ: «событія прошедшія могли ступаться въ памяти этой странницы запуганной, замученной». Такія событія не пропадаютъ изъ памяти, г. Костомаровъ. «Ей говорили, что сынъ ея подмѣненъ и живъ; ея сердцу было пріятно если бы такъ было; и она поддалась этому обаянію и мѣшались въ ней вѣра съ сомнѣніемъ». Нѣтъ, г. Костомаровъ, царица знала своего сына. «На старости лѣтъ она отдыхала, прежнія, угасшія въ царственномъ величій сомнѣнія ожили и сдѣлались въ свою очередь вѣрою». Отвѣчаемъ, что она не была стара и сомнѣнія не могли превратиться въ вѣру.

Но довольно. Посмотримъ на отношенія самозванца къ его дядѣ и къ его истинной матери Варварѣ. Г. Костомаровъ говоритъ (страница 1-я): «изъ сношенія нашихъ бояръ съ польскими послами уже черезъ полтора года послѣ воцаренія Шуйскаго видно, что тогда бояре указывали, будто въ 1604 году посылали для обличенія само-

званца дядю Гришки Отрепьева — Смирнаго - Отрепьева къ панамъ, требуя очной ставки съ племянникомъ; но паны не допустили его до этого. Въ отвѣтъ на это польскіе послы уличали ихъ и объяснили, что Смирной-Отрепьевъ пріѣзжалъ совсѣмъ по другимъ дѣламъ, съ двумя грамотами: одна была къ воеводѣ виленскому съ жалобой, что не посланы судьи со стороны короля для разбора дѣлъ о грабежахъ и пограничныхъ недоразумѣніяхъ, и другая къ литовскому канцлеру о томъ, что вопреки прежнимъ обычаямъ, берутъ съ московскихъ купцовъ новыя поборы. О личности же Дмитрія не было ни слова; и даже самъ Смирной не свазался, чѣмъ онъ былъ посланъ—посланикомъ или гонцомъ, какъ всегда дѣлалось; а въ другой изъ грамотъ не упомянуто было и его имя. Какъ же можно, говорили поляки, чтобы Смирной, съ такими грамотами, присланный о другихъ совершенно дѣлахъ, могъ домогаться очной ставки съ Дмитриемъ, котораго вы называете сыномъ его брата! Еслижъ бы онъ и домогался, то нельзя было ему повѣрить, когда въ грамотѣ объ немъ не написано. Сверхъ того вы сами говорите, что посылали Смирнаго тогда уже, когда воръ пошелъ въ Сѣверскую землю; то какъ же вамъ было искать его въ чужомъ государствѣ? Если бы вы хотѣли добра вашему царю Борису, то слѣдовало бы, какъ только вѣсть разнеслась о ворѣ, тотчасъ же снестись съ королемъ и съ сенаторами, писать объ этомъ съ точностію и представить очевидное свидѣтельство; а то вы прислали Смирнаго съ порученіемъ о другомъ совсѣмъ предметѣ—о дѣлахъ пограничныхъ, стоящихъ какихъ нибудь нѣсколькихъ рублей, о такомъ же важномъ дѣлѣ не поручили ему ни слова». Все это представлено ясно даже въ упомянутой трагедіи «Лжедмитрій» въ 10 былинахъ. Можетъ показаться страннымъ, что мы относимся къ этой трагедіи, но мы убѣждены въ томъ, что еще у насъ не было драматическаго сочиненія, гдѣ бы такъ подлинно была воспроизведена исторія. Но только въ томъ дѣло, что изобличеніе самозванца Смирнымъ-Отрепьевымъ представлено въ этой драмѣ полнѣе нежели у г. Костомарова. Тамъ показано право, которое имѣлъ Смирной-Отрепьевъ изобличать своего племянника; упомянуто, что отецъ самозванца былъ давно убитъ, что мать его вышла за-мужъ за другаго и что онъ воспитывался у Смирново-Отрепьева, какъ говорить объ этомъ Жолѣвскій въ своей рукописи (Начало и успѣхъ московской войны, помещенной въ Библиотекѣ для чтенія, Томъ X. Отд. III, страница 6-я), слѣдующими словами: «Князь Василій Шуйскій, собравъ всѣхъ, долго

говорилъ имъ, доказывая и удостовѣряя обманъ Гришки. Въ то время былъ тамъ и Гришкинъ родной дядя, у котораго по смерти своего отца воспитывался (Гришка). Г. Костомаровъ на страницѣ 3-й продолжаетъ: «эта протестація поляковъ заслуживаетъ вѣроятія, потому, что папамъ не было необходимости въ этомъ случаѣ говорить неправду. Если бы Смирной пріѣхалъ съ порученіемъ о самозванцѣ, они бы все равно не могли удовлетворить его, и слѣдовательно печего было и заираться, что не знали такого порученія. При томъ же они не запирались, что постникъ Огаревъ, вслѣдъ за Смирновымъ, а можетъ быть и въ одно время пріѣзжавшій въ Польшу, имѣлъ порученіе о Димитріи». Но почему г. Костомаровъ не упоминаетъ о другомъ свидѣтельствѣ, о которомъ говоритъ Карамзинъ въ примѣчаніи 601-мъ «такъ дядя Лжедимитрія, Смирной-Отрепьевъ, увѣрялъ въ Швеціи самого Карла IX, что сей обманщикъ былъ дѣйствительно сынъ его брата, Якова Богданова Отрепьева, шалунъ, неисправленный монашествомъ, что онъ бѣжалъ въ Литву, научился тамъ всему нужному для война и по совѣту злыхъ людей, особенно какого-то инока, вздумалъ назваться Димитріемъ. Такъ говорилъ Смирной уже послѣ смерти разстриги. (См. Петра 371).

Чтоже относится до свидѣтельства матери Гришки Отрепьева, то Авраамій Палицынъ говоритъ (Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. Изданіе второе. Москва 1822 г., страница 24-я): «Тогда же не тою родъ его Галичане вси обличаху, но и мати его Богданова жена, Отрепьева вдова Варвара, и съ сыномъ своимъ, съ его Григорьевымъ братомъ, и съ дядею Смирнымъ Отрепьевымъ такожде обличаху, и дядя его въ Сибирь посланъ много примъ озлобленія.» Г. Костомаровъ про это обличеніе говоритъ (страница 14-я): «важнѣе было бы свидѣтельство, будто самозванца обличали Отрепьевымъ мать Отрепьева Варвара, его дядя и его братъ. Но объ этомъ только и говоритъ одинъ Авраамій Палицынъ, тогда какъ всѣ самые враждебные самозванцу лѣтописцы и официальные извѣстія не упоминаютъ объ этомъ ничего; тогда какъ это было бы самымъ важнѣйшимъ укоромъ ему въ самозванствѣ». Нѣтъ, г. Костомаровъ, не одинъ Авраамій Палицынъ упоминаетъ объ этомъ обличеніи. Вотъ что сказано (Карамзинъ, примѣчаніе 410-е) въ «Legende» страница 25: «Лжедимитрій, будучи родомъ изъ Галича, велѣлъ посадить тамъ въ темницу мать свою съ ея вторымъ мужемъ и до шестидесяти родственниковъ.» Въ Степен. книгѣ Латухина и въ Морозов. Лѣт. повторено сказаніе Авраміево: въ первой при-

бавлено, что самозванецъ въ третій день своего воцаренія уже былъ обличаемъ родственниками. У Карамзина, на страницѣ 232-й сказано: «тогда же разгласилось въ Москвѣ и свидѣтельство многихъ Галичанъ, единоплеменцевъ и самыхъ ближнихъ Григорія Отрепьева: дяди, брата и даже матери, добросовѣстной вдовы Варвары: они видѣли его, узнали и не хотѣли молчать». Г. Костомаровъ утверждаетъ, что «несообразность извѣстія Аврамія Палицына усиливается еще болѣе оттого, что Аврамій говоритъ, будто это обличеніе произошло до суда надъ Шуйскимъ. Судъ произошелъ черезъ нѣсколько дней послѣ Димитріева воцаренія. Слѣдовательно, обличеніе Отрепьева его семьею происходило бы тотчасъ по вступленіи самозванца въ Москву: это было до того поразительно, что не могло остаться ни кѣмъ незамѣченнымъ, кромѣ одного человѣка и то писавшаго исторію много лѣтъ спустя послѣ того какъ происходило то, что онъ описывалъ». Повѣримъ это мнѣніе г-на Костомарова. Вслѣдъ за приведенными нами словами Аврамія Палицына, онъ продолжаетъ: «мученицы же новіи явльшеся тогда, дворянинъ Петръ Тургеневъ, да Ѳедоръ Колачникъ безъ боязни того обличаху, имъ же по многихъ мѣстахъ главы отсѣкоша среди царствующаго грады Москвы. Той же Ѳедоръ ведомъ къ посѣченію, вопіяше всему народу: се пріяли есте образъ антихристовъ, и поклонитесь посланному отъ сатаны, и тогда разумѣете, егда вси отъ него погибнете. Москвичи же ругахуся ему, и по дѣломъ судъ тому быти глаголюще также и Петрову казнь ни вочтоже вмѣниша и вскорѣ по нихъ и князь Василій Ивановичъ Шуйскій на плаху осудися за ево обличеніе». Мы предоставляемъ читателямъ судить къ кому относятся слова: «и вскорѣ по нихъ» къ Тургеневу и Колачнику, или къ матери Гришки Отрепьева, и нѣтъ ли здѣсь нѣкоторой натяжки? При томъ же мы скажемъ г. Костомарову, что если приговоръ Шуйскаго состоялся послѣ прибытія царицы Марфы въ Москву, которая просила о помилованіи Шуйскаго, что и надобно полагать вопреки Соловьеву, то и несообразность обличенія матерью Варварою сына своего Гришки тотчасъ при вшествіи его въ Москву, сама собою уничтожается. Какъ ни важно свидѣтельство матери, но мы отдаемъ предпочтеніе обличенію дяди самозванца, у котораго, какъ мы сказали, онъ жилъ съ юности и воспитывался. Мать могла жалѣть его и бояться за себя.

Карамзинъ примѣняетъ къ царицѣ Марфѣ слѣдующія слова (страница 313-я): «геройство знаменитой жены лигурійской, которая

www.libtool.com.cn
скрывъ сына отъ ярости непріятелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказала: здѣсь, въ моей утробѣ, и погибла въ мукахъ, не объявивъ его убѣжища—сіе геройство, прославленное римскимъ историкомъ, трогаетъ, но не изумляетъ насъ: видимъ мать! Не удивились бы мы также, если бы и царица инокиня, спасая истиннаго Дмитрія, кинулась на копья Москвитянь съ восклицаніемъ: онъ мой сынъ.» Эти слова Карамзина, замѣтимъ мы, скорѣй можно приписать матери Варварѣ: могла ли она изобличать сына и царя, чтобы, можетъ быть, его изорвали въ куски въ ее глазахъ. Подлежить ли сомнѣнію свидѣтельство слабой женщины гласное, хотя и не громкое.

Будемъ говорить о другихъ обличеніяхъ. Можетъ быть (страница 15-я) Тургеневъ и Колачниковъ не называли самозванца Гришкою, но не называли потому, что русскіе обращали болѣе вниманія на то, что онъ позволялъ оскорблять православную вѣру іезуитамъ и полякамъ, пренебрегалъ русскими обычаями, да и всѣ были увѣренны, что онъ былъ Гришка Отрепьевъ, что и не хотѣли доказывать этого. Аврамій Палицынъ говоритъ (страница 23-я): «той же чернецъ по его (Годунова) смерти тогожде лѣта на царство его восходитъ, нарицаея Дмитрій, отъ многихъ же знаемъ, яко Григорей чернецъ». Въ другомъ мѣстѣ (страница 27-я), онъ продолжаетъ: «отъ злыхъ же враговъ казаковъ и холопей вси умни токмо плачуще, слова же рѣщи не смѣюще. Аще бо на кого панесуть, яко ростригою нарицаетъ кто, и той чловѣкъ безвѣстно погибаетъ, и во всѣхъ градѣхъ россійскихъ, и въ честныхъ монастырѣхъ, и мірстїи и иноцы мнози погибаша, овїи заточеніемъ, овѣмъ же рыбная утроба вѣчный гробъ бысть». «Въ Legende 6,» говорится: «on n'a depuis lors (послѣ ссылки Шуйскихъ) entendu parler journellement autre chose, que des trahisons et toutes sortes de conspirations, de quoy se sont entretenues tant de tortures, flagellations, disgraces, relegations, confiscations.... que c'estait un cas estrange de les ouyr». Сколько же было людей, которые изобличали Гришку Отрепьева? Но самое разительное изобличеніе было отъ дьяка Осипова. Вотъ какъ это описываетъ Аврамій Палицынъ (страница 29-я): «нѣкто отъ чина вельможска, дьякъ Тимошей Осиповъ нарицаемъ мужъ благочестивъ образомъ и правомъ. Той же добродѣтельный мужъ видѣ многа зла творима ростригою съ совѣтники его. Къ симъ же еще несвойственное и великое имя на себе привлече чловѣкъ тлѣненъ и всегда страстьми побѣждаемъ виѣшними и внутренними, а нецобѣдимымъ десаремъ

нарицашеся, и яко Богу противна являетъ себе; ревность по Бозѣ примѣ Тимошеѣ, и въ дому своемъ постъ и молитву со слезами къ Богу принесе, и причастився честныхъ и животворящихъ таинъ пречистаго Тѣла и Крови Христа Бога нашего, и пришедъ въ полаты царицы со дерзновениемъ предъ всѣми ростригу обличивъ, яко ты, рече, во истенну Гришка Отрепьевъ рострига». Г. Костомаровъ (страница 52-я) отзывается объ Осиповѣ такъ: «говорять еще о дьявѣ Тимошеѣ Осиповѣ, который исповѣдавшись, причастившись, пошелъ обличить разстригу и принялъ мученическую смерть. Но это событіе произошло въ день смерти Лжедмитрія, какъ указываетъ хронографное описаніе (четыре сказанія, 17). По сопоставленіи съ хроникомъ Буссова, дьявѣ Осиповъ, который по сказанію хронографа «абіе ту изсѣченъ бысть саблями», есть тотъ самый смѣлый «бояринъ», который по извѣстію Буссова, прежде чѣмъ нахлынула на дворецъ толпа заговорщиковъ, прибѣжалъ къ Лжедмитрію съ требованіемъ выходить давать отвѣтъ народу и былъ изрубленъ имъ самимъ». Нѣтъ, г. Костомаровъ, это очень смѣлое предположеніе! Хорошо если противъ таковаго извѣстнаго писателя какъ г. Костомаровъ можно привести, кромѣ своего мнѣнія, опроверженіе другаго знаменитаго историка. Карамзинъ (примѣчаніе 460) говоритъ: «въ сказаніи же содѣяся, несправедливо отнесено убіеніе Осипова къ послѣднему дню Разстригиной жизни». Мы скажемъ, что Осиповъ не такъ поступилъ какъ Чудовскій игуменъ Пафнутій, о которомъ упоминаетъ г. Костомаровъ на страницѣ 18-й. Аврамій Палицынъ о немъ говоритъ (страница 25-я): «а вси знающе, яко Григорій Чернецъ, инапаче же Пафнотій Митрополитъ Крутицкій, при немъ бо въ Чудовѣ монастырѣ на крыласѣ стоялъ, и у Патріарха Іова болѣе года во дворѣ былъ служа писмомъ, и за свое еретическое воровство отъ него избѣжа въ Литву». Г. Костомаровъ объ этомъ судитъ такъ, что (страница 18-я) «если Пафнутій не имѣлъ на столько гражданскаго мужества, чтобы обличить разстригу, когда послѣдній былъ въ силѣ, то, конечно, могъ имѣть на столько малодушія, чтобы говорить про него на обумъ тогда, когда прахъ его развѣяли по вѣтру, а память предали проклятію». Мы скажемъ, что Пафнутій не имѣлъ гражданскаго мужества, но что весьма можетъ быть, что онъ не говорилъ на обумъ. Петрей говоритъ: «едва Гришка Отрепьевъ былъ коронованъ, явился въ Кремлѣ одинъ монахъ изъ того самаго монастыря, откуда бѣжалъ обманщикъ, и всенародно говорилъ, что онъ прежде зналъ поваго

царя, что этотъ царь не сынъ Юанна Васильевича, а Гришка Отрепьевъ (Griska Tgereja), бѣглець обманщикъ; увѣрилъ, что самъ училъ его чтенію и письму, что знаетъ его родину, его отца и мать; знаетъ почему родня посадила его въ монастырь, какъ долго тамъ онъ былъ и когда скрылся. Народъ, услышавъ такія рѣчи, схватилъ монаха и представилъ царю. Чернецъ не испугался, говорилъ тоже самое, смѣло называлъ Дмитрія обманщикомъ. Его казнили мучительною смертію, безъ всякаго изслѣдованія: правда глаза колетъ. (Сказаніе современниковъ о Дмитріи самозванцѣ. Часть 1-я, страница 386-я. Въ Исторіи Карамзина это обличеніе подтверждается хронографами и «Legende» 6 и 25, гдѣ сказано, что Лжедмитрій никогда не хотѣлъ заглянуть въ Чудовъ монастырь, опасаясь, чтобы тамошніи иноки его не узнали (Исторія Карамзина, примѣчаніе 404-е). Въ сказаніи и повѣсти еже содѣяся и проч., помѣщенной во Временникѣ Д. Ч. О. Бодянскимъ въ 1847 г., на страницѣ 18-й говорится: «Въ томъ же году 114, предъ Рождествомъ Христовымъ, уразумѣша мнози люди Бояре и Дворяне, что не прямой царевичъ, Дмитрей Ивановичъ, но воръ Гришка Отрепьевъ Разстрига». Въ «Иномъ сказаніи о самозванцахъ,» гдѣ положительно сказано: что Лжедмитрій былъ Гришка Отрепьевъ, на страницѣ 10-й говорится: «и егда жительствующій въ царствующемъ градѣ Москвѣ узнаемъ бѣше многими отъ мирскихъ чловѣкъ такожь и отъ властей и отъ многихъ инокъ». Страница 30-я: «и начаша Московстїи людіе знающе его мнози познавати его».

Г. Костомаровъ говоритъ (страница 18-я): «Въ минуту его (Гришки Отрепьева) убійства, заговорщики, взявши его съ фундамента Борисова дома, внесли во дворецъ и стали допрашивать «говори кто ты таковъ? кто твой отецъ?» Не показываетъ ли этотъ вопросъ, что заговорщики не знали совершенно, что онъ Гришка Отрепьевъ; иначе за чѣмъ спрашивать его. Тогда они бы прямо обличили бы его, что онъ Гришка. Валуевъ, передъ тѣмъ какъ застрѣлилъ его, сказалъ: «и вотъ я благословлю этого польскаго свистуна». Это выраженіе какъ будто показываетъ, что Валуевъ считалъ его полякомъ, а не Гришкою Отрепьевымъ. Такія черты свидѣлствуютъ, что враги, считавъ его самозванцемъ, не имѣли несомнѣнной увѣренности, что онъ Гришка Отрепьевъ. Отвѣчаемъ, что хотя нѣкоторые могли предлагать такіе вопросы, но многіе знали, что онъ Гришка Отрепьевъ. Валуевъ же въ немъ видѣлъ приверженца поляковъ. А что самозва-

нецъ не сознался, тому недавно мы видѣли примѣръ въ Англии, въ преступникѣ (Мюллерѣ), который не признавался до послѣдней минуты жизни. Кромѣ того, Ледемитрій былъ увѣренъ, что послѣ его признанія русскіе не простятъ ему. Г. Костомаровъ на страницѣ 19-й пишетъ: «почему не вынесли его на площадь, не призвали ту, которую онъ называлъ матерью? Почему не изложили передъ народомъ своихъ противъ него обвиненій? Почему, наконецъ, не призвали матери, братьевъ и дядю Отрепьева, не дали имъ съ царемъ очной ставки и не уличили его? Почему не призвали архимандрита Пафнутія, не собрали чудовскихъ чернецовъ и вообще всѣхъ знавшихъ Гришку и не уличили его?» На это можно сказать, что народъ былъ раздраженъ; но если бы онъ былъ хладнокровнѣе, то безъ сомнѣнія любопытно было бы знать всю судьбу самозванца. Онъ самъ прежде долженъ былъ представить объясненія о себѣ. Карамзинъ говоритъ (страница 312-я): «если разстрига не былъ самозванцемъ, то, для чего онъ, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству, знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной, для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ въ теченіи двѣнадцати или тринадцати лѣтъ. Низкою безопасностію невозможно изъяснить столь важнаго упущенія.» Прибавимъ еще нѣкоторыя доказательства, что самозванецъ былъ Гришка Отрепьевъ.

Устряловъ (Сказанія современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ, часть первая, страница 406-я) пишетъ: о родѣ и племени самозванца, представлено было въ послѣдствіи, въ декабрѣ 1606 года, польскимъ сенаторамъ слѣдующее обстоятельное извѣстіе посломъ царя Василя Ивановича Шуйскаго, княземъ Волкопскимъ:

«Онъ (самозванецъ) былъ не царевичъ Димитрій, но богоотступникъ, еретикъ, чернецъ, разстрига, Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, а въ мірѣ его звали Юшкомъ (Юріемъ). Дѣдъ его Замятня былъ постриженъ въ Чудовѣ монастырѣ, а отца его, Богдана, зарѣзали Литвинъ на Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ. А онъ Юшка былъ въ холопѣхъ у бояръ у Никитиныхъ дѣтей Ромаповича, и у князя Черкаскаго, и заворовался, постригся въ чернцы, и былъ въ чернцахъ въ Суздалѣ, въ Спасскомъ Еоимьевѣ монастырѣ, и въ Галичѣ у Ивана Предтечи, и по инымъ монастырямъ, а послѣ того былъ въ Чудовѣ монастырѣ въ дьяконѣхъ съ годъ, а оставилъ его въ дьяконы Іовъ патриархъ Московскій и всея Руссіи; а потомъ взялъ его

къ себѣ Іовъ патриархъ Московскій для письма, и онъ учалъ воровать и безчинствовать, и впалъ въ еретичество, и за тѣ его богомерзкія дѣла съ собору хотѣли сослать въ заточеніе на смерть, и онъ, злокозненный врагъ, свѣдавъ о томъ, сбѣжалъ въ Литву въ Кіевъ, и былъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ и въ Никольскомъ и въ Дермантѣ монастырѣ въ дьяконѣхъ же: и послѣ того тотъ воръ, по дьявольскому ученью, отвергся христіанскія вѣры, образъ ангельскій испоругалъ, черническое платье съ себя свергъ, и по вражью совѣту своимъ злодѣйнымъ обычаемъ и по умышленію Сендомирскаго воеводы и Вишневецкихъ и иныхъ, которые ему совѣтовали, злочестивый и скаредный свой языкъ на злодѣйское дѣло извострилъ, учалъ называться блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи сыномъ, царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ». (Собр. Госуд. Грам. II, стр. 322).

Но если доказательства историческія должны быть основаны не на умствованіяхъ, а на свидѣтельствѣ людей, заслуживающихъ довѣріе, то избраніе на престолъ дома Романовыхъ намъ кажется неопровержимымъ доказательствомъ, что самозванецъ былъ Гришка Отрепьевъ.

Русскіе, утомленные смутами, рѣшились избрать царя, и чтобы дѣйствовать по совѣсти, наложили трехдневный постъ. Въ Москву съѣхались выборные, люди самые уважаемые въ государствѣ. Многіе изъ нихъ были очевидцами тогдашнихъ событій и участвовали въ нихъ. Въ избирательной грамотѣ они говорятъ, что самозванецъ былъ Гришка Отрепьевъ: они бы могли и выпустить эти слова, все уже кончилось и къ чему было обманывать Россію и потомство? Нужды въ этомъ тѣмъ болѣе не было, что Романовыхъ самозванецъ считалъ своими родственниками и благодѣтельствовалъ имъ.

Переходимъ къ дѣлу Шуйскаго и монаха Леонида.

Изъ всего, что г. Костомаровъ рассказываетъ о Шуйскомъ на 15, 16, 17 и слѣдующихъ страницахъ, намъ любопытно только знать, въ чемъ г. Костомаровъ находитъ слабыя обличенія Шуйскаго. Онъ говоритъ: «надобно обратить вниманіе, что судъ надъ Шуйскими былъ совершенъ боярами и выборными изъ всѣхъ сословій, слѣдовательно Лжедмитрій сильно рисковалъ тогда, передавая собственное дѣло на обсужденіе націи. Значитъ, онъ былъ твердо увѣренъ, что невозможно доказать, что онъ Гришка Отрепьевъ. По свидѣтельству нашихъ и иностранныхъ историковъ, тогда никто не оправдалъ Шуй-

скаго, никто не изъявлялъ подозрѣнія, что царь не Дмитрій, а Гришка. Еслибъ были явныя улики, явились бы свидѣтельства, и царь не усидѣлъ бы на престолѣ. Этотъ судъ собора, созваннаго изъ всѣхъ сословій, фактически былъ для Дмитрія законнымъ признаніемъ всей страны. Дѣло его было обсуждаемо и порѣшено въ его пользу. Онъ былъ въ рукахъ враговъ своихъ какъ нельзя болѣе; они имѣли всякую возможность обличить его, еслибъ могли; а когда не обличили, то значить не было у нихъ надлежащихъ доказательствъ. Кого и чего могли бояться члены собора? Польскаго отряда, поддерживавшаго царя? Всего въ городѣ было нѣсколько ротъ, провожавшихъ его; не могли же они защищать его отъ дѣлой націи. Положимъ: прежде, изъ ненависти къ Борису и его фамиліи, могли иные насильно закрывать себѣ глаза и принуждать самихъ себя признавать вѣдомаго бродягу царскимъ сыномъ, теперь Годуновыхъ уже не было. Что же могло привлекать къ Гришкѣ?

«Сообразивъ эти обстоятельства, нельзя не признать, что въ то время не было доказательствъ, что царь былъ Гришка Отрепьевъ, разстрига, бѣглець Чудовскаго монастыря». Нѣтъ, г. Костомаровъ, были доказательства, что онъ Гришка Отрепьевъ. На страницѣ 16-й вы сами говорите: «въ вариантѣ того же повѣствованія, изданномъ Оболенскимъ, подъ именемъ «Новаго Лѣтописца», прибавляется, что всѣ на соборѣ были увѣрены, что царь — Гришка Отрепьевъ, да сказать не смѣли». И мы согласны съ такими словами. Посмотрите, напримѣръ, въ новѣйшее время на многолюдныя законодательныя собранія, хотя бы во Франціи, сколько тамъ есть людей, которые много чего сказать не смѣютъ.

Почему же самозванецъ отдалъ дѣло свое на судъ народа и ничего не боялся, то это объясняется тѣмъ, что судъ надъ Шуйскимъ производился во время самой сильной привязанности народа къ самозванцу, тотчасъ, какъ г. Костомаровъ говоритъ (страницы 16-я и 17-я), послѣ прибытія Дмитрія въ Москву или въ первыхъ дняхъ по его воцареніи. Если же, какъ мы полагаемъ, Шуйскій былъ осужденъ по пріѣздѣ царицы Марфы въ столицу, только что признавшей его сыномъ, то тѣмъ еще скорѣе народъ былъ отъ него въ восторгѣ. Этотъ царственный Хлестаковъ, (на это выраженіе навелъ насъ г. Костомаровъ), не думалъ скрываться и смѣло смотрѣлъ въ глаза всякому любопытному на улицахъ. (Карамзинъ страница 228-я). Кромѣ того Лжедмитрій былъ велерѣчивъ и любилъ показывать

свое краснословіе. Притомъ, какъ говоритъ Соловьевъ, можно полагать, что самозванецъ самъ допрашивалъ Шуйскаго (страница 117-я), слѣдственно предлагалъ такіе вопросы, какіе ему хотѣлось. Г. Костомаровъ пишетъ (страница 18-я) «по смерти его (самозванца) Шуйскій разослалъ по всему Московскому царству грамоту о низложеніи прежняго царя и собственномъ восшествіи на престоль. Если гдѣ, то въ этой грамотѣ должны быть собраны всѣ очевидныя доказательства, что царствовавшій подъ именемъ Дмитрія былъ Гришка Отрепьевъ. И однако мы, къ удивленію нашему, не встрѣчаемъ тамъ этого; все усиліе направлено лишь на то, чтобы увличить бывшаго царя въ измѣнѣ православной вѣрѣ и русскимъ обычаямъ; наброшено на него множество обвиненій, очевидно нелѣпныхъ, какъ напримѣръ, попытка объяснить затѣваемый за городомъ турниръ — умысломъ побить всѣхъ бояръ и передать управленіе въ Московскомъ государствѣ польскимъ панамъ; но объ его самозванствѣ сказано коротко, какъ уже о фактѣ извѣстномъ и доказанномъ... *«богоотступникъ, еретикъ, разстрига, воръ Гришка Бодановъ сынъ Отрепьевъ своимъ воровствомъ и чернокнужествомъ назвалъ себя царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Улицкимъ, омраченъемъ бѣсовскимъ прельстилъ многихъ людей»*. Отвѣчаемъ г. Костомарову, что не та была цѣль грамоты. Шуйскій указывалъ на раззореніе государства и православной вѣры, и объявлялъ о вступленіи своемъ на престоль. Но въ самомъ началѣ грамоты Шуйскій говоритъ, что Гришка Отрепьевъ многихъ православныхъ крестьянъ, которые его знали и злодѣйство вѣдали и его обличали, злой смерти предалъ. (Смбтри въ Исторіи смутнаго времени Бутурлина, въ приложеніяхъ, грамоту царя Василя Ивановича въ Пермь великую изъ Москвы 1606 года іюня). Впрочемъ мы видѣли, что посоль царя Шуйскаго въ Польшѣ, князь Волконскій, подробно объяснилъ, что самозванецъ былъ Гришка Отрепьевъ. Г. Костомаровъ на страницѣ 31-й и слѣдующихъ ссыдается на Маржерета и Буссова и говоритъ, что оба указываютъ на другаго человѣка, который назывался Гришкою Отрепьевымъ. Самозванецъ былъ по Маржерету истинный царевичъ Дмитрій, а по Буссову человѣкъ, явившійся въ Польшѣ. Такъ Кобѣржицкій, по г. Костомарову (страница 57-я), считая самозванца отнюдь не Дмитріемъ, а обманщикомъ и пришельцемъ изъ Московіи, не называетъ его Гришкою Отрепьевымъ. Другой польскій историкъ Лубенскій, считая его также обманщикомъ, изъясняетъ сомнѣ-

ніе въ тому, чтобы онъ былъ Гришка Отрепьевъ, какъ Москвитяне считаютъ его. Кто же былъ другой человекъ, который называлъ себя Гришкою Отрепьевымъ? Карамзинъ говоритъ (страница 320-я): «доселъ мы могли затрудняться однимъ важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный въ Европѣ капитанъ Маржеретъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшествія собственными глазами, увѣрялъ Генриха IV, знаменитаго историка Де-Ту и читателей своей книги о Московской Державѣ, что Григорій Отрепьевъ былъ не Лжедмитрій, а совсѣмъ другой человекъ, который съ нимъ (самозванцемъ) ушелъ въ Литву, и съ нимъ же возвратился въ Россію, велъ себя непристойно, пьянствовалъ, употреблялъ во зло благосклонность его, и сосланный за то въ Ярославль, дожилъ до воцаренія Шуйскаго».

Мы скажемъ отъ себя, что если бы слова Маржерета были справедливы, то остроумное предположеніе г. Костомарова, что царевичъ Димитрій былъ спасенъ Бѣльскимъ, было бы весьма вѣроятно; точно также можно бы было поддерживать предположеніе, что самозванецъ былъ полякомъ или трансильванцемъ, незаконнымъ сыномъ Баторія. Но Карамзинъ продолжаетъ (страница 320-я): «нынѣ, отыскавъ новыя современныя преданія историческія, изыскаемъ Маржеретово сказаніе обманомъ монаха Леонида, который назвался именемъ Отрепьева для увѣренія Россіянъ, что самозванецъ не Отрепьевъ». И дѣйствительно Карамзинъ, въ примѣчаніи 201-мъ, подтверждаетъ это указаніемъ на лѣтописи, гдѣ сказано: въ современной рукописной *«Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ»*: «Прельсти съ собою отити въ Кіевъ трехъ Инокъ: Черньца Мисапла да Черньца Венедикта (вмѣсто Варлаама: см. ниже, примѣч. 202-е), Черньца Леонида, Крыпецкаго монастыря — и жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, и повелъ тому Леониду зватися своимъ именемъ, Гришкою Отрепьевымъ, а самъ ложно наименовалъ себя царевичемъ Димитріемъ». Въ Морозов. Лѣт. (л. 96) тоже извѣстіе съ прибавленіемъ «и провозвѣщая о себѣ въ Кіевѣ, будто Богъ его избавилъ отъ убіенія Бориса, нѣкою женою сохраненъ бысть и отданъ былъ въ монастырь на соблюденіе». Такъ по Карамзину. А г. Костомаровъ на страницѣ 33-й пишетъ: «Морозовская лѣтопись говоритъ, что эту роль Гришки на себя взялъ чернецъ Пимень: умышленная и неудачная ложь, ибо мы знаемъ изъ патріаршей грамоты, что чернецъ Пимень былъ въ концѣ 1604 года въ Россіи (если вѣрить ей въ этомъ); проводивши Гришеу

Отрепьева до границы литовской, онъ воротился назадъ. Повѣсть о Борисѣ и разстригѣ говоритъ, «что это былъ Леонидъ, инокъ Крыпецкаго монастыря, который сопутствовалъ самозванцу вмѣстѣ съ Михаиломъ Поваднымъ и Варлаамомъ. Но странно, что объ этомъ Леонидѣ упоминается въ одномъ только сочиненіи». Нѣтъ, г. Костомаровъ, не въ одномъ сочиненіи. Въ «Иномъ сказаніи о Самозванцахъ,» на страницѣ 22-й говорится: «Борису же царю клеветницы въ слухъ приносяще на глаголющихъ, что идетъ Дмитрей, а не разстрига, да и разстригу же прямо съ собою къ Москвѣ везеть и оказуетъ его, чтобы несумнялись люди;» а на страницѣ 28-й: «а знающа его не бе никогожь въ тѣхъ странахъ, а которой старецъ именемъ Леонидъ съ нимъ шель до Путимля, а назывался его именемъ Гришкинымъ Отрепьевымъ ино казали многимъ его въ Литвѣ и въ Сѣверскихъ предѣлахъ, и въ Путимли его въ темницы засадиъ будто за вину нѣкоторую».

Въ трагедіи «Лжедмитрій» въ 10 былинахъ, на которую мы ссылаемся, гдѣ даже рѣчи приведены изъ лѣтописей, выставленъ совѣтникомъ Гришки Отрепьева Леонидъ, потому что по всѣмъ соображеніямъ онъ принялъ на себя имя Гришки Отрепьева, хотя г. Костомаровъ и говоритъ (страница 33-я): «да и какъ можно вѣрить вообще, что кто-то въ угодность самозванцу, принялъ на себя имя Гришки Отрепьева».

У Карамзина на страницѣ 25-й говорится, что одинъ злой инокъ посовѣталъ Отрепьеву назваться царевичемъ Димитріемъ, и въ примѣчаніи 195-мъ къ его исторіи, сказано, что Беръ этого злого совѣтника называетъ Отрепьевымъ. Тотъ злой монахъ у Петрея (Сказанія современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ. Устрялова. Часть 1-я, страница 368-я) называется Отрепьевымъ изъ Крыпецкаго монастыря, а Леонидъ былъ изъ Крыпецкаго монастыря. Слѣдственно Леонидъ былъ и злымъ совѣтникомъ и подставнымъ Отрепьевымъ. Леонидъ былъ другой человѣкъ, а не Гришка Отрепьевъ, котораго имя онъ принялъ, еще потому, что Петрей рассказываетъ (Сказанія современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ. Устрялова. Часть 1-я, страница 369-я), что Гришка имѣлъ смуглое лицо и густые черные волосы, тогда какъ мы знаемъ, что дѣйствительный самозванецъ былъ рыжий, съ бѣлымъ лицомъ.

Самъ Маржереть утверждаетъ, (Сказанія современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ. Устрялова. Часть 1-я, страница 310-я) что «раз-

стрига до побѣга изъ Россіи, слылъ негодемъ и горькимъ пьяницей». И дѣйствительно Леонидъ былъ пьяницей, а самозванецъ, какъ извѣстно изъ исторіи, не пилъ. Въ сказаніи и повѣсти «еже содѣяся» (стр. 4-я) сказано: «той же лютой волкъ отнюдь не воспрія питія, но желаше насытитися въ питья мѣсто крови Святыхъ; старца же она, Мисаиль, и Варлаамъ, зѣло не годующи о томъ на него, яко да съ ними не піеть, но творить себе яко святъ.»

Можно сказать, что исторія о Леонидѣ частію сбила съ толку и современниковъ и потомство. Онъ былъ однимъ изъ важныхъ дѣятелей у самозванца, при вступленіи его въ Россію, въ пользу его волновадъ Украйну, и былъ въ Ельцѣ при сдачѣ этого города самозванцу. При этомъ случаѣ Карамзинъ (примѣчаніе 254) упоминаетъ, что Гревенбрухъ и Де-Ту, называли его Гришкою Отрепьевымъ.

Высказавъ наше мнѣніе о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ, перейдемъ въ другимъ подробностямъ книжки г. Костомарова. Г. Костомаровъ на страницѣ 2-й говоритъ: «первымъ протестомъ изъ Московскаго государства противъ него, самозванца, были двѣ грамоты отъ пограничныхъ Черниговскихъ воеводъ: одна отъ Михаила Кашина-Оболенскаго, другая отъ князя Татева. Въ обѣихъ извѣщается, что называющій себя Димитріемъ былъ бѣглый чернецъ; но онъ не называется Гришкою». Отвѣчаемъ, что могли не называть его Гришкою изъ благоразумія, такъ какъ въ началѣ, при появленіи самозванца въ Польшѣ, нельзя было навѣрное сказать, что это за человекъ? Но можетъ быть Михаилъ Кашинъ-Оболенскій и князь Татевъ не хотѣли также обижать самозванца названіемъ Гришки Отрепьева. Оба эти воеводы впоследствии были пожалованы въ бояре Лжедмитріемъ, а князь Татевъ былъ его приверженцемъ и послѣ проиграннаго сраженія при Добрыничахъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ въ Рылъскъ. Лжедмитрій посылалъ его также къ Сигизмунду просить о помощи.

Въ первыхъ грамотахъ не было ничего опредѣленнаго. Соловьевъ говоритъ (страница 93-я): «такъ въ 1604 году прислана была грамота къ старостѣ Остерскому отъ Черниговскаго воеводы князя Кашина-Оболенскаго, гдѣ говорилось, что царевичъ Димитрій самъ зарѣзался въ Угличѣ, тому лѣтъ 16, ибо случилось это въ 1588 году, и погребли его въ Угличѣ же, въ Соборной церкви Богородицы; а теперь монахъ изъ Чудова монастыря, вышедшій въ Польшу въ 1593 году, называется царевичемъ. Мосевичи, бывшіе при самозванцѣ, до-

казывали полякамъ, что вмѣсто царевича убили другаго ребенка въ Угличѣ въ 1591 году, и похоронили его въ Соборной церкви Св. Спаса, а не Богородицы, которой церкви нѣтъ вовсе въ Угличѣ, доказывали многими свидѣтельствами, что царевичъ ихъ вышелъ въ Польшу въ 1601 (?) году, а не въ 1593. Потомъ уже, въ 1605 году, пришла грамота, въ которой говорилось, что царевичъ умеръ въ Угличѣ тому лѣтъ 13, а князь Татевъ писалъ изъ Чернигова, что это происшествіе случилось тому 14 лѣтъ назадъ».

Г. Костомаровъ пишетъ (страница 3-я): «постникъ Огаревъ, дворянинъ, посланъ былъ Борисомъ октября 14-го. Паны въ тѣхъ же самыхъ и послѣдующихъ сношеніяхъ объяснили боярамъ, что этотъ посланникъ пріѣзжалъ съ грамотою отъ Бориса собственно о пограничныхъ недоразумѣніяхъ, но, между прочимъ, грамота касалась и того, что во владѣніяхъ короля находится бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ, называющійся Димитріемъ Углицкимъ, и посылаетъ грамоты въ украинскіе города Московскаго государства. Приглашали короля поймать его и наказать. Король отвѣчалъ, что такъ какъ этотъ человекъ находится уже въ предѣлахъ Московскаго государства, то тамъ его удобнѣе поймать». (Дѣла Арх. Ин. Д. № 26 и 27, suppl. ad. Hist. Russ. mon. 418).

Въ то же время въ разрядныхъ книгахъ записано, что царю «учинилась вѣсть (слѣдовательно въ первый разъ царь узналъ), что напелся въ Литвѣ воръ, который называется Димитріемъ Углицкимъ». И тутъ же слѣдуетъ заключеніе, «что этотъ воръ долженъ быть Гришка Отрепьевъ». Мы скажемъ, что въ Москвѣ съ большою вѣроятностію могли предполагать, что явившійся царевичъ есть Гришка Отрепьевъ, да и въ Польшѣ подозрѣвали это. Вотъ что говорится у Карамзина (примѣчаніе 237), см. Дѣла Польск. № 26. л. 64. на об. 73 и 77): «Король и паны накупили (на Россію) Казы-Гирея царя... и писали къ нему съ гонцомъ съ Онтономъ Черкашениномъ о разстригѣ Гришкѣ, что будто въ Литвѣ царевичъ Дмитрій, и Жигимонтъ Король отпускаетъ его на Государя нашего (Бориса) землю войною, чтобъ Крымской далъ ему помочъ». Мы прибавимъ еще, что сынъ боярскій Яковъ Пыхачевъ и монахъ Варлаамъ въ Польшѣ говорили также, что явившійся царевичъ есть никто иной какъ Гришка Отрепьевъ. Но безъ сомнѣнія въ этомъ удостовѣриться совсѣмъ можно было только тогда, когда самозванецъ пришелъ въ Москву. На страницѣ 4-й г. Костомаровъ упоминаетъ о томъ, что патріархъ

для изобличенія самозванца посылалъ къ князю Острожскому Афанасію Пальчикова, а на страницѣ 5-й онъ говоритъ: «если исключить сомнительныя посольства Смирнаго и Пальчикова, то до 1605 года только въ посольствѣ постника Огарева и въ приговорѣ о высылкѣ на службу (людей) видны шаги къ тому, чтобы назвать самозванца опредѣленнымъ именемъ Гришки Отрепьева». Мы принимаемъ слова г. Костомарова «сомнительныя посольства Смирнаго и Пальчикова» въ томъ смыслѣ, что Смирной и Пальчиковъ не видѣли самозванца, но никакъ не въ томъ, чтобы самихъ этихъ посольствъ не было. О посольствѣ Смирнаго упоминается въ польскихъ дѣлахъ, у насъ, и о немъ говоритъ Паэрле. Поляки не хотѣли показывать самозванца. Въ русской лѣтописи по Никонову списку на страницѣ 60-й говорится: «Смирной же просилъ, чтобы тово вора ему показали, они же ему ево не показаша, и отпустиша ево в Москве ни с чемъ. Смирной же пришедъ возвести все царю Борису, царь же Борисъ слышавъ ихъ лукавство, посла по городамъ к литовскому рубежу воеводъ своихъ со многою ратью, и повелѣ по городамъ окрепити осады».

На страницѣ 5-й и на слѣдующихъ г. Костомаровъ подробно разбираетъ патріаршую грамоту, въ которой объявлялось, что самозванецъ Гришка Отрепьевъ, и находитъ въ ней разнорѣчія. Если лѣтописи не списаны одна съ другой, то въ нихъ всегда найдутся разнорѣчія, но г. Костомаровъ хорошо дѣлаетъ, что указываетъ на нихъ. Въ первое время патріархъ могъ ошибаться въ подробностяхъ, относительно явленія самозванца въ Польшѣ, хотя Карамзинъ говоритъ (страница 320-я): «царь Годуновъ имѣлъ способы отереть истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ, когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ столь важномъ, Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедмитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на самозванца».

Въ русской лѣтописи по Никонову списку (страница 60-я) сказано: «самъ же (Борисъ) посла лазутчика въ Литву провѣдывать, кто есть онъ. И шедъ лазутчики провѣдаша про него и опознаша, и придоша возвѣстиша царю Борису, онъ же о томъ посмѣяся, вѣдая онъ то, что хотѣлъ его сослать на Соловки взаточение». А въ примѣчаніи 229 у Карамзина сказано: «Борису служили тогда лазут-

чиками многіе изъ жителей Малороссіи: между архивскими бумагами сохранилась челобитная одного тамошняго мѣщанина о награжденіи его за вѣсти о самозванцѣ».

Мы полагаемъ, что слова г. Костомарова (на страницѣ 13-й) что «пущенная Борисовымъ правительствомъ мысль, что бродяга, называвшій себя Димитріемъ, есть Гришка Отрепьевъ, служила однако предлогомъ для враговъ Димитрія во время его царствованія. Чуть только кто былъ не доволенъ царемъ, то имѣлъ способъ выразить свое неудовольствіе, назвавши его Гришкою-разстригою», несправедливы. Точно также какъ и слова на страницѣ 31-й «въ писаніи вошли разные рассказы о явленіи перваго самозванца, ходившіе изъ устъ въ уста, а въ нихъ имя Гришки, брошенное изначала патриархомъ и Борисомъ, приняло право исторической достовѣрности, перешло во всѣ исторіи и до сихъ поръ соединяется съ личностію перваго самозванца». И на страницѣ 47-й, «когда наконецъ разнеслась вѣсть о томъ, что Димитрій открылся, Борисъ, патриархъ и всѣ ихъ клеветы—стали соображать и догадываться, кто бы это былъ изъ бѣжавшихъ; напали на имя Гришки Отрепьева, монаха, дѣйствительно бѣжавшаго изъ Чудова монастыря, стали подозрѣвать въ немъ Димитрія, а когда пришла необходимость увѣрить народъ, что явившійся подъ именемъ Димитрія, вовсе не Димитрій и назвать вора другимъ именемъ, то и употребили Гришкино имя». Мы отвѣчаемъ, что не напали на имя Гришки Отрепьева, а что безъ сомнѣнія, какъ всегда бываетъ, сначала стали соображать и догадываться, по томъ догадки оказались вѣрными.

Г. Костомаровъ говоритъ, (страница 6-я и слѣдующая): что «Венедиктъ и Стефанъ иконникъ свидѣтельствовали (передъ патриархомъ), что Гришка, убѣжавши къ Адаму Вишневецкому, тамъ, по умышленію князей Вишневецкихъ и по королевскому повелѣнію, началъ называться княземъ Димитріемъ Углицкимъ.

Изъ этихъ извѣстій невозможно вывести несомнѣнно, чтобъ самозванецъ, вышедшій тогда въ Сѣверскую землю, былъ именно Гришка». Несомнѣнно, г. Костомаровъ, нельзя вывести, но почему же нельзя принять къ соображенію извѣстій Венедикта и Стефана иконника, хотя бы они основывались на слухахъ. Кіевъ городъ многолюдный, столица югозападной Руси, туда могли доходить вѣроятные слухи. Патриархъ могъ впасть въ заблужденіе потому, что какъ г. Костомаровъ говоритъ (страница 7-я) «Венедиктъ и Стефанъ икон-

никъ могли услышать, что проявился, называющій себя Димитріемъ Углицкимъ, и вспомнивъ бѣжавшаго бродягу Гришку, сообразили: ужъ не Гришка ли этотъ новоявленный Димитрій? Такъ могло быть только при полной добросовѣстности. Но сама грамота патріархова не признаетъ за ними этого качества, напротивъ, называетъ ихъ ворами, *которые товарищи его воры въ Литву, за рубежъ ея проводили и которые про него подлинно вѣдаютъ, и въ Литву съ нимъ зналися.* Если они воры, т. е. преступники, то слѣдовательно могли ждать за воровство свое наказанія. А въ такомъ случаѣ имъ было естественно дѣлать то, что можетъ избавить ихъ отъ наказанія или облегчить его тяжесть».

Г. Костомаровъ разбираетъ челобитную Варлаама. На страницѣ 20-й онъ пишетъ: среди стѣсненныхъ обстоятельствъ, когда Болотниковъ стоялъ подъ Москвою, держалъ ее въ осадѣ, а въ Москвѣ ждали только обѣщаннаго царя Димитрія, чтобъ выдать ему Шуйскаго, явилась челобитная Варлаама, того самаго; о которомъ въ окружной грамотѣ патріарха Иова было сказано, что съ нимъ убѣждалъ изъ Москвы Гришка Отрепьевъ.

Въ ней (челобитной Варлаама) говорится: «что Гришка спознался съ нимъ и убѣждалъ изъ Москвы въ 1602 году, въ великій постъ. Тогда какъ поляки сообщали, что монахъ, который объявился подъ именемъ Димитрія, уже въ 7109 году (то есть съ сентября 1600 по сентябрь 1601 года) былъ въ Кіевѣ». Будемъ отвѣчать г. Костомарову, что раньше или позже 1602 года бѣжалъ Отрепьевъ, это несколько не опровергаетъ, чтобы Варлаамъ не сопровождалъ его. Да и самъ г. Костомаровъ на страницѣ 47-й упоминаетъ: «въ выпискѣ изъ разряда говорится, что онъ, Гришка, убѣждалъ въ 111 году, а въ челобитной Варлаама по одному списку въ 110, по другому въ 111 году». Карамзинъ также не опредѣляетъ времени, когда самозванецъ представлялся королю Сигизмунду; у него на страницѣ 133-й сказано: «вмѣстѣ съ воеводою Сендомирскимъ и княземъ Вишневецкимъ Отрепьевъ (въ 1603 или 1604 г.) явился въ Краковѣ». Г. Костомаровъ въ своихъ догадкахъ по этому предмету ссылается также на Маржерета, но Маржеретъ говоритъ не о бѣгствѣ самозванца, а о слухахъ, которые начали о немъ ходить въ 1600 г. Г. Костомаровъ продолжаетъ: «Варлаамъ рассказываетъ, что, проживши въ Печерскомъ монастырѣ три недѣли, Гришка задумалъ идти къ князю Острожскому. Тогда Варлаамъ извѣщалъ на него архимандриту, чтобъ тотъ удержалъ его; ибо если онъ пойдетъ, то свинетъ съ себя

ппоческое платье». Но архимандритъ сказалъ ему: «здѣсь земля вольная, — въ какой вѣрѣ кто хочетъ, въ той и пребываетъ». Послѣ этого самъ Варлаамъ отправился съ Гришкою въ г. Острогъ. Странно, что Гришка отправился вмѣстѣ съ человѣкомъ, который на него уже доносилъ и паблюдалъ надъ нимъ. Трудно предположить такую неосторожность въ плутѣ, затѣвующемъ важное плутовство». Отвѣчаемъ, что самозванецъ дѣйствительно былъ неостороженъ, какъ показываетъ вся его жизнь, и тогда еще онъ не могъ быть увѣренъ — удастся ли его предпріятіе или нѣтъ. Все зависѣло отъ того, что его поддержали іезуиты и король Сигизмундъ. Притомъ, кажется, что Варлаамъ невольно былъ увлеченъ идти за самозванцемъ: въ челобитной Варлаама сказано: «я билъ челомъ архимандриту и братіи, чтобы дали сожителствовать мнѣ у себя въ Печерскомъ монастырѣ; архимандритъ и братія мнѣ не дали, четыре де васъ пришло, четверо и подите». Варлаамъ провожалъ самозванца до г. Острога, откуда онъ отправился въ Дерманскій монастырь, а Гришка Отрепьевъ въ Гоцу. Весьма естественно, что послѣ этого Варлаамъ могъ говорить объ Отрепьевѣ только по слухамъ. Ему можетъ быть неизвѣстно было, что князь Адамъ Вишневецкій передалъ Григорію Отрепьева брату свосму Константину, и что самозванецъ поэтому жилъ не въ Вишневцѣ, а въ Жиложицахъ. Варлаама могло только поразить, что Григорій Отрепьевъ представлялся королю Сигизмунду. Г. Костомаровъ говоритъ: «Варлаамова челобитная рассказываетъ пребываніе Гришки у короля и приводитъ длинную рѣчь, которую будто-бы говорилъ Гришка королю. Изъ Кракова претендентъ уѣхалъ въ Самборъ къ Мнишку. Какимъ образомъ могъ слышать эту рѣчь Варлаамъ? Уже это одно приведеніе рѣчи въ такомъ подробномъ видѣ побуждаетъ подозрѣвать справедливость всей челобитной». Отвѣчаемъ, что самую рѣчь Варлаамъ не слышалъ, но вѣроятно о представленіи самозванца королю, говорили всѣ въ Польшѣ, и рѣчь эта не такого рода, чтобы опровергала всю челобитную Варлаама. Ее могъ бы сказать всякій русскій, который зналъ объ убіеніи царевича Дмитрія. Вотъ она: «слыхалъ ли де еси про Московскаго Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи Самодержца коль былъ великъ и грозенъ, во многихъ ордахъ бысть славенъ, а язъ сынъ его присный Князь Дмитрей Ивановичь, и какъ судомъ Божиимъ отца нашего на Россійскомъ Государствѣ не стало, а остался на Московскомъ Государствѣ Царемъ братъ нашъ Θεодоръ Ивановичь всеа Русіи; а меня

измѣнники наши послали на Угличъ и прислали по многія времена многихъ воровъ и велѣли портети и убити, и Божіимъ произволеніемъ и его вѣрною десницею покрывшаго насъ отъ ихъ злодѣйскихъ умысловъ, хотящихъ насъ злой смерти предати; и Богъ милосердый злокозненнаго ихъ помысла не восхотѣ исполнити, и меня невидимою силою укрылъ, и много лѣтъ въ судьбахъ своихъ сохранилъ даже до лѣтъ возрасту нашего; и нынѣ я приспѣвъ въ мужество и Божію помощію помышляю итти на престоль прародителей своихъ на Московское Государство, и говоря то проливаетъ многія слезы: а и то было тебѣ милостивый королю мощно разумѣти, какъ толкъ твой холопъ тебя или брати твоего или сына у тебя истеряетъ да завладѣетъ твоимъ царствомъ, каково тебѣ въ тѣ поры будетъ, разумѣй по сему и мнѣ нынѣ каково есть; и ина много ему говоря и скажуя».

Г. Костомаровъ продолжаетъ: «далѣе Варлаамъ говоритъ, что онъ извѣщалъ королю о томъ, что называющій себя Димитріемъ есть Гришка Отрепьевъ. Король, не повѣривъ ему, отправилъ его къ Гришкѣ въ Самборъ. Тамъ товарища его Якова Пыхачева казнили, а его бросили въ тюрьму. Сендомирскій воевода съ Гришкою отправились въ походъ, а онъ остался въ тюрьмѣ, потомъ уже жена Мнишкова и дочь Марина освободили его. Здѣсь странно то, что Варлаамъ, разставшись съ Гришкою еще въ 1602 году и оставшись въ Дерманскомъ монастырѣ, не говоритъ, какимъ образомъ онъ услѣдилъ, что называвшій себя Димитріемъ былъ Гришка, и какъ очутился въ Краковѣ у короля. Странно и то, почему одного казнили, другаго только въ тюрьму заключили, когда слѣдовало бы казнить Варлаама, ибо Варлаамъ, а не Яковъ, извѣщалъ королю, слѣдовательно Варлаамъ былъ опаснѣе Якова». На это можно сказать г. Костомарову, что изобличеніе Пыхачева было слишкомъ рѣзко: Варлаамъ въ своей челобитной говоритъ: «а онъ Яковъ и у казни называлъ его разстригою Гришкою Отрепьевымъ». А изобличеніе Варлаама могло быть слабо, даже въ послѣдствіи онъ могъ и хвастать своимъ изобличеніемъ самозванца. Г. Костомаровъ самъ отдаетъ справедливость мягкосердію самозванца, на стр. 51-й, онъ говоритъ: «Димитрій продержался почти годъ. Какія жестокости учинилъ онъ?» Впрочемъ не самозванецъ, а Марина и жена Мнишка освободили изъ тюрьмы прежняго его товарища. Хотя же Варлаамъ, оставшись въ Дерманскомъ монастырѣ, не могъ услѣдить, что называвшій себя Димитріемъ, былъ Гришка Отрепьевъ, однако послѣ онъ могъ узнать въ немъ того же самаго Отрепева.

Важнѣе замѣчаніе г. Костомарова, что челобитная Варлаама противорѣчитъ грамотѣ патриарха Іова, что въ грамотѣ патриаршей Варлаамъ названъ монахомъ чудовскимъ, а въ челобитной онъ себя самъ называетъ постриженникомъ Пафнутьевскаго Боровскаго монастыря. Но если г. Костомаровъ самъ нашель, что грамота патриарха невѣрна, неосновательна, то и здѣсь противорѣчіе уничтожается.

Г. Костомаровъ указываетъ на неточность названія отца Гришки Отрепьева: одни именуютъ его Богданомъ, другіе—Яковомъ. Карамзинъ называетъ Богданъ-Яковъ.

Что касается до бѣгства самозванца изъ Россіи, то путь, по которому онъ шелъ, въ лѣтописяхъ показывается разнымъ. Варлаамъ говоритъ, что онъ съ самозванцемъ изъ Москвы ѣхалъ до Болхова, а изъ Болхова до Карачева и изъ Карачева до Новгорода-Сѣверскаго, слѣдственно прямою дорогою, а въ Никоновской лѣтописи говорится, что самозванецъ отправился изъ Москвы въ Галичь на Желѣзный Борокъ, оттуда въ Муромъ, а потомъ въ Брянскъ и въ Новгородъ-Сѣверской, сдѣлавши такимъ образомъ большой кругъ. Но и это противорѣчіе можно согласить, если принять слова изъ «Иного сказанія о самозванцахъ», гдѣ на страницѣ 10-й говорится: «и по малѣ времени изыде отъ Николы Чудотворца отъ Угрѣши и вселися въ предѣлѣхъ града Костромы вообще мѣсто въ монастырь Іоанна Предтечи на Желѣзномъ Борку, и оттуда паки прииде опять къ Москвѣ, и оттуда оставя православную вѣру христіанскую отбѣжа въ Литву, и прелсти съ собою отыти дву инокъ черньца Мисапла Повадина да черньца Варлаама».

Г. Костомаровъ на страницѣ 20-й говоритъ о челобитной Варлаама, что «когда прочитаешь ее, то съ перваго раза она какъ будто носить печать истины; но всмотрѣвшись пристальнѣе, увидишь много несообразностей, обличающихъ умышленную составленность». На это мы сдѣлаемъ обыкновенное замѣчаніе, что умышленность въ составленіи исторіи замѣтна и въ повѣйшее, просвѣщенное время у самыхъ лучшихъ писателей, даже если строго судить и у добросовѣстнаго Карамзина, если только принимать слово умышленность въ томъ смыслѣ, что Карамзинъ смотрѣлъ на исторію Россіи съ своей точки зрѣнія. «Иное сказаніе», гдѣ помѣщена челобитная Варлаама, есть одно изъ самыхъ важныхъ историческихъ преданій, не смотря на то, что въ немъ говорится будто Годуновъ былъ причиною смерти

царя Феодора Ивановича (страница 7-я): «бѣ же и то его Феодора (преставленіе отъ неправеднаго убійства тогожъ Бориса», и что въ этомъ «Иномъ сказаніи», писатель оказывается приверженцемъ Шуйскаго.

О достовѣрности этого сказанія И. Бѣляевъ, помѣстившій его во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, въ своемъ предисловіи говоритъ: «о достоинствахъ издаваемаго сказанія редакція Временника не имѣетъ нужды здѣсь распространяться; ибо для ученыхъ хорошо извѣстно, какъ важны историческіе источники, уцѣлевшіе въ своемъ первоначальномъ видѣ, неискаженные послѣдующими передѣлками и дополненіями, и особенно источники современные описываемымъ въ нихъ событіямъ, и притомъ подтверждаемые тутъ же помѣщенными официальными документами». А на страницѣ 37-й самъ сочинитель «Иного сказанія» говоритъ: «покусихъ же ся азъ многогрѣшный и грубый Богови и не потребный разумомъ, предати повѣсть сію писаніемъ. Не слухомъ увѣряяся кромѣ того, какъ той еретикъ и законопреступникъ былъ въ Литовстей земли, а что сотворися въ Россійскомъ Государствѣ, то вся сія зря своимъ очима».

Намъ кажется, что сомнѣніе у г. Костомарова, что самозванецъ не былъ Гришкою Отрепьевымъ зародилось у него на первой страницѣ, гдѣ онъ говоритъ: «самозванецъ, какъ мы докажемъ впоследствии, появился въ Польскихъ владѣніяхъ въ 1600—1601 годахъ, а первыя заявленія о томъ, что онъ Гришка Отрепьевъ, явились въ 1604 году, и положительно только къ концу этого года». Дѣйствительно, скажемъ мы, что послѣ того какъ Гришка Отрепьевъ бѣжалъ изъ Москвы прошло болѣе года или по г. Костомарову болѣе четырехъ лѣтъ и когда въ Польшѣ появился самозванецъ, то первыя заявленія о немъ были шатки.

Но вотъ иннокъ Варлаамъ, который шагъ за шагомъ, какъ тѣнь, слѣдитъ за Гришкою Отрепьевымъ, и котораго любопытныя и достовѣрныя сказанія утверждаютъ, что самозванецъ былъ Гришка Отрепьевъ.

Коснемся еще одного вопроса. Подставили ли бояре самозванца? Буссовъ (Сказанія современниковъ о самозванцѣ. Устряловъ, Часть 1-я, страница 39-я) говоритъ: «вѣсть о такомъ происшествіи (о взятіи Путивля) ужаснула Бориса. Онъ сказалъ князьямъ и боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло (въ чемъ и не ошибся), что они

измѣною и крамолами стараются свергнуть его съ престола». Посольства въ Польшу Смирнаго-Отрепьева и племянника Прокофія Ляпунова показываютъ, что бояре помогали самозванцу. Извѣстія, что самозванецъ служилъ у бояръ и что принятіе имъ на себя имени царевича Димитрія совпадаетъ съ гоженіемъ ихъ Годуновымъ: такъ какъ Бѣльскій, Романовы и ихъ родственники были сосланы или судимы въ то время, когда разнесся слухъ о самозванцѣ, въ 1600 году, заставляють предполагать, что бояре подстановили его. Но по одному обстоятельству нельзя принять такого мнѣнія. Обстоятельство это есть лѣта самозванца.

Въ «Иномъ сказаніи о самозванцахъ» (на страницѣ 10-й) говорится: «острижеса въ ипоческій образъ и парчеса имя ему Григорій; въ то время бысть лѣтъ 14». По этимъ словамъ, если даже считать, что самозванецъ былъ такъ же лѣтъ какъ убитый царевичъ Димитрій, выйдетъ, что онъ постригся въ монахи прежде вступленія на престолъ Годунова. Карамзинъ (страница 317-я) говоритъ: «въ заключеніе упомянемъ о свидѣтельствѣ извѣстнаго Шведа Петрея, который былъ посланникомъ въ Москвѣ отъ Карла IX и Густава Адольфа, лично зналъ самозванца и пишетъ, что онъ казался человѣкомъ лѣтъ за тридцать, а Димитрій родился въ 1582 году и слѣдственно имѣлъ бы тогда не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ отъ рожденія». Въ такомъ случаѣ самозванецъ и подавно постригся въ монахи задолго до восшествія на престолъ Годунова. Нѣтъ! бояре не подставляли самозванца, а могли знать о его поступкахъ и содѣйствовать ему. Но Карамзинъ, какъ мы выше видѣли, объ этомъ не говоритъ.

Указанія нами лѣта самозванца могутъ повести къ нѣкоторымъ предположеніямъ, но мы отъ нихъ удерживаемся.

Безсовѣстность и недовѣріе были общою чертою тогдашнихъ нравовъ. Бѣльскій цѣловаль крестъ, что Гришка Отрепьевъ есть истинный царевичъ; князь Василій Голицынъ велѣлъ связать себя и выдать самозванцу, чтобы показать, что не онъ самъ измѣняетъ. Другіе также вѣроломно переходили къ Лжедимитрію. Читая исторію Годунова и самозванца невольно спрашиваешь, много ли было въ тогдашнее время честныхъ людей въ Россіи?

Да, такихъ людей мы находимъ въ Осиповѣ, Григорій Васильевичъ Годуновъ и другихъ. Но они были искры въ темную ночь.

Взглянемъ на положеніе самаго Годунова, его отношеніе къ под-

данномъ. Онъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ нашихъ царей! Добръ, уменъ, рано полюбилъ Европу. «Первые два года его царствованія, говоритъ Карамзинъ (примѣчаніе 94), казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія». Но Годуновъ по неволѣ изъ добраго государя сдѣлался тираномъ. Причиною тому была не только зависть бояръ, но и убіеніе имъ царевича Димитрія. Тѣнь Димитрія преслѣдовала его, онъ не могъ ее отогнать и наконецъ она его убила. Въ новѣйшее время нѣкоторые сомнѣвались, убилъ ли Годуновъ царевича? Да, онъ послалъ къ нему убійць, и какъ умный человѣкъ скрылъ свое содѣйствіе. Однако его злодѣяніе разгадали, да и на это есть прямые доказательства. Одинъ изъ приближеннѣйшихъ къ нему людей, бывшій съ нимъ въ родственныхъ связяхъ, царь Василій Ивановичъ Шуйскій, которому лучше всѣхъ было извѣстно дѣло царевича Димитрія, въ 1606 году (грамота въ Пермь Великую изъ Москвы страница 9-я) говорилъ: «въ прошломъ въ 99 году, за грѣхъ всего православнаго крестьянства, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Руссіи сынъ, благовѣрный царевичъ Князь Дмитрей Ивановичъ, по зависти Бориса Годунова яко агня незлобивое заклася».

Тогдашнее состояніе Россіи, гдѣ не было опредѣленныхъ правъ, гдѣ многое основывалось на случайности, на выгодахъ, особенно ея невѣжество объясняютъ странную исторію самозванца, объясняютъ какимъ образомъ монахъ, могъ достигнуть престола и потрясти Россію въ ея основаніяхъ.

Но даже основываясь на сухихъ лѣтописяхъ, какъ мы доказали, можно быть увѣреннымъ, что самозванецъ былъ Гришка Отрепьевъ.

- Опровергая г. Костомарова мы имѣли въ виду защитить отъ нападковъ упомянутую нами трагедію «Лжедимитрій» въ 10-ти былинахъ, въ которой духъ времени при Лжедимитріѣ выраженъ чрезвычайно вѣрно и подъ образомъ драмы, сколько можно было, на театрѣ представлена тогдашняя исторія, въ главныхъ событіяхъ. Но кто могъ оцѣнить ее, если, по нашему мнѣнію, и г. Костомаровъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ историческихъ писателей, не такъ понимаетъ исторію самозванца. Но ни въ трагедіи, гдѣ имѣлась драматическая цѣль, ни въ разборѣ нашемъ сочиненія г. Костомарова не разъяснено вполне смутное время, почему мы и присовокупляемъ еще нѣсколько словъ. Если исторію Россіи слѣдуетъ раздѣлить, какъ мы думаемъ, на три періода: первый нормандскій отъ основанія Руси до наше-

ствія татаръ, 2-й татарскій или азіатскій отъ нашествія татаръ до Петра Великаго, и 3-й европейскій отъ Петра Великаго до нашего времени, то подраздѣленіе перваго періода будетъ введеніе христіанской вѣры въ Россіи, подраздѣленія втораго періода вступленіе на престоль Іоанна III и Михаила Ѳедоровича Романова. Теперь спрашивается, какой смыслъ имѣло смутное время, въ слѣдствіе котораго вступилъ на престоль Россіи домъ Романовыхъ? Безъ сомнѣнія преобразованія. Это даже мы видимъ въ попыткахъ Шуйскаго при вступленіи его на престоль, въ его грамотѣ говорится: «мнѣ Великому Государю всякаго челоуѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отымати, будетъ которые съ ними въ мысли не были: также у гостей и у торговыхъ людей (въ древнемъ спискѣ, принадлежавшемъ покойному А. И. Ермолаеву, прибавлено: и у черныхъ людей), хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертна вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отымати, будетъ съ ними они въ той винѣ не винны; да и доводовъ ложныхъ мнѣ Великому Государю не слушати, а сыскивати всякими сыски на крѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибли, а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ не подѣльно, тѣмъ самъ осудится». (Карамзинъ. Томъ 12-й. Примѣчаніе 4-е). Мы согласны съ тѣмъ, что говоритъ Соловьевъ (Томъ 9-й, страница 471-я) «онъ (самозванецъ) явился слишкомъ рано еще, именно столѣтіемъ раньше; люди, которые могли не оскорбиться его поведеніемъ, не составляли въ это время даже и меньшинства, они составляли исключеніе, притомъ же въ послѣдствіи открыли, что онъ былъ самозванецъ, обманщикъ, оболститель, слѣдовательно необходимо орудіе духа лжи и оболщенія; наконецъ явился невѣдомо какъ, достигнулъ царства изумительными, чудесными для большинства средствами».

Мы прибавимъ къ словамъ Соловьева, что не легкомысленному самозванцу можно было предпринимать преобразованія, для этого надобно было имѣть права Петра Великаго на престоль и его жездѣзную волю.

www.libtool.com.cn

32

10

www.libtool.com.cn

73

1

48

179
179

www.libtool.com.cn

1000000000

Stanford University Libraries

3 6105 004 101 635

2/15/11

[Handwritten signature]

1000000000

1000000000

1000000000

www.libtool.com.cn

